ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 32 АВГУСТ 1984

ВПЕРВЫЕ В ОТКРЫТОМ КОСМОСЕ ЖЕНЩИНА-КОСМОНАВТ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

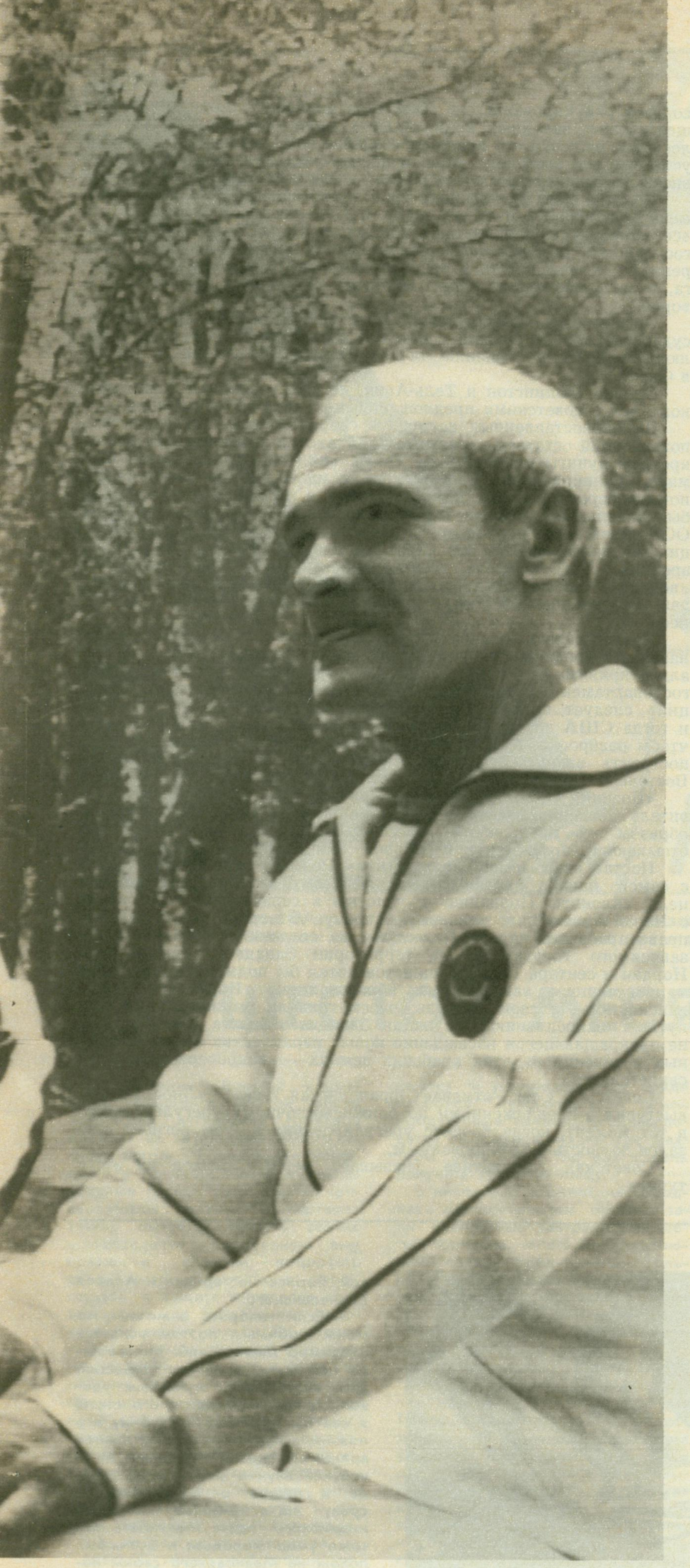
Основан 1 апреля 1923 года

№ 32 (2977)

4 АВГУСТА 1984

© Издательство «Правда», «Огонек», 1984

ВЫХОД В БУД

На космодроме Байконур космонавты (справа налево) В. Джанибеков, С. Савицкая, И. Волк встретились с журналистами.

Телефото В. Кузьмина (ТАСС)

УЩЕЕ

— Включаю... Есть питание. Есть луч. Прожигаю пятно... Солнце слепит, мешает, не могу рассмотреть... Все! Вижу след. Не очень ровный пока, но красивый.

Светлана Савицкая говорила с паузами, и в этих паузах эфир здесь, в Центре управления полетами, как бы заполнялся ее напряженным дыханием. Вдруг ожил экран зала. Возникли знакомые очертания орбитальной станции, штыри, антенны. Показался и исчез выпуклый бок Земли. Сначала неясно, а потом все четче и ярче весь экран заполнила фигура в скафандре. Голова неуклюже наклонена вперед, а в руке что-то похожее на пистолет.

— Сейчас шов стал ровнее. Пробую другой режим.— И голос Светланы уже ровный, спокойный, как всегда, деловитый.

...25 июля в 18 часов 55 минут, в очередной раз (шестой по счету!) открылся люк орбитальной станции «Салют-7». Пять раз отсюда выходили мужчины, а сейчас они галантно распахнули его для Савицкой. Впервые в истории космонавтики женщина вышла в открытый космос. Вместе с ней с компактной корзиной для специального инструмента на рабочую площадку подошел Владимир Джанибеков. Закрепились. Светлана взяла из корзины универсальный рабочий инструмент в правую руку, левую — на пульт управления, и эксперимент по металлургии — пайка, резка, сварка — в открытом космосе начался. Уникальную эту работу снимал Владимир Джанибеков.

— Резать труднее, чем на Земле. Металл быстро стягивается вокруг дырки,— комментирует Савицкая. Буднично, словно не летит она сейчас над Землей на высоте 350 километров в безопорном пространстве.

— Летите над Байкалом, скоро выйдете в тень, советуем приступать к напылению,— деликатно напоминает Земля.

Кончается видеозона. Алексей Архипович Леонов встает, вытирает платком лицо. Весь сеанс он просидел не шелохнувшись, вглядываясь в космос, только губами изредка шевелил, словно мог подсказать, помочь.

— В сто раз было б легче, если б пошел сам. Социологи, которые занимаются оценкой трудовой деятельности, считают, что самая тяжелая работа — в скафандре под давлением 10^{-7} степени атмосфер,— говорит он.— Космическое излучение окружает их. А контраст температур: с одной стороны — минус 140 градусов, а с другой стороны под солнечным светом — плюс 140. И микрометеоритики носятся... И все же это такое счастье — увидеть Землю вот так, открытой. Сейчас они в темноте летят. Отдыхают. Глаза попривыкнут и начнут различать Луну, звезды и облака над Землей, что делают ее косматой. А города на Земле — как угасающие костры...

В Центре управления в перерыве специалисты и журналисты столпились около инструмента, точно такого же, каким сейчас работают в космосе. УРИ — универсальный рабочий инструмент — действительно, похож на пистолет, самый мирный из всех пистолетов. Каждое действие его электронных пушек — сварка, пайка, резка — это в одном режиме, а в другом — напыление, результат огромного труда на Земле в Институте электросварки имени Е. Патона. Бессонные ночи, споры, отчаяние, когда казалось, что невозможно угодить всем этим бесконечным «надо»: и по весу, и по виду, и по безупречности действий. Но инструмент получился хорош. Компактный, ладный, умный.

...Начался следующий сеанс, и Джанибеков, взяв инструмент в руку, чтобы продолжить работу, дал оценку как инженер:

— Прекрасно работает. Мягко. Держать удобно. Швы получаются разные: простой, зигзаг.

И как художник:

— Ой, он как кисточка ходит. Какое удовольствие! Чего бы еще покрасить? Уверен, у него большое будущее.

В это будущее, когда в космосе нужно будет монтировать целые города, сегодня сделаны первые уверенные, совсем не робкие шаги. В эксперименте используются самые ходовые в космической технике металлы — титан, сталь. Но в принципе таким способом можно монтировать практически любые материалы.

Сейчас эти планшеты уже на Земле в руках специалистов. И не только планшеты, но ампулы, капсулы, фото- и кинопленка — весь бесценный груз. 29 июля в 16 часов 55 минут экипаж в составе Владимира Джанибекова, Светланы Савицкой и Игоря Волка в добром здравии возвратился на Землю.

Родина высоко оценила их заслуги. Дважды Герой Советского Союза, побывавший в космосе уже четвертый раз, В. А. Джанибеков награжден орденом Ленина; И. П. Волку присвоено звание Героя Советского Союза и звание «Летчик-космонавт СССР»; а С. Е. Савицкая стала первой женщиной, награжденной второй медалью «Золотая Звезда»,— дважды Героем Советского Союза.

12 дней — срок небольшой, но работа шла без отдыха, без выходных, от звонка «подъем» до звонка «отбой» с полным напряжением физических и душевных сил. С первого же часа запустили в производство целую серию космических экспериментов: «Цитоз» — по биологии, «Пневматик», «Анкета», «Аргумент», «Нептун», «Марс», «Балатон» — по медицине, «Электротопограф» — по технологии. Позже — астрофизические исследования.

Получили капсулы с образцами материалов, которые используются для закрепления стенок нефтяных и газовых скважин. На Земле, сколько ни бьются ученые, все материалы пористые, может быть, там, в невесомости, образцы, смешанные с водой, дадут тот единственно искомый состав, что на нет сведет потери нефти и газа в скважинах.

Получили ультрачистые биологические препараты в эксперименте «Таврия». Для медицины и сельского хозяйства работала полупромышленная установка. Процесс разделения биологических веществ в космосе идет, оказывается, в 400 раз быстрее, а вещество делится на 5 четких фракций.

Удивительный темп работы. И возможен он потому, что все системы, приборы, аппаратура на станции вели себя безупречно под опекой основного экипажа. Потому, что рядом были плечи, руки, опыт космических марафонцев — Кизима, Соловьева и Атькова.

— Мы сделали полностью все, что было предложено специалистами. Время пролетело как один день, и еще одного дня не хватило. Впрочем, в космосе хоть десять лет летай, все равно в конце окажется, что дня не хватит,— сказал, подводя итоги, Владимир Джанибеков.— Мы многому научились, чтобы теперь космос стал перспективным и давал реальную продукцию, которую можно было бы засчитать в выполнение народнохозяйственного плана. Мы можем сказать, что и наш труд вливается в труд нашего народа.

Р. КОРНАУШЕНКО

НАШ ВЗГЛЯД

МИР БЛИЖНЕМУ ВОСТОКУ

Сергей ЛОСЕВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Нет нужды доказывать, что из всех региональных конфликтов противоборство на Ближнем Востоке представляет, пожалуй, самую большую угрозу международному миру и безопасности. Сохраняющаяся взрывоопасная ситуация в этом регионе и жизненные интересы народов настоятельно диктуют необходимость скорейшего достижения справедливого и прочного урегулирования ближневосточного конфликта. Именно на это направлены всеобъемлющие предложения Советского Союза, опубликованные в советской прессе 30 июля, и призыв СССР ко всем сторонам в конфликте действовать исходя из трезвого учета законных прав и интересов друг друга, а ко всем другим государствам не мешать, а содействовать поискам такого урегулирования.

Все иные пути уже доказали свою бесплодность. Три арабо-израильских войны, 1956, 1967 и 1973 годов, равно как и израильское вторжение в Ливан, ничего не решили: они лишь принесли неимоверные страдания народам арабского Востока, усугубили бедствия почти четырех миллионов арабских беженцев из Палестины, углубили вражду между арабскими странами и Израилем.

Опыт со всей убедительностью показывает также бесплодность попыток американской дипломатии решать ближневосточную проблему путем навязывания арабам разного рода сепаратных сделок с Израилем на условиях агрессора и в обстановке непрекращающейся оккупации арабских земель.

В самом конце июля из Бейрута осуществлен отвод последнего контингента американской морской пехоты. А ведь не так давно президент США заявлял, что «силы США останутся в Ливане до тех пор, пока положение не окажется под контролем... У нас,— уверял Рональд Рейган,— имеются жизненные интересы в Ливане». Для того, чтобы закрепить свое военное присутствие в Ливане и дополнить израильскую оккупацию американской, администрация США прибегла к «дипломатии канонерок» и ожесточенным обстрелам ливанской территории из крупнокалиберных орудий линкора «Нью-Джерси».

Возведение террора в ранг государственной политики, ставка на грубую силу не дали, однако, результатов. Благодаря противодействию Сирии и национально-патриотических сил Ливана было аннулировано кабальное израильско-ливанское соглашение, навязанное ливанскому правительству под давлением США, а американской морской пехоте пришлось убраться из Бейрута. «Окончательный вывод морской пехоты,— резюмирует «Вашингтон пост»,— подчеркивает провал американской политики».

СССР вновь предлагает теперь провести переговоры с участием всех заинтересованных сторон в рамках международной конференции по Ближнему Востоку и в итоге конференции подписать договоры, предусматривающие вывод израильских войск со всех оккупированных с 1967 года арабских территорий; осуществление законных национальных прав арабского народа Палестины, включая его право на создание собственного государства; установление состояния мира и обеспечение безопасности и независимого развития всех государств — участников конфликта.

Должно быть прекращено состояние войны и установлен мир между арабскими государствами и Израилем. Это означает, что все стороны в конфликте, в том числе Израиль и палестинское государство, должны взять обязательства взаимно уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность друг друга, решать возникшие споры мирными средствами, путем переговоров.

Организация освобождения Палестины и многие арабские государства приветствовали советскую инициативу, созвучную резолюциям ООН и решению общеарабского совещания в верхах в Фесе.

Однако Вашингтон и Тель-Авив, не удосужившись даже ознакомиться с советскими предложениями, с ходу их отклонили.

Высокопоставленный сотрудник израильского правительства, пожелавший остаться анонимным, не захотел комментировать конкретные пункты предложения. Он заявил, что правительство Шамира «принципиально не согласно» с идеей созыва международной конференции по Ближнему Востоку, в работе которой приняли бы равноправное участие все заинтересованные стороны, включая ООП. Взяв на себя роль представителя американской администрации, он далее заявил, что США «придерживаются той же точки зрения». Представитель госдепартамента США напомнил, что «вопрос о созыве международной конференции поднимался много раз; Соединенные Штаты,— утверждал он,— всегда были против нее».

Представитель госдепа как бы запамятовал, что несколько лет назад эта конференция уже собиралась в Женеве и США официально принимали в ней участие. Поэтому нынешнюю констатацию госдепартамента о том, что США были «всегда против конференции», следует, видимо, воспринимать как подтверждение того, что и тогда США пошли в Женеву не с чистым сердцем, а для того, чтобы разбросать в стороны кирпичи, из которых можно было бы построить здание прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке.

«Позиция США по вопросу о конференции,— добавил представитель госдепартамента,— не изменилась. Мы не видим, каким образом это предложение могло бы привести к успеху, и я вас отсылаю к президентской мирной инициативе от 1 сентября...»

Но так называемая «инициатива» Рейгана от 1982 года была с самого начала мертворожденной, потому что она преследовала цель склонить Иорданию к участию в сепаратных переговорах с Израилем по палестинскому вопросу. Отвергая неотъемлемое право арабского народа Палестины на создание собственного независимого государства на территории Западного берега реки Иордан и сектора Газы, Вашингтон хотел бы подменить его неким марионеточным «автономным образованием». Израильские экспансионисты, в свою очередь, рассматривали «инициативу» как путь к закреплению оккупации Западного берега реки Иордан: не прекращающееся насаждение новых израильских военизированных поселений на этих арабских землях — неопровержимое тому свидетельство.

Советский Союз, отмечает французская газета «Либерасьон», выступил с предложениями по ближневосточному урегулированию в тот момент, когда процесс урегулирования в этом регионе оказался полностью блокированным.

Советская инициатива указывает верный выход из этого тупика.

ГОСТЬ «ОГОНЬКА»

В гостях «Огонька» побывал Шрикант Варма с супругой. Известный поэт, писатель и драматург Индии поделился своими мыслями о традиционных связях литератур двух великих стран.

— В Индии высоко ценят русскую классическую литературу,— сказал Шрикант Варма.— На мой взгляд, такая популярность произведений русских классиков объясняется духовным родством двух наших народов. Особенно близок нам Лев Толстой. Толстовские идеи оказали огромное влияние на вождя индийского национально-освободительного движения Ганди. Я по нескольку раз перечитывал Толстого и всегда находился под сильным впечатлением от его мудрых и добрых слов. Приехав в вашу страну, я, конечно, не преминул посетить Ясную Поляну. Для меня это своего рода паломничество к великому писателю не только вашей страны, но и всего мира. Но не только Лев Толстой известен у нас. Произведения Чехова и Достоевского знает почти каждый грамотный индиец.

Шрикант Варма пишет на хинди. Он вошел в литературу в 50-е годы. Это было время бурного расцвета индийской литературы. Шрикант Варма стал руководителем группы «Новая поэзия», которая стремилась к расширению тематики произведений и демократизации языка. У него вышло 16 поэтических сборников и роман в прозе «Снова».

— Как ни странно, сейчас в Индии,— продолжает Варма,— писателем стать труднее, чем это было до получения Индией независимости. Сейчас писатель должен равняться не только на своих классиков, но и соотносить свое творчество с мировой литературой, в частности с великой русской литературой.

Фото М. Савина

Шрикант Варма — прекрасный переводчик и неутомимый популяризатор советской поэзии у себя в стране. Из-под его пера вышли переводы стихов Владимира Маяковского, Анны Ахматовой, Бориса Пастернака и Андрея Вознесенского.

— Если говорить о поэзии, то моим любимым поэтом является Владимир Маяковский. Меня всегда поражала сила его страстей. Для меня было огромным удовольствием переводить его стихи, я как бы проникал в глубину его поэзии, в бурное и стремительное время его жизни. Владимир Маяковский научил меня писать. Когда я говорю о Маяковском, я сразу же вспоминаю молодого индийского поэта Моктибата. Он тоже умер молодым и очень был похож на Маяковского своим поэтическим порывом. В Индии хорошо знают классика советской литературы — Михаила Шолохова. Особенно известен его роман «Тихий Дон». Эта книга притягивает к себе, подкупает искренностью, трогает до глубины души. И я хорошо понимаю, что для вас, советских людей, значит Шолохов, эпохальные разломы, раскрытые в его произведениях.

Бритты бастуют... Суровые дни
У горняков не впервые.

Право на труд защищают одни,
Право на гнет — другие.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

ШЕСТОЙ МЕСЯЦ ЗАБАСТОВКИ

Ожесточение борьбы вокруг продолжающейся шестой месяц забастовки английских горняков выводит ее за пределы любого самого острого социального конфликта в Великобритании в послевоенные годы. Правительство консерваторов во главе с Маргарет Тэтчер пытается решить сейчас «сверхзадачу», порученную ему правящим классом,— подорвать способность и готовность профсоюзов к защите интересов трудящихся. Для британского рабочего движения судьба забастовки также означает гораздо большее, чем спасение 20 шахт и 20 тысяч рабочих мест в угледобывающей промышленности. Для тред-юнионов сейчас решается вопрос, сумеют ли они остановить наступление правительства на профсоюзные права, показать, что рабочая солидарность сильнее антирабочего законодательства и лавины репрессий, обрушенных властями на бастующих шахтеров.

Шестой месяц забастовки демонстрирует меняющуюся тактику правительства. Вначале ставка была сделана на то, чтобы взять горняков измором: голодом и угрозами выселения из домов в шахтерских поселках заставить их вернуться на работу.

Сорвалось. Конечно, бастующие и их семьи терпят труднопереносимые лишения. Но по всей стране идет сбор средств в пользу бастующих. Комплектуются, покупаются и распределяются среди наиболее нуждающихся семей продуктовые пакеты. Созданы десятки столовых и кухонь, где шахтеры могут хотя бы раз в день получить горячую пищу.

В некоторых шахтерских городках муниципалитеты организовали бесплатные завтраки для детей горняков. Многими профсоюзами создан фонд помощи. Только что профсоюз государственных служащих передал в него 25 тысяч фунтов стерлингов.

Вице-президент йоркширского отделения национального профсоюза горняков Сэмми Томпсон говорит: «Чувство локтя — вот о чем не имеют понятия Маргарет Тэтчер и Ян Макгрегор (председатель национального управления угольной промышленности). Они даже приостановили вначале выплату пособия детям бастующих в надежде вынудить их отцов вернуться на работу. Они не учли, что шахтерские семьи едины в своих требованиях и готовы бороться за их осуществление. Правительство просчиталось!»

Теперь основная ставка делается на массовые аресты, судебные преследования пикетчиков и угрозы судебных акций против самого профсоюза на основе принятого в последние годы антирабочего законодательства. Просто полиция, конная полиция, полиция в специальном снаряжении: в касках, с палками и пластмассовыми щитами — все используется для подавления массовых выступлений. Новые подразделения подтягиваются в угледобывающие районы по всей стране. Для их размещения используются армейские казармы. Говорят, что со складов в распоряжение полиции поступает газ «Си-эс» и пластиковые пули, опробованные в Северной Ирландии. Но и без стрельбы и газовых атак шахтеры уже похоронили двух своих товарищей, погибших в линиях пикетов.

Правительственная пропаганда изо всех сил пытается переложить вину за насилие, жертвы и тысячи арестов на бастующих. Но многие сотни случаев свидетельствуют, что полиция умышленно провоцирует столкновения, чтобы подорвать общественную поддержку шахтеров, выдав их за экстремистов и бунтовщиков.

Вот случай ареста, вызвавший недавно многочисленную демонстрацию протеста возле тюрьмы в городе Линкольне. Как рассказал представитель профсоюза на шахте в Ноттингеме Брайн Уокер, полицейские арестовали забастовщика Марка Брайли, придравшись к тому, что он припарковал машину у входа на шахту. На него надели наручники, поранив запястья, били при аресте. Видевший это его младший 17-летний брат Алан вступился и был арестован вместе с ним. Оба оказались в тюрьме в Линкольне, куда и пришли сотни шахтеров требовать их освобождения.

По поводу действий полиции в этой забастовке преподаватель политических наук Шеффилдского университета Энтони Арбластер недавно писал в газете «Гардиан»: «Полиция знает, что ее операции — сомнительные с точки зрения законности — будут поддержаны правительством. И она пользуется предоставленными ей возможностями: арестовывает тысячи шахтеров, фотографирует их, допрашивает по поводу их политических убеждений, подслушивает телефоны и пополняет этими сведениями свои досье на политических активистов».

Как сказал мне старый рабочий, бывший председатель городского совета тред-юнионов в городе Ковентри Билл Уормен, эта забастовка откроет многим глаза на слова и дела, когда речь идет о правах человека в этой стране. А для десятков тысяч молодых рабочих она будет настоящей школой классовой борьбы, которая, как их убеждала официальная пропаганда, якобы закончилась задолго до их рождения.

Сергей ВОЛОВЕЦ,
соб. корр. АПН,
специально для «Огонька»

Лондон.

Александр ПАЛЛАДИН

ПАМФЛЕТ

Вашингтонский парапсихоз

Я не открою Америки, сказав, что в Америке верят и в бога и в черта. Список дипломированных специалистов по части предсказания судеб, гадания на чайных листьях и кофейной гуще, заговаривания хворей, общения с потусторонним миром и прочей мистики занимает в адресной книге американской столицы добрых четыре страницы. Вот почему пришлось ограничиться телефонным звонком к «всемирно известной спиритистке, наделенной божественным даром индуске» мадам Соне, визитом к избравшей оседлую жизнь в уютном вашингтонском предместье цыганке, которая назвалась Наташей, и посещением ежегодного собрания «Национальной академии астрологов США».

Звездочеты поведали, что услугами одного из их коллег регулярно пользуется сам президент Рейган. Цыганка с русским именем рассказала, что по уик-эндам она дает сеансы в Джорджтауне — самом фешенебельном районе города. С той же предсказательницей, что выдает себя за дочь Индии, разговор был короток. Сколько ни старалась она добиться от меня личной явки (с говорящего по телефону дорого не возьмешь), пришлось ей удостовериться: безбожника колдовством не проймешь. Мне же, не скрою, и от мадам Сони вышел прок: кое-что и она добавила к представлениям о размахе гадалочного бизнеса в главном городе государства, где метафизика причудливейшим образом уживается с наукой подлинной.

Но мог ли я тогда знать, что дело обстоит много серьезней, что у псевдоиндуски Сони и ее товарок есть постоянная и, главное, солидная клиентура, что, наконец, штатный астролог при Белом доме не выдумка и даже не странность? Зато теперь есть основание смотреть на все это иначе благодаря Рону Макрею.

О Макрее чуть позже, а сейчас вернемся в центр Вашингтона. Здание, каких в этом районе немало, над входом вывеска: «Экстрасенс мадам Зодиак. Читаю по линиям руки, толкую гороскопы. Прием с 11 утра». Это — для рядовых посетителей. Четыре же года назад, раз в неделю, по вторникам, дверь к мадам Зодиак — ради конспирации черная, а не парадная — открывалась на два часа раньше обычного, чтобы впустить мужчину в штатском, но с военной выправкой, к запястью которого был прикован «дипломат». Мадам Зодиак расчищала стол от атрибутов своего ремесла (схемы звездного неба, игральные карты, хрустальный шар), и пришелец выкладывал из чемоданчика фотографии советских подводных лодок со штампом на обороте: «Совершенно секретно. ВМС США».

Пока посетитель потягивал кофе, содержательница салона, зажмурившись, водила по снимкам пальцами, что-то пришептывала, морщила от натуги лоб. Наконец мадам Зодиак осеняло, и переодетый в цивильное платье офицер военно-морской разведки принимался записывать под ее диктовку координаты и предполагаемый курс краснозвездных субмарин. Затем сообщники тепло прощались, и перед ясновидицей ложился очередной конверт с гонораром в 400 долларов.

В этом эпизоде вымышлено только имя гадалки (секрет, разглашению не подлежащий). Зато, утверждает Макрей, известно, что американское военно-морское начальство, пытаясь выследить в Мировом океане подводные корабли ВМС СССР, прибегало к услугам 33 других прорицателей, помимо «мадам Зодиак». Более того, в 1977 году начальник флотской фотолаборатории капитан Роберт Скиллен за 5111 долларов приобрел так называемый мультиспектральный анализатор изображений. Бравый моряк поверил, будто стоит вставить в прибор снимок советской подлодки, и получай ее координаты. Взглянуть на чудо к Скиллену забегали и сотрудники ЦРУ. Еще бы: по словам изобретателей, их товар также «обеспечивает неуязвимость от атомных и водородных бомб».

Пора, однако, представить Рона Макрея. В прошлом он сам служил в американском флоте, потом ударился в журналистику, сосредоточившись на раскапывании историй, о которых правительство США предпочитает помалкивать. Недавно в Америке вышла в свет книга Макрея «Война умов», откуда и взяты вышеприведенные и многие последующие примеры одержимости официального Вашингтона любой, даже самой сумасбродной идеей, лишь бы та сулила свершение мечты о господстве над человечеством.

Собирать материалы для «Войны умов» Макрей начал, прочитав в декабрьском (за 1980 год) номере журнала «Милитари ревью» статью подполковника Джона Александра. «Существуют системы оружия, управляемые силой разума и уже доказавшие свою боеспособность,— говорилось в статье.— Большое военное будущее и за телепатическим гипнозом. С его помощью можно засылать во вражеский тыл глубоко законспирированных агентов, которые и сами не подозревали бы о том, что их запрограммировали на определенные действия».

Заинтересовавшись, Макрей принялся наводить справки. И выяснил: в армии США существует проект сколачивания спецбатальона (командир уже назначен — подполковник Джим Чэннон), куда вербуют желающих «поступить на военную службу и изучить экстрасенсорную психологию».

Командир будущего подразделения и 800 его единомышленников — офицеров американской армии исходят из шовинистско-мессианской догмы: «Америка проложит роду людскому дорогу в рай». Дай Чэннону и его покровителям волю, они и впрямь заведут человечество на тот свет. Своих подчиненных самозваный поводырь в подполковничьей форме намерен превратить в беспрекословных роботов, движимых не интеллектом, а чувствами, притом самыми низменными. Немудрено, что заместитель начальника штаба армии США четырехзвездный генерал Роберт Шумейкер видит в спецбатальоне идеал «джи-ай» будущего, а самое престижное в США военное училище в Вест-Пойнте включило в набор наглядных пособий, демонстрируемых посетителям, видеофильм про Чэннона и его психосолдат.

Если в сухопутных войсках США о внедрении парапсихологии пока только подумывают, то флот, как упомянуто выше, союз с хиромантами и ясновидцами уже заключил. Нашлась «экстрасенсам» работа и в агентстве национальной безопасности, которое охотится за чужими шифрами и кодами и имеет самый большой среди шпионских ведомств бюджет. К военно-прикладным исследованиям в области парапсихологии, установил Макрей, привлечены известнейшие лаборатории и университеты, включая Принстонский и Стэнфордский, лауреаты Нобелевских премий. Вообще, констатирует автор «Войны умов», в Соединенных Штатах легче найти такое правительственное ведомство, которое не было бы в той или иной мере причастно к подобным работам. В равной степени это касается и номинально гражданских учреждений вроде Национального института здравоохранения или Национального агентства по аэронавтике и космическим исследованиям.

Давно и широко экспериментируют с парапсихологией здешние полицейские службы. Ни гипноз, ни ясновидение, однако, не помогли раскрыть трагедию Атланты, где четыре года назад в течение считанных месяцев были умерщвлены без малого 30 черных подростков. Наемные «экстрасенсы» ни на йоту не приблизили ФБР и к выяснению истины насчет «рейгангейта» — длящегося по сей день скандала вокруг конфиденциальных бумаг, похищенных из картеровского Белого дома для его будущего хозяина. Если у полицейских парапсихологов и были удачи, то помимо их собственной воли: страх перед ними порой ввергал преступников в панику, и на этой почве был даже случай явки с повинной...

Неодолимое влечение к телепатам и прорицателям испытывает и ЦРУ. Еще в 1952 году ведомство плаща и кинжала получило сверхсекретную директиву «продвигать исследования как можно быстрее и дальше в направлении практического применения» в военно-шпионских целях. Одновременно ЦРУ предписывалось соблюдать строжайшую конспирацию, особенно в вопросах ассигнований. (Забегая вперед, со ссылкой на Макрея добавлю, что остальные заинтересованные госучреждения США тоже берегут эту тайну пуще зеницы ока, маскируя работы по парапсихологии мудреными названиями вроде «новые способы передачи биологической информации», как в том же ЦРУ именуют телепатию. Тем не менее недавно газета «Нью-Йорк таймс» с помощью сведущих людей определила ежегодный бюджет здешних любителей научно не объяснимых явлений во многие миллионы долларов.)

Но, может быть, Макрей описал поветрие, которое уже выветрилось? Не похоже. Три года назад, говорится в «Войне умов», Пентагон носился с идеей создать «гиперкосмическую ядерную глубицу»: взрываешь водородный заряд на полигоне в Неваде и усилием воли проецируешь его на Москву. Позже, с учетом интереса Рейгана к «звездным войнам», там же родился новый проект — опустить над Соединенными Штатами «временной занавес», рикошетом от которого вражеские ракеты отлетали бы... в далекое прошлое. (Тогда, с иронией замечает Макрей, удалось бы, наконец, разрешить споры насчет причин гибели динозавров.)

Роджер Бомон, военный историк из Техасского университета, утверждает, что интерес «к военному потенциалу парапсихологии» в последнее время возрос. Бывшая сотрудница Белого дома Барбара Хонеггер уточняет: исследования в данной области ведутся с ведома «руководителей отделов научно-технической политики и разработки политики Белого дома, а также Совета национальной безопасности». По ее словам, парапсихология сыграла пусть косвенную, но важную роль в определении способа базирования ракет МХ.

В начале этого года советник президента по научным вопросам Джордж Киуорт прокомментировал слухи об интересе его правительства к парапсихологии так, что «Нью-Йорк таймс» назвала его ответ признанием очевидного.

Тому есть ряд причин. Одна из них — увлечение американцев всякого рода суевериями, небылицами, вымыслами, замешанными на элементарном невежестве. Вот несколько примеров.

По данным института изучения общественного мнения Гэллапа, 51 процент жителей США верит в парапсихологию, 37 процентов — в хиромантию, 29 процентов — в астрологию. (Кстати, на 2 тысячи астрономов в США приходится 20 тысяч «профессиональных» астрологов.)

В здешних книжных магазинах, даже солидных, на видном месте выставлены «Предсказания Нострадамуса» — свод изречений средневекового прорицателя, отредактированных таким образом, что выходит, будто тот, кому их приписывают, за много столетий предвидел убийство Кеннеди,

рост преступности в американских городах, появление нью-йоркских небоскребов и чуть ли не все остальное, что волнует современного жителя Соединенных Штатов. А в Калифорнии компания «Хевенс юнион» («Небесный союз») выполняет роль телеграфа по связи... с потусторонним миром. (Тариф — 60 центов за слово; отправления, адресованные в ад, не принимаются.)

Процветает, словно на дворе не век спутников, а времена инквизиции, «Общество плоской земли». С избранием Рейгана обрела «второе дыхание» теория божественного происхождения жизни. В 36 штатах внесены законопроекты о преподавании богословия. Терроризируемые мракобесами издатели все чаще отказываются печатать тексты, хотя бы мельком упоминающие теорию эволюции. Словом, перефразируя популярную некогда строфу, в сегодняшней Америке «что-то физики в загоне, что-то метафизики в почете».

Между тем Пентагон требует новых бюджетных ассигнований для проведения парапсихологических опытов. В конгрессе США эту кампанию возглавляет Чарли Роуз, который входит в состав комиссии палаты представителей по делам разведки и страдает коллег пресловутой угрозой «отставания от русских». Три года назад, пишет Макрей, он вызвался стать объектом экспериментов по провоцированию паранойи. Похоже, в его случае опыт удался. Стоит Роузу учуять малейшее сомнение по поводу своих идеек, как его глаза наливаются кровью, а уста изрыгают ставшую штампом фразу: «Этого типа пора вызвать в комиссию по расследованию».

«Улики» преемнику Маккарти поставляет Пентагон. Так, в 1978 году умышленно рассекретили «документы», из которых следовало, будто Советский Союз обрел способность менять образ мыслей военных и политических лидеров США, с помощью телепатии и гипноза выводить из строя военную технику и личный состав американской армии. Когда же от фальсификаторов потребовали доказательств, они выдвинули неотразимый аргумент: мол, отсутствие конкретных сведений — самое веское свидетельство, что в обороне Соединенных Штатов образовалось «окно уязвимости» еще на фронте парапсихологии. Вслед за этим возникла идея снабдить персонал здешних ракетно-ядерных баз «психическими заслонками», которые вкупе с «транзисторными головками чеснока» (модернизированный вариант средства от вампиров) тут же предложили пройдошистые «экстрасенсы».

Как же все-таки расценивать то, что подробнейшим образом, с многочисленными ссылками на авторитетные источники описал Макрей? Может быть, ответ таится в мнении директора научно-исследовательского центра по изучению аномалий в Энн-Арборе (штат Мичиган) Марчело Труцци, которого Макрей пригласил в редакторы-консультанты. В работах в области парапсихологии, которые ведутся в США, считает Труцци, много дезинформации, предназначенной для того, чтобы вовлечь всех, в ком Вашингтон видит врагов, в дорогостоящие исследования по заведомо ложным направлениям.

Вашингтон.

ПАМЯТИ МУИНА БСИСУ

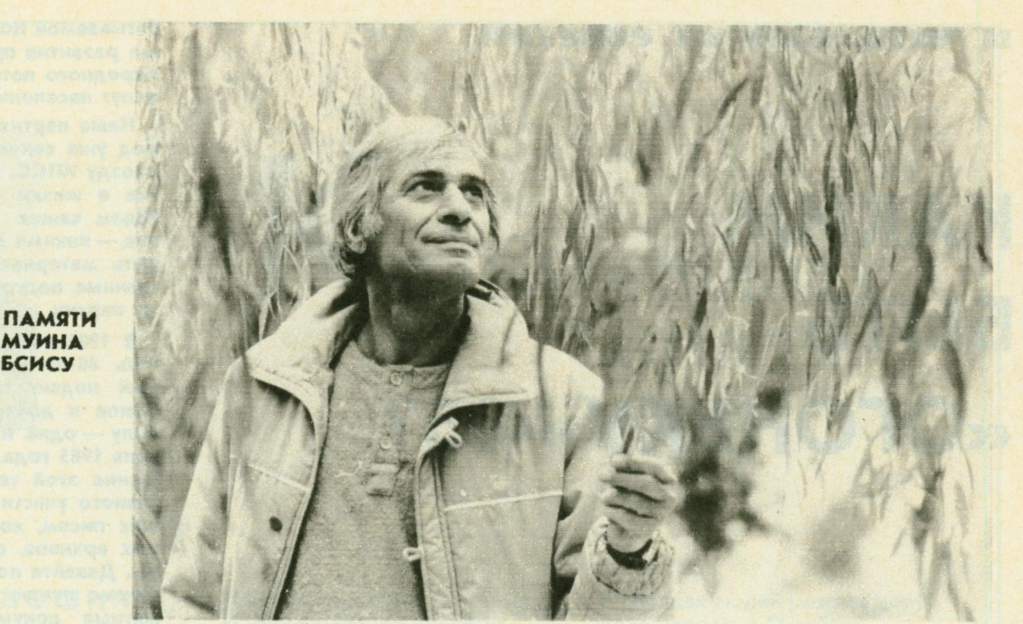

Фото А. Маслова

БОЛЬ УТРАТЫ

Элис ФАИЗ

Я понимаю, еще очень мало прошло времени и рана еще слишком свежа, но все-таки я не могу не написать о Муине...

Эта рана никогда не затянется, не утихнет боль, не ослабеет тяжесть утраты; и если писать, то сейчас, не откладывая.

— Пусть меня похоронят в Газе,— говорил он,— там, где я родился, где жила моя семья, на берегу реки.

Мы стояли на шестом этаже на балконе нашей бейрутской квартирки, и, облокотившись на перила, смотрели на простиравшееся перед нами сверкающее Средиземное море. А внизу на улице пестрели в шуме и суете людская толпа, потоки автомобилей, грузовиков, автобусов, «джипов»...

В ту ночь, как и во многие другие, израильские канонерки подкрадывались к городу под прикрытием темноты и выплескивали огненные залпы, а горстка палестинских «гнезд» береговой охраны отвечала редкими орудийными выстрелами. Я часто подтрунивала над Мусой, телохранителем палестинского поэта Муина Бсису: что толку от этих нескольких пушек? Он гордо вскидывал голову в ответ:

— Пусть знают, что мы здесь!

«...Похоронят в Газе» означало непоколебимую веру в конечную победу палестинской революции. Каждая строка этого поэта-борца обрушивалась на врага, его приспешников и малодушных попутчиков революции. Борцы умирали в сражениях, от рук убийц, от тяжелых болезней, но их вера оставалась непреклонной.

По работе в Ассоциации писателей Азии и Африки мы знали Муина как редактора арабского издания журнала «Лотос». Но нам довелось узнать его и гораздо ближе. Как любящего отца троих детей: сын, Тауфик, высокий, длинноногий, копия отца, уже умело обращался с оружием, был членом молодежной бригады ООП, и две стройные дочери. Мы знали его как заботливого сына мягкой седовласой матери и сутуловатого, доброжелательного отца. Мы знали его как брата, племянника, друга...

Муин чувствовал, что он постоянно под прицелом врага, его водитель был всегда вооружен, да и сам Муин не расставался с пистолетом.

В коридоре у двери редакции «Лотоса» — постоянно охрана. А значит, и нам спокойнее — наша квартира напротив.

Когда я впервые приехала в Бейрут, Муин распахнул передо мной дверь этой квартиры: вот ваш дом, извините, что так скромно. И она служила нам домом почти два года. И за эти два года Муин стал частью нашей жизни — вместе в Москве, Монголии, Сирии, Вьетнаме, Кампучии, Лондоне и снова в Бейруте...

Да, революция была смыслом его жизни, самой его жизнью.

И все же бывали дни, когда мы веселились: в маленьком домике на побережье в двух километрах от Бейрута, куда иногда выезжала его семья. Не забыть мне счастливых часов у Муина дома среди его друзей, писателей, художников. Его дом, полный сувениров, дорогих его сердцу памятных подарков от друзей и поклонников, хоть и недолго, служил ему прибежищем, отдохновением.

Впервые я познакомилась с Муином в Москве, куда съехались писатели Азии и Африки после конференции в Эфиопии. Я опоздала на самолет в Аддис-Абебу и не смогла присутствовать на встрече. Поэтому с интересом слушала их рассказы. Все были довольны, оживленно обменивались впечатлениями...

Что можно сказать об этом человеке? Высокий, подвижный, всегда элегантный, но готовый, если понадобится, надеть потертую, выцветшую форму бойцов ООП. О пережитом в тюремных застенках он рассказал в «Палестинских тетрадях», его стихи переведены на многие языки. Он стал первым переводчиком стихов Фаиза Ахмада Фаиза на арабский (сидел ночами, чтобы успеть в срок). Очень гордился этим маленьким томиком.

С каким наслаждением мы слушали, как он читал свои стихи. Короткие, чеканные, яростные строки, как орудийные залпы. Мы слушали и восхищались духом палестинской революции. Самой памятной стала встреча в Ханое. Вечер поэзии. Поэты Азии и Африки читают свои стихи перед огромной аудиторией. И вот на сцену выходит Муин. Затаив дыхание слушает зал пламенные строки на непонятном арабском языке и разражается бурными аплодисментами. Затем его вьетнамский переводчик, худощавый, невысокого роста, читает по-вьетнамски с таким волнением, что на его глазах наворачиваются слезы, и зал снова грохочет. Муин наклоняется, сгибаясь почти вдвое, и обнимает этого маленького ветерана вьетнамской революции. Зал смеется и плачет.

Наша последняя встреча—Муин уезжает из Москвы в Тунис. Мы сидим в гостиничном номере: облака сигаретного дыма, кофе, нескончаемые разговоры... Пора прощаться... И вдруг...

— О боже! — вырывается мучительный стон.— Если бы только этот самолет разбился и кончились мои страдания! — Муин закрывает лицо руками.— Я все потерял, все!..

Какое-то мгновение — и он уже у порога, досадует на себя за минутную слабость. Мы обняли его, все понимая. Знали, что он всегда будет в первых рядах борцов.

Могла ли я знать, что это будет наша последняя встреча, что не дождутся его берега Газы, что похоронят его не на родной земле... Я бы крепче обняла его... Могла ли я знать...

Перевод Н. СТЕПАНОВОЙ.

к читателю за советом

КАКИМ БЫТЬ «ОГОНЬКУ»-85?

Началась подписка на газеты и журналы на 1985 год. Редакция занята составлением перспективных планов. Формируем редакционный портфель, ведем переговоры с авторами, намечаем будущие темы, еще и еще раз обращаемся к читательской почте. Ведь лицо журнала в немалой степени определяется советом читателей, мерой их требовательности, их участием в редакционной работе. Поэтому мы просим вас: напишите, каким вы хотите видеть «Огонек» в 1985 году. Мы будем признательны и за развернутые предложения и за лаконичный совет, за подсказанную тему и предложенную рубрику. Что, с вашей точки зрения, могла бы предпринять редакция общественно-политического и литературно-художественного журнала, чтобы он наиболее полно удовлетворял растущие запросы читателей, чтобы еще ярче, убедительнее рассказывал о борьбе советских людей за выполнение решений XXVI съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС; о путях быстрейшего осуществления Продовольственной программы; о разрабатываемой Комплексной программе развития производства товаров народного потребления и системы услуг населению.

Наша партия, весь советский народ уже сейчас готовятся к XXVII съезду КПСС. Это огромное событие в жизни советской державы. Ждем ваших предложений, советов,— какими бы вам хотелось видеть материалы журнала, посвященные подготовке к XXVII съезду партии.

В 1985 году страна будет отмечать 40-летие Победы. Бессмертный подвиг нашего народа, его сынов и дочерей на фронте и в тылу — одна из главных тем журнала 1985 года. Мы не мыслим решение этой темы без самого активного участия читателей, без ваших писем, воспоминаний, семейных архивов, фотографий той поры. Давайте посоветуемся, в какой форме лучше вынести все эти памятные документы на страницы журнала, чтобы сделать максимально яркой коллективную повесть о всенародном подвиге.

Редакцию интересует ваше мнение о наших постоянных разделах: проза, поэзия, литературная критика, публикации по истории культуры, статьи, помогающие познакомиться с шедеврами мирового, советского многонационального искусства; ваше мнение об очерках, репортажах и статьях по проблемам промышленности, сельского хозяйства, социального и культурного строительства, торговли, науки и техники, военно-патриотического и нравственного воспитания; удовлетворяют ли вас выступления по театру и кино, телевидению и спорту. Какие публикации по этим и другим привлекающим внимание вопросам вы хотели бы прочитать в «Огоньке»!

«Огонек» получает немало писем. Пока мы не удовлетворены тем, как используем их. Подскажите редакции пути и методы более активного использования ваших писем. Заинтересовали ли вас, в частности, страницы «Читатель — журнал — читатель», «Почта одного дня»!

В журнале прочно утвердился жанр интервью. Что, по вашему мнению, нужно сделать для большей их доходчивости, кого бы вы хотели включить в круг ваших собеседников, с кем и о чем вы хотели бы побеседовать на страницах журнала! Сформулируйте вопросы, которые вас интересуют. Редакция задаст их рабочим и колхозникам, партийным и советским работникам, ученым и писателям, деятелям искусства, театра и кино, руководителям промышленности и торговли, спортсменам и другим интересующим вас людям.

Редакция намечает расширить круг тем, отражающих жизнь семьи, школы, советской молодежи, круг проблем, связанных с формированием личности в развитом социалистическом обществе. Давайте посоветуемся, как лучше это сделать.

УЧАСТНИКИ ПАРАДА ПОБЕДЫ, ОТЗОВИТЕСЬ!

НУЖЕН ЗНАК УЧАСТНИКА ПАРАДА

С самого начала войны прошел я с боями от Ржева до берегов Балтийского моря, участвовал в штурме Кенигсберга. За образцовое выполнение боевых заданий командования награжден орденами Красной Звезды и Красного Знамени, медалью «За отвагу» и другими наградами. В боях получил три ранения.

Вспоминаю, как в начале мая 1945 года нас в составе сводного полка от 3-го Белорусского фронта привезли в Москву и разместили в помещении бывших Чернышёвских казарм. Мы ежедневно выезжали для подготовки к параду на набережную Москвы-реки на территорию Центрального парка культуры и отдыха имени А. М. Горького. Занятия были очень интенсивными. Строевой подготовкой руководил командир стрелкового корпуса дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант П. Кошевой (впоследствии Маршал Советского Союза).

24 июня 1945 года было дождливое, но теплое. Настроение у нас было приподнятое. После прохождения по Красной площади мы были буквально «растерзаны» москвичами, собравшимися на улицах для демонстрации, которая, к сожалению, не состоялась из-за непогоды.

На этом можно было бы и закончить свое письмо, если бы не один факт, который, на мой взгляд, заслуживает внимания редакции. Учитывая, что приближается историческая дата в жизни советского народа — 40-летие Победы в Великой Отечественной войне, а также 40-летие со дня проведения парада Победы, я решил обратиться в Центральный архив Министерства обороны СССР с просьбой подтвердить мое участие в параде. Каково же было мое удивление, когда я получил вот такой ответ: «Уважаемый Валерий Михайлович! Документов по учету личного состава сводного полка 3-го Белорусского фронта, принимавшего участие в параде Победы 24 июня 1945 года, в Центральном архиве Министерства обороны СССР на хранении нет, в связи с чем выполнить Вашу просьбу не представляется возможным. В документах частей и соединений, представители которых участвовали в параде, их убытие отражалось как в командировку».

Получается, что мы не можем доказать свое участие в историческом параде Победы. А ведь мы в течение длительного времени подготовки к параду получали в Москве довольствие, парадную форму и оружие, а также медали «За победу над Германией» и к ним удостоверения в красной обложке. Думаю, что было бы неплохо теперь, в канун 40-летия парада Победы, придумать какой-то знак и вручить его участникам этого исторического парада.

В. ВОЕВОДИН

Москва.

ВЫСОКАЯ ЧЕСТЬ

На флот я был призван осенью 1940 года со второго курса Харьковского авиационного института и вскоре стал радиотелеграфистом.

И вот наступило утро 22 июня 1941 года, перевернувшее судьбы всех советских людей. В конце октября, прорвав наши укрепления на Перекопском перешейке, враг устремился в Крым. На обширном плацу нашего учебного отряда спешно формировались батальоны морской пехоты. В один из них был включен и я командиром стрелкового отделения. Винтовка с граненым штыком, подсумок с патронами, пара гранат, противогаз да черная матросская форма, под которой бились наши комсомольские сердца,— вот и все, с чем мы выходили навстречу врагу, рвавшемуся к Севастополю. Тогда же девятнадцатилетним юношей я был принят кандидатом в члены партии.

А в конце декабря меня тяжело ранило. Долгие месяцы лечения, и летом 1942 года я снова в морской пехоте. Наш 137-й полк на лидере «Харьков» и эсминце «Бойкий» срочно направляется в Новороссийск, к которому уже подошел враг. В районе цементных заводов «Пролетарий» и «Октябрь», истекая кровью вместе с другими частями, полк не пропустил противника дальше.

В первом батальоне я обеспечивал связь со стрелковыми ротами. Обстрел ли, ночь ли, снег или дождь, но мы шли на устранение повреждений линий, обеспечивая связь.

В конце 1942 года я был снова ранен, но вскоре вернулся на передовую. Теперь я стал автоматчиком и сражался в горах северо-восточнее Новороссийска.

В мае 1943-го я снова стал связистом и был переброшен на Малую землю. Трудно там было неимоверно, мои друзья погибали при бомбежках, подрывались на

Насколько актуальны и действенны проблемные и критические выступления журнала? Приведите примеры, когда вас удовлетворили меры, принятые по тем или иным поднятым в журнале вопросам, и когда нет. Какие проблемы следовало бы поднять? Мы предполагаем ввести рубрику «По заданию читателя».

Ваши соображения о публикациях на международные темы, о выступлениях журнала на главном направлении — борьбе за мир? Как лучше освещать опыт стран социализма, жизнь народов, борющихся за освобождение от империалистической зависимости? О чем еще хотели бы вы прочесть в международном разделе журнала, в статьях и очерках политических обозревателей, журналистов-международников?

Имена каких писателей и поэтов, советских и иностранных, желали бы вы встретить на наших страницах? «Огонек» печатает художественные и документальные произведения различных жанров. Какие из них привлекли ваше внимание, какие показались не слишком интересными? Ждем ваших откликов и заявок.

И, наконец, — ваше мнение о внешнем облике журнала, о его оформлении, обложках, цветных вкладках, фотоочерках, фоторепортажах, о художественном уровне фотографий в «Огоньке».

Ждем ваших писем. На конверте напишите: «Огонек»-85.

минах, но связь мы поддерживали устойчивую.

Потом — бои на Таманском полуострове, десант в Эльтиген... Судьба этого героического десанта теперь хорошо известна, многие его участники пали смертью героев, а некоторые по тылам врага пробились в район Керчи к 56-й армии. Я оказался в числе немногих ушедших с плацдарма по приказу на мотоботе, до предела загруженном ранеными. Дальше я воевал в составе 117-й гвардейской стрелковой дивизии, участвовал в освобождении Житомира, Бердичева, Тернополя, Равы-Русской, сражался на Сандомирском плацдарме, дошел до Берлина. Войну наша дивизия закончила не 9-го, а 13 мая 1945 года в районе чехословацкого города Плясы.

Ровно через неделю меня вызвал командир дивизии генерал-майор Волкович. О том, что еду на парад в Москву, я узнал не от командира, а от его адъютанта.

И вот, наконец, Москва! Столица нас поразила своей ухоженностью, вниманием и радушием со стороны москвичей.

Утром 24 июня взволнованные, в приподнятом настроении мы строимся и идем на Красную площадь. Наш сводный полк 1-го Украинского фронта стоял почти против Мавзолея В. И. Ленина, я — в первой шеренге крайний слева. Знамя — в руках трижды Героя Советского Союза полковника Покрышкина.

Под звуки марша мы идем, печатая шаг, мимо Мавзолея, на нас сыплется летний московский дождь. Идем, держа равнение, сверкая мокрыми касками и боевыми наградами, идем с душевным волнением, запомнившимся навсегда. И поневоле казалось, что рядом с нами идет вся армия, идут и те герои, которые не вернулись с поля боя.

Прошло тридцать девять лет с того незабываемого дня. И чем дальше уходят годы, тем яснее понимаешь, какая высокая честь выпала тогда на твою долю, на долю каждого участника парада Победы! Чувство это до сих пор согревает душу.

А. КОРМИЧ

Хабаровск.

Кремлевских башен маяки

Владислав ШОШИН

Когда уже в ночи беззвездной
Не отыскать далекий путь,
Когда уже над черной бездной
Готова разорваться грудь,
Когда бескрыло и нежданно
Беда нахлынула, — всегда
Встает над миром осиянно
Москвы кремлевская звезда.

Будь в Чили он иль в Сальвадоре,
Тот путник, страждущий во мгле...
Москва, твои увидеть зори
Спешат все люди на Земле.
Кто стеком варварским унижен,
Кто начинает гордый бой, —
Все сыновья лачуг и хижин
Тобой гордятся, как судьбой.

Тобой гордятся, как отрадой,
Что с детства каждому дана,
Тобой гордятся, как наградой,
Что в каждой жизни — лишь одна.
Рассвет и мрак непримиримы,
И приливает кровь к вискам,
И под крылом твоей зари мы
Идем к приборам и станкам.

Москва! Тобою дышат пашни,
Тобой живет оркестров медь,
Тобой гордится день вчерашний,
И станет завтрашний греметь.
Владеют бури небосводом,
Но ярко светят, высоки,
Не только лайнерам — народам
Кремлевских башен маяки.

Не только в гости к нам все флаги,
Сердца навек приходят к нам,
Чтобы, испив твоей отваги,
Мир поразить своей... Вьетнам —
Тому свидетельство живое!
Спросите Кубу: чем живет
Ее величье боевое?
Московский ветер в нем поет!

Все, чей рассвет тускнеет сиро,
В тебе свой видят звездный час.
Москва! В тебе и судьбы мира
И судьбы каждого из нас.
И потому о правом долге
Мы нынче гордо говорим,
Что все ведут к тебе проселки,
Как не вели когда-то в Рим.

Скажу — Москва, и сразу солнце
Рассветный Кремль позолотит,
И шпиль высотный засмеется,
И птица с песней прилетит.
Мы знаем: будущее с нами.
Через моря и рубежи,
Повсюду светит наше знамя
Сквозь пелену кровавой лжи.
Москва! Твои нетрудно песни
От сердца к сердцу передать,
Сейчас рукой от Красной Пресни
До Никарагуа подать.
День пробивает путь упорно,
Держа грядущее в руках,
И мы добра бросаем зерна
На всех шести материках.

Не ты ль историю вобрала,
Как мать — сыновних дел размах:
Крестьянской пахоты орала,
Иконы в древних теремах.
Мы помним поле Куликово,
Багратионовский редут,
Везде твое святое слово
Вело, как матери ведут.

Когда история листала
Страницы горькие, спеша,
Ты вновь за жизнь Отчизны встала,
Считая диски ППШ.
И взору мертвого комбата,
Что, батальон подняв, упал,
Все снились улочки Арбата,
Ромашки у загорских шпал.

Добру свой путь пробить непросто,
Ведь мир несет оно — не нож.
Еще слаба младенца поступь —
Ему вливают в уши ложь.
Бандит спешит в пустыню смерти
Простор афганский превратить,
Фигляр, скривясь, святыней вертит,
Чтоб мир наш по миру пустить.

Пускай маньяк в атомном раже
Идет на штурм твоей мечты,
Правофланговою на страже
Любви и мира встала ты!
Пусть над ретортой гном колдует,
Чтобы Земля сгорела вся, —
Твой ветер в алый парус дует,
Его на стрежень вынося.

Когда свободные народы
Вокруг Москвы встают стеной,
Кто смеет Родину свободы
Ухмылкой трогать площадной?
Пока сияет солнце в небе,
Пока не взорван небосклон,
Твой несравненный в мире жребий
Никем не будет посрамлен.

В сердцах людей рождая веру,
Ведя народы к Октябрю,
Коммунистическую эру
Ты открываешь, как зарю.
Уже с твоей походкой твердой
Роднятся новые века,
И вещий стяг развернут гордо
Над светлым зданием ЦК.

О мире вечно твое слово,
То Слово Ленин произнес,
Чтоб на Земле не слышать снова,
Не видеть больше детских слез.
Не зря народы черной ночью
На свет звезды кремлевской шли.
Москва! Становишься воочью
Хранительницей всей Земли.

Программа мира — это значит
В душе покой и мир в дому,
И под бомбежкой не заплачет
Ребенок, падая во тьму.
Программа мира — океаны
Вращают мельниц жернова,
Космические караваны
К тебе обращены, Москва!

Труд — жизни каждого основа.
Но планов наших громадье
Твое являет миру слово
И дело верное твое.
Восторг? И в вечер звездно-синий
Всего звончей сердца поют,
Когда к Октябрьской годовщине
На всю страну встает салют.

Любовь? А это значит — рощи
Над Сходней в зареве зари,
Где поутру опять полощут,
Как медом, горло снегири.
Печаль? И это нам знакомо
Под Сталинградом и Днепром.
И, зная грубый грохот грома,
Мы отведем от мира гром.

Мы для добра зарю встречаем,
Чтобы добра был вечен след.
За жизнь мы жизнью отвечаем —
Во имя мира на Земле.

Москва! Простор миллионодомный,
Зеленых пригородов даль.
Москва! Размах аэродромный
И рельсов трепетная сталь.
— Москва! — мы повторяем снова.
Пусть слышат все тебя друзья.
Москва! Ты в песне мира — слово,
Не петь которое нельзя.

Ленинград.

«Тебе певцу, тебе герою!»

Владимир ЕНИШЕРЛОВ

«Говоря о Давыдове, мы преимущественно имеем в виду поэта; но чтоб понять Давыдова как поэта, надо сперва понять его как Давыдова, т. е. как оригинальную личность, как чудный характер, словом, как всего человека».

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Я не поэт, я — партизан, казак.
Я иногда бывал на Пинде, но наскоком,
И беззаботно, кое-как,
Раскидывал перед Кастальским током
Мой независимый бивак.
Нет, не наезднику пристало
Петь, в креслах развалясь, лень, негу и покой...
Пусть грянет Русь военною грозой —
Я в этой песне запевало!

Как характерно для Дениса Давыдова это признание! Литература, поэзия у него всегда как бы на втором плане, между прочим, а главное — сражения, ратная служба, лихая удаль конных атак, внезапность авангардных стычек. Но, конечно, он лукавил, зачисляя себя в число литераторов-полупрофессионалов, довольствующихся «карманною славою». Достаточно вспомнить слова Давыдова в письме П. А. Вяземскому о радости, вызванной в нем отзывом Пушкина, который, хваля стихи Давыдова, сказал, что в молодости научился именно у Давыдова «писать круче», что «потом вошло ему в привычку». И все же ощущение некоторой отстраненности от «цеховых стихотворцев» было ему органически свойственно. В автобиографии, написанной от третьего лица, Денис Васильевич говорит: «...Давыдов не искал авторского имени, и как приобрел оное — сам того не знает. Бо́льшая часть стихов его пахнет биваком. Они были писаны на привалах, на дневках, между двух дежурств, между двух сражений, между двух войн; это пробные почерки пера, чинимого для писания рапортов начальникам, приказаний подкомандующим.

Стихи эти были завербованы в некоторые московские типографии тем же средством, как некогда вербовали разного рода бродяг в гусарские полки: за шумными трапезами, за веселыми пирами, среди буйного разгула.

Они, подобно Давыдову во всех минувших войнах, появлялись во многих журналах наездниками, поодиночке, наскоком, очертя голову; день их — был век их».

Конечно, многое в этой автохарактеристике поэта-воина нарочито смещено, романтизировано. На самом деле лишь некоторые стихи писал Давыдов во время походов, преимущественно же создавал он свои произведения в мирной обстановке, черновики свидетельствуют, как тщательно, в полном смысле профессионально, отделывал он каждое стихотворение. Под выдуманной маской «дилетанта», под расхожим определением «партизана, который пишет стихи», на самом деле скрывался один из своеобразнейших поэтов XIX века, настоящий чародей слова, столь оригинальный, что Пушкин писал ему, упоминая очень опытного журналиста: «Сенковскому учить тебя русскому языку все равно, что евнуху учить Потемкина».

М. В. Юзефович вспоминал, что на его вопрос Пушкину, как он в молодости избежал подражания Жуковскому и Батюшкову, тот ответил, «что этим он обязан Денису Давыдову, который дал ему почувствовать еще в Лицее возможность быть оригинальным».

Появление Д. Давыдова на небосклоне российской словесности в начале XIX века было поразительно. В русской литературе вообще рубежи веков как бы определяют некую «точку отсчета», рождение новых школ, направлений, стилей, качественный взлет мысли, стиха, прозы. Достаточно обратиться к «грани» XIX и XX веков, чтобы подтвердить эту мысль. И на заре века XIX вдруг, как молния, блеснули, казалось бы, совершенно невозможные для той эпохи стихи:

Бурцов, ёра, забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради бога... и арака
Посети домишко мой!
В нем нет нищих у порогу,
В нем нет зёркал, ваз, картин,
И хозяин, слава богу,
Не великий господин.
Он — гусар, и не пускает
Мишурою пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны куль овса.
Нет курильниц, может статься,
Зато трубка с табаком;
Нет картин, да заменятся
Ташкой с царским вензелем!
Вместо зеркала сияет
Ясной сабли полоса:
Он по ней лишь поправляет
Два любезные уса.
А на место ваз прекрасных,
Беломраморных, больших,
На столе стоят ужасных
Пять стаканов пуншевых!
Они полны, уверяю,
В них сокрыт небесный жар.
Приезжай, я ожидаю,
Докажи, что ты гусар.

Вот истинный образец «гусарского» стиха, создателем и единственным представителем которого в «книжной» русской поэзии был Денис Давыдов. «Резкие черты неподражаемого слога» (Пушкин) не только отличают прозаические и стихотворные произведения Давыдова, характеризующиеся смелой лексикой, полной свободой и раскованностью, внезапными интонационными переходами, но и создают непреодолимую трудность для подражателей. Даже Батюшков, обратившись к гусарской теме в стихотворении «Разлука», потерпел неудачу, по поводу которой Пушкин заметил: «Цирлих-манирлих, с Д. Давыдовым не должно и спорить». Однако и сам в знаменитом «Гусаре» («Скребницей чистил он коня...») отдал дань теме.

Друзья Д. Давыдова, отличные поэты, которым он часто посылал свои стихи с просьбой что-то исправить, улучшить и т. п., боялись даже трогать их, понимая, что малейшее прикосновение чужой руки может погубить оригинальное творение (единственная правка, которой поддавались сочинения Давыдова,— грамматическая. Денис Васильевич был не в ладах с русским правописанием, и часто его произведения исправлял домашний учитель детей поэта). Давыдов был истинный, от бога мастер стиха. А мастер всегда поймет и оценит мастера. Именно поэтому Жуковский писал Давыдову непреклонно: «Ты шутишь, требуя, чтобы я поправил твои стихи: это все равно, что если б ты стал меня просить поправить в картине улыбку младенца, луч дня на волнах ручья, свет заходящего солнца в высоте утеса и т. д. Нет, голубчик, ты меня не проведешь. Я не решился коснуться твоих произведений и возвращаю их тебе».

Его иногда называют, и, кажется, удачно, «партизаном» в поэзии. И действительно — как остро, резко, бескомпромиссно атакует он традицию, какие своеобразные, неожиданные ходы выбирает, как легко, играючи использует остроумные алогичные приемы и, наконец, как вольно и глубоко мыслит! Все это входило в понятие «гусарства» во времена Александра I. А «гусарство» как образ жизни включало в себя и протест против официальной казенщины, общественной системы. Жажда воли, инициатива, которыми были проникнуты произведения и практическая военная деятельность Давыдова, не были по душе царю и его окружению. Потому жизнь и военная карьера «одного из самых поэтических лиц русской армии» были далеко не благополучны и безоблачны.

В уже упоминавшейся биографии, озаглавленной «Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова», он дает себе такую автохарактеристику: «...Давыдов не нюхает с важностью табаку, не смыкает бровей в задумчивости, не сидит в углу в безмолвии. Голос его тонок, речь жива и огненна. Он представляется нам сочетанием противоположностей, редко сочетающихся. Принадлежа стареющему уже поколению и летами и службою, он свежестью чувств, веселостью характера, подвижностью телесною и ратоборством в последних войнах собратствует, как однолеток, и текущему поколению. Его благословил великий Суворов; благословление это ринуло его в боевые случайности на полное тридцатилетие; но, кочуя и сражаясь тридцать лет с людьми, посвятившими себя исключительно военному ремеслу, он в то же время занимает не последнее место в словесности между людьми, посвятившими себя исключительно словесности. Охваченный веком Наполеона, изрыгавшим всесокрушительными событиями, как Везувий лавою, он пел в пылу их, как на костре тамплиер Моле, объятый пламенем. Мир и спокойствие — и о Давыдове нет слуха, его как бы нет на свете; но повеет войною — и он уже тут, торчит среди битв, как казачья пика. Снова мир — и Давыдов опять в степях своих, опять гражданин, семьянин, пахарь, ловчий, стихотворец, поклонник красоты во всех ее отраслях — в юной деве ли, в произведениях художеств, в подвигах ли, военном или гражданском, в словесности ли,— везде слуга ее, везде раб ее, поэт ее. Вот Давыдов!»

И еще одно красноречивое признание, много определяющее в характере нашего героя, откровенно заявлявшего: «я люблю кровавый бой», но не просто сражение ради сражения, а бой за родину, за Россию, которой верой и правдой служил он всю жизнь:

За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!
За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами,
Днем — рубиться молодцами,
Вечерком — горелку пить!
Станем, братцы, вечно жить —
Вкруг огней, под шалашами!

Это написано в 1815 году, когда Д. Давыдов уже приобрел не только отечественную, но и международную известность (Black captain называл его, например, восхищавшийся им Вальтер Скотт, с которым Давыдов состоял в переписке) как один из самых отважных командиров 1812 года, партизан, вдохновитель народного сопротивления во имя «матушки России».

России служили многие представители рода, к которому принадлежал Денис Васильевич Давыдов, но, по свидетельству его сына Василия Денисовича, всем членам этого семейства и рода исстари чины и почести не давались или не были «предметами исканий», несмотря на наследственный ум, на богатство, познания и путешествия — достояние весьма немногих в те времена. Не стал исключением и поэт-партизан, самый славный представитель славного рода Давыдовых.

Детство его прошло в Москве и в подмосковном селе Бородино (не символично ли?), принадлежавшем его отцу, в месте, судьбоносном для России, мира и для самого Дениса Давыдова. Одним из первых и самым сильным детским и юношеским впечатлением Дениса была встреча в 1793 году с А. В. Суворовым, инспектировавшим Полтавский легкоконный полк, которым командовал отец Давыдова. «Встреча с великим Суворовым» назвал Давыдов одну из лучших своих прозаических работ, в которой наряду с воспоминаниями дал изумительно точную характеристику знаменитого полководца. А тогда восьмилетний Денис на вопрос своего кумира: «Любишь ли ты солдат, друг мой?» — со всей детской непосредственностью и пылом отвечал: «Я люблю графа Суворова; в нем все — и солдаты, и победа, и слава».

«О, бог помилуй, какой удалой!— ответил Суворов.— Это будет военный человек; я не умру, а он три сраженья выиграет».

Д. В. ДАВЫДОВ.

Акварель В. П. Лангера. 1819 год.

74
Храброй Партизанъ
Денісъ Васильічь Давыдовъ.
1812.

«Маленький повеса,— писал позже Давыдов,— бросил псалтырь, замахал саблею, выколол глаз дядьке, проткнул шлык няне и отрубил хвост борзой собаке, думая тем исполнить пророчество великого человека. Розга обратила его к миру и учению».

Но в шестнадцать лет мечта исполнилась, и Давыдов вступает эскадрон-юнкером в кавалергардский полк, несмотря на серьезное препятствие — малый рост. Он остроумно описал это поворотное событие в своей судьбе: «Наконец, привязали недоросля нашего к огромному палашу, опустили его в глубокие ботфорты и покрыли святилище поэтического его гения мукою и шляпою...»

Молодой Денис Давыдов вращался в кругу военно-дворянской фронды последнего десятилетия XVIII века. Его отец оказался замешанным в дело «смоленских заговорщиков», руководителями которого были двоюродные братья Давыдова А. М. Каховский и А. П. Ермолов. Оказалась подорванной навсегда военная карьера отца Д. Давыдова, он был вскоре осужден якобы в связи с хищениями, обнаруженными в полку, и семья впала в нищету. Все это рождало у молодого кавалергарда ненависть к существующим порядкам и их проявлениям в армии.

Именно тогда были созданы три произведения Д. Давыдова, в которых сильно выражены оппозиционные настроения. Они распространялись в списках, конспиративным путем. Вспоминая время после убийства Павла, Н. И. Греч писал: «Нельзя сказать, чтоб и тогда были дозволены настоящим порядком дел... Порицания проявлялись в рукописных стихотворениях. Самое сильное из этих стихотворений было «Орлица, Турухтан и Тетерев», написанное не помню кем». Как и басни «Голова и Ноги» и «Река и Зеркало», это обличительное стихотворение принадлежало Денису Давыдову и несло такие вызывающие политические разоблачения, что автор был удален из гвардии и переведен ротмистром в Белорусский гусарский полк. Свободомыслие юности дорого стоило Давыдову: ему никогда не забыли фрондерства, в придворных и правительственных кругах его навсегда зачислили в опасные вольнодумцы.

Да и как могло быть иначе, когда девятнадцатилетний кавалергард осмеливался утверждать настоящий бунт, например, в басне «Голова и Ноги», где Голова — царь, Ноги — подданные:

«Молчите, дерзкие,— им Голова сказала,—
Иль силою я вас заставлю замолчать!..
Как смеете вы бунтовать,
Когда природой нам дано повелевать?»
«Все это хорошо, пусть ты б повелевала,
По крайней мере нас повсюду б не швыряла,
А прихоти твои нельзя нам исполнять;
Да между нами ведь признаться,
Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись —
как же быть,—
Твое Величество об камень расшибить».

Не случайно, конечно, эту басню выделяли декабристы, причисляя к другим вольным сочинениям, воспитывающим свободолюбивые идеи. Сам Денис Давыдов больше никогда не писал таких острых политических стихов, но слава неблагонадежного бунтаря шла за ним по пятам, он всю жизнь оставался под подозрением.

Между тем приближался 1812 год, звездный год Дениса Давыдова. Он уже боевой, заслуженный офицер, адъютант своего кумира князя П. И. Багратиона; его «сабля поела живого мяса; благородный пар крови курился и на ее лезвии». В мирный перерыв 1810—1811 годов, ведя жизнь веселую и вполне рассеянную, он не только предается беззаботным утехам, но с нетерпением ожидает того, для чего, как ему казалось, он в этом мире рожден:

Так мне ли ударять в разреженные струны
И петь любовь, луну, кусты душистых роз?
Пусть загремят войны перуны,
Я в этой песне виртуоз!

Чувствуя близость войны с Наполеоном, горя желанием скорее вступить в бой, Давыдов просит Багратиона перевести его в Ахтырский гусарский полк. Командуя первым батальоном Ахтырского полка, подполковник Давыдов принимает участие в целом ряде авангардных «дел», но страстная героическая натура его не удовлетворялась этими локальными «сшибками», и он обратился с письмом к Багратиону с просьбой разрешить доложить ему идею партизанских действий в тылу врага. Позже в «Войне и мире» Л. Толстой скажет: «Денис Давыдов своим русским чутьем первый понял значение этого страшного орудия, которое, не спрашивая правил военного искусства, уничтожало французов, и ему принадлежит слава первого шага для узаконения этого приема войны».

21 августа при отступлении русской армии от Смоленска в овине у Колоцкого монастыря на реке Колочь Багратион встретился с Давыдовым. Бывший адъютант стал горячо доказывать полководцу необходимость в сложившихся обстоятельствах партизанских действий. «Неприятель идет одним путем,— утверждал Давыдов,— путь сей протяжением своим вышел из меры; транспорты жизненного и боевого продовольствия неприятеля покрывают пространство от Гжати до Смоленска и далее». Он предложил послать в тыл Наполеону партии казаков. «Они истребят источник силы и жизни неприятельской армии». План Д. Давыдова был не только четко продуман, но и подкреплен знанием характера русского человека, сознанием подъема в минуты опасности национального самосознания крепостного крестьянства, проникновением в «поэзию подвига» простых людей, «от которого нравственная сила рабов вознеслась до героизма свободных народов».

Командующий 2-й армией обещал доложить предложение своего бывшего адъютанта Кутузову.

На следующий день войска подошли к Бородину. Впечатление, которое произвело на Давыдова отчее гнездо, было незабываемым. Грозно и поэтично звучат строки, посвященные Бородину, в знаменитом «Дневнике партизанских действий»: «Эти поля, это село мне были более, нежели другим, знакомы! Там я провел и беспечные лета детства моего и ощутил первые порывы сердца к любви и к славе. Но в каком виде нашел я приют моей юности! Дом отеческий одевался дымом биваков; ряды штыков сверкали среди жатвы, покрывавшей поля, и громады войск толпились на родимых холмах и долинах... Слезы воспоминания сверкнули в глазах моих, но скоро осушило их чувство счастия видеть себя и обоих братьев своих вкладчиками крови и имущества в сию священную лотерею!»

В тот же день Багратион, остановившийся в Семеновском, сообщил Давыдову, что Кутузов согласился с его предложением, но заметил: «На таковую, почти верную гибель я не дам много людей. Назначь ему на пробу пятьдесят гусар и около сотни казаков,— но пусть он, Давыдов, сам за это возьмется». Так был сформирован первый партизанский отряд в войне 1812 года, и в конце августа Денис Давыдов повел его по Большой Смоленской дороге в тылы наполеоновской армии.

Партизанская партия Давыдова наводила панику на французские войска. Его налеты были всегда неожиданны, стремительны и результативны. В своем письме от 4 октября 1829 года издателю «Русского Инвалида» А. Ф. Воейкову о партизанской войне Давыдов особо отмечает набег в селе Царево-Займище в день вступления неприятеля в Москву. В этом деле, рапортовал Давыдов генералу Коновницыну, «сочтено убитых 375, в числе коих 3 офицера, взяты в плен 1 штаб и 4 обер-офицера и 490 рядовых, а также 41 большая транспортная фура с сухарями и овсом и одеждою на весь 1-й Вестфальский гусарский полк. Кроме того, отбито 140 волов, перевозивших артиллерийский парк, и 66 наших пленных». Успех партизанских акций Давыдова во многом обеспечивался его умелым и тактичным взаимодействием с крестьянами. Он надел мужицкий кафтан, стал отпускать бороду, вместо ордена св. Анны повесил образ св. Николая и «заговорил языком вполне народным». Не случайно Грибоедов писал, что ни у кого другого «нет такой буйной и умной головы», как у Давыдова,— его операции в тылу армии Наполеона с очень малым поначалу числом солдат, в постоянной смертельной опасности и напряжении, требовали действительно выдающихся способностей.

«Так, полагаю я,— замечал партизан о первой десятидневке сражений,— начинал Ермак, одаренный высшим против меня дарованием, но сражавшийся для тирана, а не за Отечество. Не забуду тебя никогда, время тяжкое! И прежде, и после я был в жестоких битвах, провожал ночи стоя, приклонясь к седлу лошади и рука на поводьях... Но не десять дней, не десять ночей сряду, и дело шло о жизни, а не о чести». Честь, которой больше жизни дорожил Д. Давыдов, была не только сохранена, но и приумножена. Кутузов, узнав об успехах Давыдова, выделил новые партизанские отряды под командованием Сеславина, Фигнера, Кудашева и других прекрасных военачальников, и в период отступления французов от Москвы они более, чем регулярной армии, боялись набегов партизанских партий. Денис Васильевич Давыдов же навсегда выбил свое имя на скрижалях народной победы как первый организатор и идеолог партизанской войны, «человек,— по словам Вальтера Скотта,— имя которого останется в веках на самых блестящих и вместе горестных страницах русской истории».

Как писал друг Давыдова поэт Н. Языков:

Много в этот год кровавый,
В эту смертную борьбу
У врагов ты отнял славы,
Ты — боец чернокудрявый
С белым локоном на лбу!..

Пушкин, прочтя эти строки, обращался к Языкову: «Послание к Давыдову — прелесть! Наш боец чернокудрявый окрасил было свою седину, замазав и свой белый локон, но после Ваших стихов опять его вымыл — к прав. Это знак благоговения к поэзии». Со времен Отечественной войны прошло уже более десяти лет. Давыдов участвовал, и со славою, еще в немалом числе войн, битв и сражений, но царское правительство явно не доверяло поэту-партизану, его военная карьера, по сути, не состоялась. О заслуженных поощрениях он вынужден был, несмотря на гордость, напоминать — его обходят не только наградами, боевыми орденами, но и чинами и назначениями. Это было и при Александре I и при Николае I.

Однажды Д. Давыдов даже был разжалован из генерал-майоров в полковники. В приказе по армии значилось, что он был произведен в генерал-майоры «по ошибке». Можно себе представить, как был оскорблен Денис Васильевич, считавший, что он попал в «проклятый омут». Он взывал к своему другу, прося о помощи: «Вот ровно год, что я сверх особых притеснений, не знаю, что я полковник ли или генерал? Пора решить меня или уже вовсе вытолкнуть из службы». После разбора дела выяснилась совершенно анекдотическая ситуация. Царь не желал производства в генералы А. Л. Давыдова, а так как в армии в то время находилось шесть Давыдовых, командующих частями, то всех их, включая и Дениса Васильевича, не разбираясь, лишили генеральского чина.

Но даже и такие обиды не могли сломать оригинальный поэтический характер Давыдова. Когда справедливость все же была восстановлена и его после производства назначили во 2-ю конноегерскую дивизию, он, природный гусар, категорически отказался от этого назначения, ведь ему пришлось бы сбрить его гордость — усы, которые по форме полагались только легкой кавалерии, а заслуженный генерал-майор никак не хотел расставаться с «красой природы, чернобурой в завитках». Казалось бы, мелочь, но как видна в ней натура поэта-гусара, верного веселым и бесшабашным традициям молодости.

Я каюсь! Я гусар давно, всегда гусар,
И с проседью усов — всё раб младой привычки,
Люблю разгульный шум, умов, речей пожар
И громогласные шампанского оттычки.

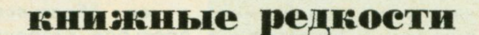
Выйдя вынужденно в отставку, Денис Давыдов с грустью ожидал наступления старости. «Как я ни храбрюсь,— писал он Жуковскому,— а все-таки чувствую, что не тот уже, что был! Прошедшую войну стал уже закрываться от непогоды; дай уж мне шалаш, тогда как прежде весь шалаш состоял из чарки водки; стал кряхтеть на седле при усиленном переходе, чего я никогда не делал и не понимал, как можно это делать».

Постепенно, с годами, Давыдов все более уходит в литературу. Он становится выдающимся военным писателем, теоретиком, мемуаристом. «Военные записки партизана Дениса Давыдова», воспоминания, статьи и другие материалы — не только замечательный исторический памятник, но и прекрасная самоценная словесность.

Но и в прозе и в стихах Давыдов грустит о минувшем. Светоносным остается для него 12-й год, он скептически глядит на новое поколение, а по отношению к современности поэт-гусар откровенно ядовито-ироничен:

«Храбрый партизан Денис Васильевич Давыдов». Лубок. 1812 год * Здесь, неподалеку от Пензы, находилась Бекетовка, усадьба, где часто бывал в последние годы жизни Д. Давыдов * Пенза. Памятник Денису Давыдову, установленный в сквере его имени. Автор В. Курдов.

Фото Д. Дебабова, М. Савина

книжные редкости

РАСКАЛЕННОЙ ЭПИГРАММОЙ!

Меринос собакой стал:
Он нахальствует упрямо,
Он все стадо забодал.
Сторож, что ж ты оплошал?
Подойди к барану прямо,
Зацепи его на крюк
И прижги ему курдюк
Раскаленной эпиграммой!

Такие строки появились в октябре 1836 года в журнале «Современник», издаваемом Пушкиным. Под текстом значится буква «Н». Автором был Денис Давыдов, писавший об этой эпиграмме Пушкину: «Она внушена мне Вяземским, я только переложил ее в стихи».

Чтобы понять смысл эпиграммы, надо обратиться к письмам Давыдова. 14 апреля 1836 года он писал своему другу — поэту П. А. Вяземскому:

«В Пензе ужасная суматоха... В Пензе все вверх дном... Иван Вас. Сабуров под именем какого-то Мурзы Чета написал статью «Четыре роберта жизни» — слогом, ты можешь вообразить, каким. В этой статье он осмеял, разругал, осрамил простоволосую головку, а вместе с ней не пощадил и других пензенских жителей обоего пола. Пока знали, что статья в рукописи и в портфеле, все молчали, но вдруг Сабуров вздумал выдать в свет ее и напечатать. Боже мой, что за гвалт поднялся!»

Книжка, вызвавшая «ужасную суматоху», перед нами: «Четыре роберта жизни. Олицетворенная дума Мурзы Чета. Санкт-Петербург. 1835»; в ней 75 страниц малого формата. Четыре роберта жизни — этапы жизни женщины, рассказ о том, как тщеславная кокетка стала под старость «почтенною матерью семейства, доброю приятельницею, необходимою и нужною опорою своему мужу».

Хотя в эпиграфе стоят слова «Один порок гоню, а личности не знаю», книжка полна намеков. «Простоволосая головка», упоминаемая в письме Давыдова,— это пензенская красавица Всеволожская, воспетая Вяземским в стихах. Задел Сабуров и самого Давыдова, называя его «партизан-подагрик», «старый гусар», «старый партизан», высмеивая пензенские увлечения Давыдова. Почему в эпиграмме Сабуров назван мериносом? Будучи агрономом-писателем, он пропагандировал разведение мериносовых баранов.

Анонимный пасквиль, вызвавший «раскаленную эпиграмму» Дениса Давыдова, был характерен для Сабурова. Спустя тридцать лет, в 1866 году, пензенский жандармский подполковник Глоба, называвший Сабурова «одним из самых почтеннейших и умных пензенских дворян», сообщал шефу жандармов в Петербург о доносах Сабурова на служившего в Пензе М. Е. Салтыкова-Щедрина («Каторга и ссылка», 1931, № 5, с. 62—63).

А. В. ХРАБРОВИЦКИЙ

Бегу век сборища, где жизнь в одних ногах,
Где благосклонности передаются весом,
Где откровенность в кандалах,
Где тело и душа под прессом;
Где спесь да подлости, вельможа да холоп,
Где заслоняют нам вихрь танца эполеты...

А какой страстной обличительной силой обладают убийственные стихи знаменитой полемической «Современной песни», памфлета, направленного против дворянского либерализма и пустословия:

Был век бурный, дивный век,
Громкий, величавый;
Был огромный человек,
Расточитель славы.

То был век богатырей!
Но смешались шашки,
И полезли из щелей
Мошки да букашки.

Всякий маменькин сынок,
Всякий обирала,
Модных бредней дурачок,
Корчит либерала.

. . . .

А глядишь: наш Мирабо
Старого Гаврило
За измятое жабо
Хлещет в ус да в рыло.
А глядишь: наш Лафает,
Брут или Фабриций
Мужиков под пресс кладет
Вместе с свекловицей...

Может быть, это и написано с некоторым, впрочем, характерным для Давыдова полемическим «перехлестом», но не случайно же Белинский, говоря о «либерализме» жалких крикунов, обращается именно к «Современной песне» Д. Давыдова и замечает: «Много можно было бы сказать об этих людях характеристического... но мы предпочитаем воспользоваться здесь чужою, уже готовою характеристикою, которая соединяет в себе два драгоценные качества — краткость и полноту: мы говорим об этих удачных стихах покойного Дениса Давыдова...»

Последние годы жизни Денис Васильевич Давыдов провел в имении Верхняя Маза Симбирской губернии. Писал статьи, мемуары, иногда выезжал в столицы и близлежащие города. Особенно полюбилась ему Пенза, «моя вдохновительница», как называл ее поэт. В окрестностях Пензы он охотился с друзьями, здесь вспыхнула его поздняя любовь, здесь провел он лучшие месяцы последнего периода жизни. В Пензе он создал многие жемчужины своей лирики.

Герой 1812 года, поэт-партизан, генерал-лейтенант Денис Васильевич Давыдов прожил всего 55 лет. Пройдя десятки сражений, он, «баловень счастливой... музы острой и шутливой и Марса ярого в боях», скончался у себя в имении. Незадолго до смерти ему была доверена высокая честь — перенести гробницу своего любимого командира П. И. Багратиона на Бородинское поле. Давыдов не успел выполнить этот последний воинский приказ, о котором всегда мечтал. Но судьбе было угодно, чтобы два великих человека, командир и подчиненный, встретились на последнем пути. «Прах Дениса Васильевича,— пишет его биограф военный историк В. Жерве,—...перевезен в Москву и предан земле в Ново-Девичьем монастыре, подле праха его предков,— в тот самый день, когда Москва увидела гробницу Багратиона, которую гром русского воинства приветствовал на холмах Бородинских и вверил им, как прекрасный залог своего благоговения к праху великого полководца, оросившего их своею кровью...

Скончался Давыдов... Сошел со сцены военной и общественной жизни один из выдающихся деятелей, оставивших по себе глубокий, неизгладимый след».

У Дениса Васильевича есть стихотворение, которое проницательный Белинский назвал «полным, верным портретом Давыдова, написанным им самим». Сквозь грусть и печаль стареющего человека в нем проступают обаятельные черты:

Нет, братцы, нет: полусолдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!

Вы видели: я не боюсь
Ни пуль, ни дротика куртинца;
Лечу стремглав, не дуя в ус,
На нож и шашку кабардинца.

. . . .

Бывало, слово: **друг, явись!**
И уж Денис с коня слезает;
Лишь чашей стукнут — и Денис
Как тут — и чашу осушает.

На скачку, на борьбу готов,
И, чтимый **выродком** глупцами,
Он, расточитель острых слов,
Их хлещет прозой и стихами...

Именно такого Дениса Давыдова любили, таким восхищались и гордились современники, перед таким преклоняемся мы, далекие потомки.

Восп

СТИХИ И ПИСЬМА

«Я ни до каких Давыдовых, кроме Дениса не охотник».
Пушкин

ДЕНИСУ ДАВЫДОВУ

Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров
И грозную потеху драки,
И завитки своих усов.
С веселых струн во дни покоя
Походную сдувая пыль,
Ты славил, лиру перестроя,
Любовь и мирную бутыль.

*

Я слушаю тебя и сердцем молодею,
Мне сладок жар твоих речей,
Печальный, снова пламенею
Воспоминаньем прежних дней.

*

Я всё люблю язык страстей,
Его пленительные звуки
Приятны мне, как глас друзей
Во дни печальные разлуки.

А. С. Пушкин

1821

Д. ДАВЫДОВ.
Рисунок Пушкина. 1825 год.

* * *

«Помилуй! что за диявольская память? — бог знает когда-то на лету я рассказал тебе ответ мой М. А. Нарышкиной насчет les suivantes qui sont plus fraîches *, а ты слово в слово поставил это эпиграфом в одном из отделений Пиковой Дамы. Вообрази мое удивление, а еще более восхищение мое жить в памяти твоей, в памяти

* камеристок, которые свежее (франц.).

ДАНЬ ПАМЯТИ

ПУШКИН и Денис ДАВЫДОВ.

оминанье прежних дней

Пушкина, некогда любезнейшего собутыльника и всегда моего единственного, родного душе моей поэта! Право, у меня сердце облилось радостию, как при получении записки от любимой женщины.

Как мне досадно было разъехаться с тобою прошлого года! Я не успел проехать Симбирск, как ты туда явился, и что всего досаднее, я возвращался из того края, в который ты ехал и где я мог бы тебе указать на разные лица или рожи, от которых ты мог получить и бумаги и сведения, тебе нужные. После того ты был у Языкова, и я не знал о том! Неужели ты думаешь, чтобы я усидел дома и не прилетел бы обнять тебя. Злодей! зачем не дать было знать мне?

Знаешь ли, что струны сердца моего опять прозвучали? На днях я написал много стихов, так и брызгало ими. Право, я думал, что рассудок во мне так разжирел, что вытеснил поэзию; не тут-то было; встрепенулась небесная, и он — дай бог ноги, так что и по сию пору не отыщу его.

Совестно мне посылать тебе сердечные мои бредни, но, если прикажешь, исполню повеление Парнасского отца и командира. Надо только, чтобы повеление писано было нецеремониально, и слово вы заменилось словом ты. Тогда на все готов».

Д. В. Давыдов — Пушкину. 1834.

* * *

«Твое ты сняло мне двадцать пять лет с костей и развязало мне руки — по милости его я молод и свободен. Теперь слово о журнале: Смирдин давал мне по 300 р. за печатный лист с тем, что статьи, помещаемые им в «Библиотеке для Чтения», я имел право печатать в особой книжке. Хочешь так? или как тебе угодно, я с тобой на всё согласен, только уведомь.

Жаль, что не дождусь тебя в Москве. Я сегодня еду отсюда в мои степи. Баратынский хочет пристать к нам, это не худо; Языков верно будет нашим; надо бы Хомякова завербовать, тогда стихотворная фаланга была бы в комплекте».

Д. В. Давыдов — Пушкину. 1836.

* * *

«Я сейчас из Москвы —

Статью о Дрездене не могу тебе прислать прежде нежели ее не напечатают, ибо она есть цензурный документ. Успеешь наглядеться на ее благородные раны.

Покаместь благодарю за позволение напечатать ее и в настоящем ее виде. А жаль, что не тиснули мы ее во 2-м № «Современника», который будет весь полон Наполеоном? куда бы кстати тут же было заколоть у подножия Вандомской колонны генерала Винценгероде как жертву примирительную! — я было и рукава засучил! Вырвался, проклятый; бог с ним, чёрт его побери.

Вяземский советует мне напечатать «Твои очи» без твоего позволения. Я бы рад, да как-то боюсь. Как думаешь — ведь можно бы — без имени?..»

Пушкин — Д. В. Давыдову. 1836.

Д. Давыдов. 1812 год.

«Посылаю тебе того удальца-партизана, о котором писал тебе; ты увидишь, что писал правду. Он может пройти бодро и смело мимо Ценсурного комитета, не ломая шапки, а в случае каприза наплевать членам в глаза,— так,— здорово живешь, от нечего делать, чтобы показать, что никого не боится. Прочти со вниманием эту статью и исправь слог ее, потому что я ее писал сплеча, наскоро,— а между тем заметь: мысль богатая. Это открытие нового рудника силы империи и намека, как из него бить монету славы. Недостаток статьи состоит в гомеопатической ее краткости, что вовсе не действует на наших государственных мужей; у них горлы аллопатически широкие и любят глотать огромные пилюли, хотя бы они сделаны были из одного белого хлеба. Я это знаю, и потому статья, к тебе посылаемая, есть только вступление к сочинению довольно обширного размера: Опыт партизанского действия, некогда мною изданного и теперь совершенно переделанного...»

Д. В. Давыдов — Пушкину. 1836.

* * *

«Сделай милость отсеки весь хвост у статьи моей О партизанской войне,— от самого слова «в отдельных действиях» и приставь хвост, тебе посылаемый. Кажется, этот будет лучше. При всем том прошу поправить слог как в нем, так и во всей статье. Я их писал во все поводья, следственно, перескакивал чрез кочки и канавы; надо одни сгладить, другие завалить фашинником, а твой фашинник из ветвей лавровых».

Д. В. Давыдов — Пушкину. 1836.

* * *

«Ты думал, что твоя статья о партизанской войне пройдет сквозь цензуру цела и невредима. Ты ошибся: она не избежала красных чернил. Право, кажется, военные цензоры марают для того, чтоб доказать, что они читают.

Тяжело, нечего сказать. И с одною цензурою напляшешься; каково же зависеть от целых четырех?..»

Пушкин — Д. В. Давыдову. 1836.

* * *

«Я совсем переселился в Москву; живу в собственном доме на Пречистенке (бывшем доме Бибиковой). Слышу, что вышел 3 номер Современника, в котором и Партизаны мои и Башилов,— пожалуйста присылай скорее этот номер, дай взглянуть на моих детищ; да не забудь прислать и пострадавшего в битве с ценсурою, ты давно мне это обещал: мне рукопись эта и потому нужна, что нет у меня черновой; черт знает куда делась...».

Д. В. Давыдов — Пушкину. 1836.

* * *

Д. В. ДАВЫДОВУ

При посылке «Истории Пугачевского бунта»

Тебе певцу, тебе герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смирного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир:
Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.
Вот мой Пугач: при первом взгляде
Он виден — плут, казак прямой;
В передовом твоем отряде
Урядник был бы он лихой.

А. С. Пушкин

1836.

«Веришь ли, что я по сю пору не могу опомниться — так эта смерть поразила меня! Пройдя сквозь весь пыл наполеоновских и других войн, многим подобного рода смертям я был виновником и свидетелем, но ни одна не потрясла душу мою подобно смерти Пушкина. Грустно, что рано, но если уже умирать, то умирать так должно, а не так, как умрут те из знакомых нам с тобою литераторов, которые теперь втихомолку служат молебны и благодарят судьбу за счастливейшее для них происшествие. Как Пушкин-то и гением, и чувствами, и жизнию, и смертью парит над ними. И эти навозные жуки думали соперничать с этим громодержавным орлом!»

Д. В. Давыдов — П. А. Вяземскому.
6 марта 1837.

Денис Давыдов писал о Пензе поэту Н. М. Языкову: «Холм, на коем лежит этот город, есть мой Парнас с давнего времени; здесь я опять принялся за поэзию». Великолепный цикл лирических стихов, посвященных Евгении Золотаревой, связан у Д. Давыдова с Пензой. Он любил этот город, часто бывал в нем, неоднократно упоминает о Пензе в своих письмах.

В современной Пензе сложилась добрая традиция торжественно отмечать память выдающихся деятелей отечественной культуры, литературы, науки, бывавших и живших в городе. Великолепные музеи, памятники, мемориалы, открытые в последние годы в городе на Суре, говорят о высокой культуре и понимании значения прошлого, истории своего народа, родной земли для успешного движения вперед.

Недавно у памятника поэту-партизану, в сквере, носящем его имя, состоялся литературный митинг, посвященный Денису Васильевичу Давыдову, его творчеству, тесно связанному с пензенским краем, роли героя-партизана в Отечественной войне 1812 года. Звучали стихи поэта, романсы на его слова.

Пензенцы первыми и достойно отдали дань памяти славному сыну России.

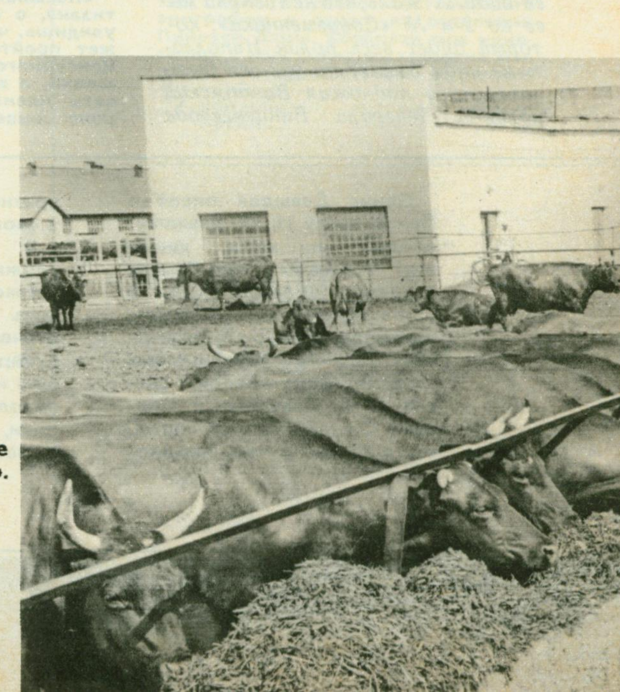
В. ПЕТРОВ

Людмила Федоровна Логовичева, бригадир виноградарей.

РОЖДЕНЬЕ Х

Страда в личном хозяйстве.

в колхозе «Украина».

Николай БЫКОВ,
фото Б. КУЗЬМИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

1

Молодое крымское лето ждало дождей. Ни давняя осень, ни «сиротская» южная зима не утолили жажды земли; на беду и весна осадками не радовала, переборщив с «беспроигрышной» чередой нестерпимо безоблачных дней. А воды крымским полям надо много, очень много. Они нынче поднимают, держат достаточно тяжелый урожай многолетних, винограда, трав, зерновых, кукурузы... Раньше двух дождей хватало, тогда двадцать центнеров яровой пшеницы считались достойными высокой похвалы и справедливых наград, что было в жизни степняков, довоенных колхозников, редкостью. Теперь преображенный трудный Крым ведет счет совсем иной; точнее, счет ведут крымчане, земледельцы нового поколения, получившие воду бесчисленных артезианских колодцев и днепровскую воду из Северо-Крымского канала. С приходом воды в области возросла сила гектара. Соответственно поднялись и планы-задания, так что легче тут жить не стало. Виноградники и сады — это труд, труд и еще раз труд. С богары какой спрос, а поливной гектар работает за четыре суходольных. Должен работать. Так что солнце степного Крыма радует человека стороннего, а самих крымчан тревожат мысли вечные как мир. Конечно, агрономы стараются перехитрить летний суховей, они позаботились о севе пораньше, о достаточной влагозарядке, о гербицидах и сильных сортах, о подкормке юных растений,— подтолкнули их развитие; и озимые на моих глазах уверенно уходили от невзгод бездождья, от июня, который здесь, на полуострове, частенько суров, то есть безоблачен.

Ни первая, ни вторая очереди действующего через силу канала не закрыли проблем поливного земледелия. Третья очередь осталась на бумаге, ей еще надо суметь попасть в 12-ю пятилетку. Сроки полного освоения системы отодвинулись, а это прямой убыток.

Подобная природно-климатическая преамбула в повествовании о буднях селян привычна и неизбежна, потому что будни эти, вся жизнь на селе во многом зависят именно от погоды.

И вовсе не светской формулы, не знакомства ради начинали крымчане любой разговор с погоды. Что несет, обещает к вечеру или на завтра размытый далью горизонт? Откуда ве-

ЛЕБА

В небе авиапомощник.

тер? Грянет ли дождь? А пока поливальщики не отходили от поливалок...

У моря, а не напьешься,— горькая шутка крымчан. «Дождя-я!» — просила пшеница, просили яблони и виноградные лозы.

2

Владимир Иванович Криворотов, председатель красногвардейского колхоза «Россия», по образованию агроном, в Крыму давно, а в этом хозяйстве он уже более четверти века. Владимир Иванович, естественно, забыл нашу первую встречу, но я-то помню увлечение начинавшего председателя реорганизацией труда и системой взаимообязанностей в колхозе. С указкой в руке он стоял у карты землепользования и воодушевленно излагал суть перестройки, суть цеховой организации труда. Высокий, тогда без проседи в висках, не без самоуверенности он толковал о пользе очевидного. Сегодня «Россия» — колхоз орденоносный, его председатель — признанный в республике хозяин, Герой Социалистического Труда, экономическая мощь и доходы потрясают воображение, если держать в уме, что все случившееся случилось на трудоупорной крымской земле под крымским солнцем.

— В минувшем году,— рассказал Владимир Иванович,— мы продали продукции почти на тридцать миллионов рублей. Только не подумайте, что это предел. И земля может еще поработать, и вода, и люди. Главный резерв — люди. Возможности земли и воды, можно, как говорится, вычислить, даже запрограммировать, тут никаких неожиданностей. А вот возможностей людей мы часто еще и не знаем, во всяком случае, учитываем плохо. И почти не раскрываем, не используем, как того требует развитие общества и научно-техническая революция. Пришло время самодисциплины. Сознательность исполнителя — да мы к такому источнику экономического развития только начинаем приступать широким фронтом. А ведь тут логика проста. Производство, чтобы соответствовать возлагаемым на селян надеждам, должно опираться на хозрасчет. Формула хозрасчета не для всех до конца ясна, однако в число слагаемых входят инициатива и предприимчивость. Мы говорили, что труд должен стать потребностью. Хорошо. Но мало по нынешним временам. Потребностью должен стать хозрасчет. Желание и способность вести хозяйство с выгодой.

Владимир Иванович не стал затрагивать вопросов, которые решаются за межевыми столбами колхоза. Не секрет, что быть из года в год передовиком нелегко, накладно, подчас и невыгодно по той простой причине, что вал производства у такого хозяйства столь велик, что любая прибавка дается с очевидным трудом, издержками; но именно от нее, от этой, с годами уменьшающейся прибавки в валовом производстве и посегодня зависят экономические показатели, эффективность экономики. Это к слову. Повторяю, глобальных и очевидных проблем Владимир Иванович коснулся лишь вскользь. А говорил он продуманно и страстно об ответственности хозяев земли и воды. О нужде работать осознанно.

— Наука да и наш собственный опыт требуют следовать индустриальным технологиям выращивания той или иной культуры. Это понятно. Но технология — значит исполнительская дисциплина. А вот этого-то как раз и нет. Или почти нет. Как в театре? Роли исполняют!.. Нынче почти у каждого обитающего в селе своя роль. А роль, лицо действующее, нуждается в отличном исполнении. Нет, не на подмостках! В поле, мастерской, саду, на ферме или винограднике. Один сеет, другой на вертолете, третий — у поливалки... Нормы, дозы, счет на капли, миллиграммы. Подлетел авиахимик не с той стороны, не учел направления и силы ветра и — нахимичил, принес моральный и материальный убыток. С земли, из кабинета, даже по рации летчику с полной заправкой химикатов ни аза не подскажешь. Его агроном и командир — самоконтроль. Профессионализм — это самодисциплина. То же самое следует сказать о поливальщике, который всегда один, но от которого зависят расход воды, время, интенсивность полива, экономика растениеводства...

В «России» много трудоспособных, кажется, три тысячи триста. В абы каких руках тут не нуждаются. Идет строгий отбор среди пожелавших жить и работать в колхозе. Земли, угодий тоже немало. Только пашни более девяти тысяч гектаров. Учесть надо и то, напоминаю, что поливной гектар работает за три, а то и за четыре гектара. Этот расклад сообщил я к тому, что в хозяйстве за последние десять лет резко возросла интенсивность труда. Соответственно и его производительность. Владимир Иванович сторонник того, чтобы работать от души, с напряжением, точнее, с видимой и всевозрастающей отдачей. Посудите сами, за десять лет реализация продукции возросла вдвое. Вдвое, хотя земли не прибавилось. Прибавилось работы, хлопот с пашней, садами, поливным хозяйством. Гектар стал прибыли давать больше в полтора раза! На банковском счете много миллионов рублей. Производительность труда возросла вдвое. В минувшем году на каждого работавшего пришлось продукции на пять тысяч триста рублей. Учесть надо и то, что за те же десять лет тракторы подорожали, подорожали ощутительно и строительные материалы, и вообще возросли расходы на приобретения разного рода, помимо лимитов и фондированных материалов. Дефицит требует жертв, материальных и моральных. Но правда и в том, что остановить процесс развития хозрасчетного хозяйства нельзя. Деньги должны работать. Об этом товарищ К. У. Черненко сказал: «У хорошего хозяина производства каждый рубль... работает». Криворотов хозяин хороший. Но и объем работы в колхозе возрос настолько, что диву даешься. Как земля выдерживает! Вот производство за год: зерна — 22 тысячи тонн, овощей — 9 тысяч тонн, фруктов — 12 тысяч тонн. В колхозе более 15 тысяч голов крупного рогатого скота, 12 тысяч кроликов, много свиней, сотни тысяч бройлеров.

3

— Но есть цифра, которая дороже любых иных достижений,— улыбнулся в предвкушении сюрприза Владимир Иванович.

— Банковский счет?

— Вы мыслите устаревшими категориями, то — мертвый груз... Нет! Я имел в виду другое. За десять лет население колхоза помолодело! Было, что средний возраст подступил к полувеку. А теперь каждому из нас только тридцать семь лет! Уточню — каждый третий колхозник моложе двадцати девяти лет... Значит, прибавилось мускульной силы. Прибавилось ума, точнее, знаний, главным образом агротехнических; больше песен, меньше пьяное. А по рождаемости, думаю, у нас нет конкурентов в округе.

Я уже знал об этом местном феномене: в селах колхоза без малого тысяча человек дошкольного возраста. Да в школах более тысячи шестисот человек. А всему причиной плодородие земли. И — вода.

— Не только они. И они, да не только,— замотал головой Владимир Иванович.— Тут, кроме экономики, определяющую роль играет среда обитания. Да, оно самое — бытие. И быт. И быт, конечно, и бытие. Не банковский счет, как вы было подумали, а людские ресурсы. Но это я грубо сказал — ресурсы. Люди, люди... Кроме молодости как таковой, кроме знаний, надо еще природное, от отца с матерью иметь; и тут школа, институты бессильны. Повседневная жизнь и работа в селе свою селекцию ведут. Отбор—великая вещь. А наше дело—создать условия морального обеспечения, чтобы каждый человек сам определил свое место. Наше дело, дело руководителей колхоза и парткома, всех, кто поднялся на требуемый уровень общественной сознательности. Социальная значимость личности — вот, пожалуй, главный сегодня резерв экономики. Лелеять, беречь человека, дать ему шанс раскрыть себя как личность. И профессионально. Да такой зауважавший себя горы свернет! Вы знаете, я ведь плохому исполнителю спуску не даю. В рабочем порядке иной раз все человеку расскажу — о нем самом... Аж окна вылетают, но... Но никогда не обижу колхозника, специалиста. Не обижу своего при чужих, никогда не посягну на человеческое достоинство. Никогда, тут я говорю с полной ответственностью...

Владимир Иванович достал и надписал мне книгу. Свою книгу. За ночь я прочел ее. Заметки председателя колхоза. Нет, по мне, чтения интереснее. Книга Криворотова меньше всего рассказывает о том, как осуществляется (овеществляется) хозрасчет в «России». Зато в ней много мыслей о воспитании человека в коллективе, о быте и бытии. Фактов живой колхозной жизни много. Проблем в таком хозяйстве, как колхоз «Россия», больше, значительно больше, чем в любом другом из соседних, тем более если сосед в отстающих до сих пор. И проблемы эти не только хозяйственные.

Возрастает интенсивность труда, а готовы ли люди колхоза к такому современному труду — зависит от правления и парткома. От председателя правления, в частности. В частности? Главным образом! Как от облика и линии жизненного поведения отца в любой семье. Легче всего «сорвать резьбу», по выражению Владимира Ивановича, в отношениях с подчиненными. Он, судя по всему, хоть и спуску не дает, резьбы не срывает. Тут искусство, талант. Сказывается личность.

4

Я как бы вижу Владимира Ивановича у него дома, поздним вечером, может быть, ночью. За письменным столом. Лампа. Страницы рукописей. Председатель по просьбе редактора районной газеты читает стихи местных поэтов. Нужна подборка. Криворотова попросили отобрать самобытное и написать предисловие к публикации.

«Рожденье хлеба — таинство веков —
И в наши дни особенное чудо».

Чудо? Конечно, чудо. Автор Николай Готовчиков. Местный. Его мама Антонина Сидоровна проработала в степи на виноградниках более тридцати лет. Сын возрос рядом. Молодой образованный человек, вот уже и поэт. Разве не чудо? «Вот в этом счастье и заключено, надежное, как хлеб в амбарах...» Ничего нет надежнее хлеба.

А вот другой вечер или скорее всего другая ночь. На столе Владимира Ивановича пухлый том исследования «Демографическая структура и брачно-семейные отношения в селах крымского колхоза «Россия», Красногвардейского района». Его колхоза. Исследование провели сотрудники Крымского сельскохозяйственного института. Честная работа, откровенное заключение. И мысли, фактам соответствующие: «Ох, как непросто все в жизни складывается! Видели бы все это любители победных рапортов — не торопились бы с выводами...» Вот, казалось бы, ничего колхоз не жалеет для колхозников, особенно для молодых. А нет желанных, ожидавшихся как бесспорное результатов. Уровень рождаемости в селах колхоза все еще не превышает среднего уровня рождаемости в крупных городах республики. А ведь думали... Да и семей, в которых лишь один ребенок, в процентном отношении примерно столько же, как и в городах... А казалось, что... Непомерно высок и процент неудачных браков. Сколько сделано для молодых! В чем же причина несчастливой личной жизни?..

Долго обычно горит настольная лампа в доме у председателя. Он пишет для себя: «Воспитывать воспитателей». И еще: «Труд от слова «трудно». Истина. В колхозе девять отделений — девять сел. Обновленных, ухоженных. Но есть и «десятое отделение»— так давно здесь называют (величают) школу. Вообще школу, так как в колхозе их две, средних. Со школы все и начинается. Нет, в колхозе «Россия» раньше — с детских яслей и садов. Их семь, детских комбинатов. Именно там по заветам Л. Толстого и В. Сухомлинского и по настоянию Владимира Ивановича начинают работу по формированию личности. Начинают с заботы о здоровье, развитии. С уроков труда, посильного и повседневного. Прогулки в поле, помощь в поле, работа в поле. Постепенно. Так же и на фермах. Где живет живое. Где так ты нужен будешь со временем. Наивно? Владимир Иванович уверен, что любой первый шаг в жизни наивен именно стремлением и уверенностью не упасть. Шаг и делается для того, чтобы шагнуть еще и еще раз, без мысли о синяках да шишках.

Первые шаги по земле делают не только малые дети. Всякое начинание взрослых — то-

же каждый раз новый шаг в направлении к лучшей жизни. А лучшая жизнь — лучший агитатор за колхозное житье-бытье, за труд в колхозе, родном селе. Вот остались тридцать выпускников в колхозе за два последних года, и веселее думается председателю о завтрашнем дне «России». Да столько же юношей и девушек уехали учиться с обещанием обязательно возвратиться домой с дипломами, свидетельствами специалистов. Тоже шаг, и нелегкий. Председатель рад за тех молодых, кто отважился на такой шаг — выбрал село как поле деятельности и обитания. Серьезный выбор, выбор государственной важности.

Молодым помогает и то, что в колхозе не только говорят об их судьбах, но и много делают для того, чтобы дети колхозников вовремя осознали себя, свои возможности и определили сами, что есть мечта, что — призвание, в чем нужда страны и села.

Владимир Иванович Криворотов.

Как привлечь юных к работе в поле, саду, на ферме? Правление колхоза «Россия» давно постановило платить начинающим на сорок процентов больше принятых расценок. Вот и посчитайте, сколько получает здесь молодой человек. В среднем за рабочий день здесь выплачивают 9 рублей 34 копейки. Плюс сорок процентов. Это в течение первого года работы. В течение второго плюсуют тридцать процентов, а на третий год — двадцать процентов. Интерес прямой.

И старикам не только почет. Работающему пенсионеру всегда причитается надбавка до двадцати процентов к оплате. Кстати, минимум колхозной пенсии — 50 рублей, почти вдвое выше, чем рекомендовано райсобесом. Далее. В «России» более ста — почти каждый седьмой — пенсионеров носят звание «Заслуженный колхозник». Сами придумали и установили звание для ветеранов труда — общее собрание голосовало «за». Такой человек получает 50 рублей к пенсии, бесплатную путевку или сто рублей на руки, а также бесплатно топливо и автотранспорт по просьбе. Денежные прибавки от колхоза получают вдовы солдат Великой Отечественной, все участники войны, все инвалиды. Причем прибавка инвалидам составляет 30 рублей плюс тринадцатая зарплата к 9 мая каждого года.

5

— Пошел в школу,— бросает своему секретарю Владимир Иванович, и та знает, что председатель озабочен, занят так же, как и тогда, когда едет на сессию областного Совета или на базу «Сельхозтехники», или в киевские инстанции. Однажды в разговоре с юным поколением родилась идея парка. Да, почему бы не посадить дендрологический парк? Есть в колхозе сады, и прекрасные. Сады в степи. Ах, персиковый сад в часы его цветения!..

Мысль о дендрологическом парке вызвала откровенное недоумение, только не у детей, а у единомышленников председателя, у тех, кто решает: быть или не быть. Тем более давно на центральной усадьбе есть небольшой парк: акация, тополь, елочки-сосеночки... И все-таки убедил Владимир Иванович. Всем миром под музыку в честь 50-летия колхоза сажали диковинные привозные деревца неведомых пород. «Дендрология»— осваивали новое слово стар и млад. Появился в колхозе и свой дендролог, потом еще один. Двенадцать гектаров занял новый чудной парк,— а в степи это немало. Щедро. И не для себя — для внуков та щедрость. И доброта мысли, осуществленной мечты. Была степь безводной, зеленого цвета не знала. А теперь — платаны, орехи, сосны, туя, кипарисы.

Взращивание душ — процесс, требующий долготерпения. И чтобы никаких отступлений от слова, от плана, никакой фальши. Владимир Иванович книгочей, любит музыку и песни, он давным-давно мечтал о хоре, о музыкальной школе. Мечтал — даже не то слово, он планировал, убеждал, собирал, проверял, доставал, требовал, помогал. Наконец его начали «понимать»: самодеятельность отвлекает да и престижное дело!.. Нет и нет,— возражал «понявшим» Владимир Иванович. Самодеятельность не громоотвод и не витрина. Самодеятельность — источник духовного развития, возможность проявить себя еще и с другой стороны, помимо сугубо профессиональной, утилитарной... «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается»,— эпически пишет в своей книжке Криворотов.

Но дело делалось. Хотя ушли годы и годы. Сначала рационалисты уступили «прихоти» начальства, потом пламень творчества охватил, объединил энтузиастов.

Теперь в колхозе три коллектива художественной самодеятельности заслужили звание народных. Хор, оркестр, танцевальный коллектив. Дирижеры, балетмейстеры, методисты, художники, режиссеры — специалисты колхоза. Есть тут и свой кукольный театр.

Компас в море прекрасного один — мысль, высказанная Василием Макаровичем Шукшиным: в деревне никогда духовные потребности не были меньше, чем в городе. Мысль эта присутствует в заметках председателя колхоза. Он еще и додумал: «Удовлетворение духовных потребностей молодых селян никогда не будет лишним, избыточным или дорогостоящим». Забота о духовном — не разовая кампания, не увлечение дня. Партком о здоровье коллектива спросит строго с любого из девяти управляющих отделениями. Как за молоко или мясо.

Еще из книжки «Тобой засеянная нива»: «Почему-то некоторым председателям колхозов, которых я знаю, кажется, что на этой должности несолидно заниматься такими делами, как беседа с детишками в детском саду или в школе, обсуждение новой книги, нового фильма, либо только что приобретенной картины, выставленной в Доме культуры... Знаю, что иной и хотел бы заняться, поговорить по душам с новым поколением его села, да вроде бы стесняется. Еще авторитет потеряешь!.. Это — заблуждение. И оно дорого обходится селу, колхозной экономике».

«Им засеянная нива»,— подумал я о малой книжке сей и об авторе, который так изменился за время наших невстреч...

— В минувшем году я как председатель правления принял почти тысячу человек, а точнее — девятьсот восемьдесят шесть. Многие, конечно, пришли с просьбами личного порядка. Многие, но не большинство! Не большинство... Ко мне давно уже приходят не просители, но авторы! Авторы производственных предложений.

Все большее число наших людей вовлечено в нескончаемый поток хозяйственных забот. Забот общественных, требующих выхода гражданской активности, инициативы. Есть, есть у нас свои идееносители. Колхозный мозговой центр. Не случайно из нашего коллектива вышли на иные орбиты три председателя соседних колхозов, один директор совхоза, два заместителя председателя райисполкома...

— Что же им придало такое ускорение?

— Чувство ответственности. Окрыляющее чувство.

* * *

Ответственные за расцвет. Ответственные за землю трудных полей. За все живое на земле плодородящей. Такие люди все чаще и чаще встречаются в поездках. Есть они и в Крымской области. Есть они и в ордена Ленина колхозе «Россия». Один из них — Герой Социалистического Труда Владимир Иванович Криворотов. Человек новой социально-экономической тенденции. Ответственный человек. Сеющий, пишущий. По-моему, он счастлив перегрузками дня. Я уезжал от него с тем, чтобы непременно к нему вернуться. Подпитаться от его аккумуляторов? Мысль воплощенная стоит того! Владимир Иванович — обладатель огромного опыта жизни конструктивной, плодотворной. Его не убудет. Тут свой закон воспроизводства.

...Земля ждала дождя. Люди надеялись на себя. Посевы и сады — на людей.

Савелий **ЯМЩИКОВ**, заслуженный деятель искусств РСФСР

интервью «Огонька»

СОХРАНИТЬ НАВЕЧНО

Старинные редкости, мебель прошлых веков, изделия из кости, фарфор, стекло, хрусталь, ткани, древние иконы, деревянная и каменная скульптура, музыкальные инструменты, античные амфоры, платье, ювелирные украшения, произведения живописи и еще многое и многое, на что потребовался бы список в несколько страниц,— вот выставка «Реставрация музейных ценностей в СССР», проходившая недавно в Москве. Огромную экспозицию Центральный Дом художника смог вместить с трудом; посетителю же, чтоб осмотреть ее как следует, нужно было потратить столько же времени, как и на осмотр большой галереи. И тем не менее, несмотря на то, что это был, быть может, самый полный из всех бывших ранее отчет наших двух тысяч мастеров реставрационного дела, несмотря на то, что показывалось только лучшее, выставка не смогла представить и одной десятой даже этого лучшего.

Необычной могла показаться экспозиция на первый взгляд — от роскоши экспонатов пестрило в глазах: иконы домонгольского периода соседствовали там с витриной, демонстрировавшей гусарский ментик и доломан, рядом с головинской «Испанкой на балконе» помещалась прекрасная работа неизвестного портретиста XVIII столетия, а «Бурлаки на Волге» были вывешены неподалеку от древнеегипетского саркофага. Но необычность эта была необычностью только на первый взгляд, ибо громадная выставка, соединяя художнические произведения совсем не так, как мы привыкли к этому в музеях, открывала новую перекличку времен и имен: то перекликалось искусство, спасенное от гибели.

Итак, представляли свою работу реставраторы Эрмитажа, Русского музея, Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Государственной Третьяковской галереи, Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени академика И. Э. Грабаря, Государственного Исторического музея, музеев Московского Кремля, объединений «Союзреставрация» и «Росреставрация», реставрационных мастерских Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Литвы, Эстонии, Латвии, Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации...

Мы обратились к одному из организаторов выставки, заслуженному деятелю искусств РСФСР С. В. Ямщикову, с просьбой рассказать об этом грандиозном отчете советских реставраторов.

— Рассказать исчерпывающе о поистине необъятном, конечно же, невозможно. Но сейчас, когда экспозиция стала свершившимся фактом и заслужила самую высокую оценку специалистов и десятков тысяч зрителей, мы получили возможность подвести итоги пятилетнего труда по ее подготовке.

— Эти залы будто зеркало, отражающее работу реставраторов. Чей же вклад в спасение шедевров искусства наибольший?

— На этот вопрос ответить нельзя. Быть может, главный вклад смотрителя эрмитажных картин в 1797 году А. Ф. Митрохина, которого можно считать основателем нашей реставрационной национальной школы, ибо именно он впервые применил дублировочный холст и перенес живопись с одной основы на другую. А быть может, главный вклад внесли сегодняшние эрмитажные реставраторы, с помощью великолепной техники обнаружившие подготовительные рисунки углем под красочным слоем полотен Рафаэля, Луки Лейденского, итальянских и испанских художников XV—XVI веков, выявившие угасшие авторские подписи Боровиковского и Латура, подтвердившие подлинность нескольких произведений итальянской школы времен Возрождения, проведшие многочисленные анализы археологической бронзы и латуни, серебряных монет из восточных кладов, восстановившие множество египетских папирусов и такие шедевры, как фанагорийские сосуды «Сфинкс» и «Афродита в раковине», знаменитую кумскую «Царицу ваз», расписные танагрские статуэтки, изделия из малахита, лазурита, цветных мраморов, яшм, агата, коралла, перламутра, русскую, флорентийскую и римскую мозаики, драгоценную мебель Рентгена...

— Вот видите, сколько вы говорите об Эрмитаже, да и раздел его, пожалуй, был на выставке самый большой.

— О самом маленьком разделе я мог бы говорить тоже много. Например, ростовские реставраторы показали на выставке возрожденные ими почти из небытия (в таком плачевном состоянии они были) уникальные портреты донских казаков XVIII—XIX веков из фондов Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника и Новочеркасского музея истории донского казачества. Эти портреты интересны не только тем, что передают сходство исторических лиц, но и психологической их трактовкой. В основном это парадные портреты. Модели позируют в богатых одеждах, с оружием и знаками власти. Казак — прежде всего воин, и атрибуты доблести, оружие — его гордость. Особенно интересно сработаны художниками орденские ленты, рукоятки шашек и шитые пояса, замысловатые орнаменты на одежде. Но при всей постановочности в лицах переданы сложные гаммы чувств и настроений. Это относится к портретам и атамана войска Донского Данилы Ефремова, и генерал-майора Тимофея Грекова, и знаменитого атамана, героя 1812 года Матвея Платова. В основном казачьи портреты написаны неизвестными художниками, но бывали и открытия: когда с «Портрета богатого казака» удалили дублировочный холст, объявилась красивая вязь — «Трудов Андрея Жданова 1790 год». Такое свидетельство об авторе-казаке — событие.

— Как полно представили музеи и реставрационные организации свою работу?

— Нашу работу нельзя показать полно, для этого надо было бы целиком привозить картинные галереи и музеи, поскольку почти ко всякому хранящемуся там экспонату так или иначе прикасалась рука реставратора. Возьмем Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Классическими стали реставрации, проведенные там в конце двадцатых и в тридцатые годы А. Яковлевым и П. Кориным таких произведений, как «Форнарина» Джулио Романо, «Сатир в гостях у крестьянина» Иорданса, «Александр перед телом Дария» Гварди, «Артаксеркс, Аман и Эсфирь» Рембрандта. Показал же Пушкинский музей не их, а новую работу — «Мадонну с младенцем и ангелами» Лоренцо Лотто — картину известнейшую, не раз воспроизводившуюся в альбомах, только без ангелов, ибо именно их и открыли недавно из-под записей реставраторы музея.

Или возьмем Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика И. Э. Грабаря — старейшее специализированное реставрационное учреждение, выполняющее все виды работ по восстановлению музейных экспонатов. Ежегодно тут спасается до двух тысяч произведений изобразительного и прикладного искусства, и в числе сделанного — произведения Андрея Рублева, Феофана Грека, Дионисия, Кранаха, Сурбарана, Тьеполо, Левицкого, Рокотова, Боровиковского, Репина. Но показывал центр в основном пастели — беспрецедентную свою работу, относящуюся к наивысшей категории сложности.

Пастель — сухие мелки, нанесенные на картон, замшу, пергамент: дунь — и улетит пыльца. Но ведь пыльца эта — живопись Шардена, Латура, Кипренского, Тропинина, Венецианова, Сорина, Бакста. Тут-то и понадобились поистине виртуозы по реставрации графики во главе с опытнейшей Е. А. Костиковой: они возродили десятки русских пастельных портретов XVIII — начала XX веков, они спасли от полного разрушения, плесени, выпадения грунта произведения Аргунова, Малютина, Борисова-Мусатова.

— Большой интерес вызывали на выставке древнерусские музыкальные инструменты. Несколько слов, Савелий Васильевич, пожалуйста, об этой работе новгородцев.

— В коллекции новгородских древностей, собранных при археологических раскопках города, особое место занимают средневековые музыкальные инструменты, открывшие как бы новую страницу в истории русской культуры. В раскопках были найдены практически сгнившие остатки гуслей, гудков, сопелей и варганов. Новгородские находки, собственно, открыли музыку Древней Руси. Восстановив инструмент и сделав точную его модель, можно услышать диапазон звучания, тембр. За решение этой сложной задачи взялся сотрудник новгородской археологической экспедиции, художник В. И. Поветкин. Им были восстановлены таким образом старинные новгородские инструменты, а помогали Поветкину историки, этнографы, фольклористы и даже акустики.

— Как собиралась в целом эта огромная экспозиция?

— Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации, закладывая основы будущей выставки, прежде всего учитывал опыт всех предыдущих, посвященных различным реставрациям. А опыт этот был немалый.

Изданный в октябре 1918 года «Декрет о регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» сыграл важную роль в деле планомерной работы по сбору и раскрытию памятников старой русской живописи.

Тщательно изучая иконостасы и ризницы известных архитектурных комплексов, таких, как соборы Московского Кремля, храмы Троице-Сергиевой лавры и монастыри Новгорода, устраивая научно подготовленные экспедиции по течению Волги и Северной Двины, Всероссийская реставрационная комиссия — будущий центр имени И. Э. Грабаря — за период с 1918 по 1927 год провела три интереснейших отчетных выставки.

Вновь открытые памятники могли прославить любую художественную галерею мира. «Секция живописи выставила законченные к тому времени все иконы деисусного и праздничного ярусов Благовещенского собора Московского Кремля, знаменитую «Троицу» Рублева, чин Звенигородского Успенского собора на Городке...» — так скромно, языком делового отчета написано во вступлении к каталогу III реставрационной выставки. А ведь здесь, кроме названных шедевров, были

Н. Ге. 1831—1894. МАЛЬЧИК-УКРАИНЕЦ. Начало 1890-х гг.

Всесоюзная выставка «Реставрация музейных ценностей в СССР».
Киевский музей русского искусства.

И. Репин. 1844—1930. БУРЛАКИ НА ВОЛГЕ. Фрагмент. 1870—1873 гг.

Всесоюзная выставка «Реставрация музейных ценностей в СССР».
Государственный Русский музей.

А. Головин. 1863—1930. ИСПАНКА НА БАЛКОНЕ. 1911 г.

Всесоюзная выставка «Реставрация музейных ценностей в СССР».
Государственный Русский музей.

представлены бесценные жемчужины древнерусского искусства XII—XIII веков. «Устюжское Благовещение», «Дмитрий Солунский», «Спас Златые Власы», «Ярославская Оранта» — далеко не полный перечень икон домонгольского периода, раскрытых большими мастерами реставрации Г. Кириковым, П. Юкиным, Н. Барановым, Н. Брягиным под руководством академика И. Грабаря, в течение многих лет стоявшего у руля нашей реставрационной науки.

— Но ведь от тех первых трех выставок прошли десятилетия. Те самые десятилетия, в которые, собственно, и утверждалась наша реставрационная школа.

— Действительно, III и IV реставрационные выставки разделяют почти сорок лет. В методике сохранения и изучения памятников искусства за это время многое изменилось. Тяжелые последствия войны потребовали от реставраторов полной отдачи сил. Восстанавливая разрушенные памятники архитектуры, они не оставляли без внимания и музейные коллекции. И когда в 1963 году в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина открылась IV выставка Государственной реставрационной мастерской, стало ясно, что реставрация — самостоятельная отрасль современной науки, призванная сохранять жизнь шедеврам мирового искусства.

Потом за двадцать лет в различных городах нашей страны и за рубежом было показано более пятидесяти выставок, составленных на материалах реставрационных работ. Выставки являлись разными по своему составу и по целям, которые преследовали их устроители. На стендах размещались вновь открытые произведения отдельных живописных школ Руси — живопись древней Карелии, живопись древнего Пскова, живопись Ростова Великого, живопись вологодских земель в средневековье. Надолго остались в памяти зрителей выставки монографические, персональные, где творческие судьбы художников и загадки, связанные с их наследием, удалось прочесть реставраторам лишь совместно с музейщиками — «Дионисий и искусство Москвы XV—XVI столетий», «Солигаличские находки», «Семен Спиридонов и Федор Зубов — живописцы XVII века», «Ефим Честняков — художник сказочных чудес», «Мастер Куликовской битвы». Целые разделы вписаны в историю отечественного искусства после реставрации и изучения портретных коллекций провинциальных музеев.

— Понятно, что отбирать экспонаты, самые выразительные из сотен и сотен, было очень трудно. Расскажите, пожалуйста, об этом.

— Когда мы вместе с одним из ведущих реставраторов, заслуженным художником РСФСР Сергеем Голушкиным, отправились в первые «разведывательные» командировки по созданию основы Всесоюзной реставрационной выставки, нам и в голову не могло прийти, что эти поездки превратятся в длительное путешествие в страну открытий, способную поразить даже опытных специалистов с многолетним реставраторским стажем. Одно дело — статистика и цифры, которыми мы руководствовались, приступая к устройству выставки. Они, конечно, впечатляют: тысячи музейных реставраторов, десятки лабораторий, мастерских, центров, тысячи восстановленных произведений искусства. Но какими прозаическими и скучными стали все эти данные после непосредственного знакомства с людьми, которые продляют жизнь творениям старых мастеров. После непосредственного знакомства с результатами их работы.

— И в заключение. Эта выставка очень значительна по своему внутреннему содержанию: ведь реставраторы не только спасают мировое искусство от разрушения, не только открывают его неведомые ранее образцы, но и связывают это искусство в единый клубок, демонстрируя взаимообогащение культур разных стран и народов земли.

— Да, это было хорошо видно на нашей выставке. Двадцать пять разделов, где представлено свыше тысячи экспонатов, включали в себя лучшее, что сделано мастерами реставрации. Хронология восстановленных памятников — от третьего тысячелетия прошлой эры до наших дней; география — почти все страны мира, почти все народы нашей страны.

Деревянная скульптура Белоруссии, собранная по крупинкам на многострадальной, буквально растерзанной войной земле, звучала торжественным хоралом во славу народных мастеров, так легко и умело обращавшихся с великолепным материалом и придававших ему самые сложные формы.

Украинские реставраторы одинаково профессионально представляли восстановленные местные иконы и произведения западноевропейской живописи, содержание в идеальном порядке акварелей Айвазовского и Волошина, холстов Шевченко и народных картин с изображением казака Мамая. А Центр научной реставрации музейных ценностей и реликвий Азербайджана показывал ковры старинных азербайджанских мастериц, восстановленные их не менее одаренными потомками, освоившими сложные секреты древнего коврового искусства.

Когда мы ездили по нашей стране, мы решили: надо обязательно давать примеры возрождения памятников национального искусства. Вот почему так разнообразен и красочен колорит выставки, где переплелись драгоценная живопись икон, изысканные узоры старинного шитья Грузии и строгая красота тысячелетнего искусства республик Прибалтики.

В этом сочетании будто бы крылась опасность эклектики, и среди многочисленных проблем, с которыми мы сталкивались, нас больше всего волновала проблема разнохарактерности экспонатов, созданных в разных странах и в разные эпохи. Но, объединенные ключевым началом выставки — ее реставрационной сутью,— удивительно гармонично смотрелись буддистские бронзовые скульптуры рядом с русскими пастельными портретами, а полотна мастеров итальянского Возрождения рядом с китайскими свитками. Все это объединялось талантом их творцов. Все это объединялось талантом их спасителей.

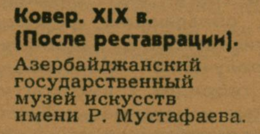
Беседу вел **А. БАСМАНОВ.**

▲ **Нейман. Панорама Риги. 1791 г. (После реставрации).**
Музей истории г. Риги и мореходства.

Архангел Михаил. XVIII в. (После реставрации).
Музей древнебелорусской культуры.

Ковер. XIX в. (После реставрации).
Азербайджанский государственный музей искусств имени Р. Мустафаева. ▼

Путь в науку Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, депутата Верховного Совета РСФСР Ю. А. Овчинникова сходен со стремительным прогрессом современной биологии. Ему было немногим больше тридцати, когда он был избран членом-корреспондентом Академии наук, директором Института биоорганической химии. В тридцать шесть — академик, а через четыре года — вице-президент АН СССР, самый молодой за всю историю академии.

В эти дни Юрию Анатольевичу Овчинникову исполнилось пятьдесят лет.

Как же начиналась его биография?

Представьте себе далекую сибирскую деревню, куда из-под бомбежки Москвы эвакуировалась в теплушке молодая женщина с тремя маленькими детьми. Четверо ртов, а зарплата одна — учительницы немецкого языка. Вспоминая о своей матери с грустной нежностью, Юрий Анатольевич признается, что, только став взрослым, понял, как трудно тогда ей пришлось.

Мальчик попадает к учителю химии А. Н. Богуславскому, упорно ставившему будущему академику четверки по любимому предмету. Эта «четверка» заставила его выучить химию не на пять, а на шесть.

Потом, в МГУ, он попадает к химику Юрию Александровичу Арбузову, ставшему его первым учителем в науке. Когда же, будучи уже аспирантом, он неожиданно принимает решение расстаться с любимой химией и заняться биологией, в институте академика М. М. Шемякина недавнего «младшего научного»... назначают заместителем директора.

Случайность? Нет, закономерность. Причина тому личные качества Юрия Анатольевича: талант исследователя, адская работоспособность, умение переключиться на новое направление и, если необходимо, учиться заново.

Таким новым направлением является сейчас физико-химическая биология, охватывающая самые различные стороны изучения живой клетки, тайны жизни,— наука, в которой трудится Ю. А. Овчинников.

К ТАИНСТВАМ ЖИВОГО...

Вице-президент АН СССР, академик Ю. А. ОВЧИННИКОВ

интервью «Огонька»

— Недавно два города нашей страны, Москва и Алма-Ата, были центром притяжения биохимиков планеты. Здесь проходили Конференция Федерации европейских биохимических обществ, президентом которой вы являетесь, и международный симпозиум «Перспективы биоорганической химии и молекулярной биологии».

Юрий Анатольевич, расскажите, пожалуйста, чем сегодня живет эта увлекательная область знания?

— «Визитная карточка» физико-химической биологии, родившейся на стыке комплекса знаний, составляющих науку о живом,— союз биохимии и биофизики, молекулярной биологии и биоорганической химии. Уже не сенсационным, а рядовым днем этого научного направления стало не только познание сущности процессов жизнедеятельности, а управление ими в интересах людей. Именно на прогресс биологических знаний возлагает сегодня человечество надежды в решении глобальных проблем, одинаково значимых для всех людей: будь то проблемы продовольствия, охраны окружающей среды или излечения от тяжелых недугов.

Кажется, еще совсем недавно были расшифрованы принципы строения основного вещества наследственности — знаменитой двойной спирали ДНК, а ученые уже научились перекраивать ДНК по своему усмотрению, манипулировать ее главными элементами— генами, получая искусственные, или, как принято говорить, рекомбинантные, генетические молекулы. Именно на основе методов генетической инженерии возникла современная отрасль биотехнологии, получившая название «индустрия ДНК». Главными объектами генетической инженерии являются пока микроорганизмы, но уже наметились реальные предпосылки такого подхода в мире растений, сделаны первые попытки вмешательства в менее изученный наследственный аппарат животных.

Эксперименты в генетической инженерии необычайно сложны. Но тем не менее темпы работ в этой области нарастают стремительно. Например, из клеток человеческого организма удалось выделить гены, ответственные за биосинтез важнейших регуляторных белков — гемоглобина, инсулина, интерферона и других. Затем эти гены были встроены в ДНК быстрорастущих микроорганизмов, и таким путем оказалось возможно получать ранее совершенно недоступные биорегуляторы человеческого организма. Это лекарства новой эры, они естественны для человека и в то же время представляют собой универсальные средства борьбы с вирусными заболеваниями, диабетом, болезнями крови...

Каковы цели? Естественно, для фундаментальной науки это наиболее эффективный путь изучения наследственного аппарата, его структуры и функций, и прогресс в этой области огромен. С практической же точки зрения — создание совсем иных микроорганизмов, обладающих рекордной продуктивностью. В растениеводстве — получение принципиально новых гибридов с высокой урожайностью и максимальной устойчивостью к неблагоприятным факторам среды. Сходные задачи в будущем удастся решать и в животноводстве.

Не будет преувеличением сказать, что учение о живой материи вступило в новую эпоху. Но далеко не все проблемы уже решены, и тайн в исследовании живого осталось не меньше.

— Вы выпускник Московского университета. Какие качества помог вам сформировать университет как высшая школа и школа жизни? Словом, МГУ в вашей судьбе.

— Если попытаться предельно кратко выразить мысль единой фразой, то, думаю, университет дал мне широту восприятия мира. Честно говоря, поступив в МГУ, я увидел себя в совершенно ином свете. Все мои прежние представления об уровне моих знаний резко изменились. Сразу стало ясно, как мало я знаю.

В стенах МГУ получил доступ к общению с самыми великими свершениями мысли человеческой, с реальной историей, которой отмечено в университете все: дела, помещения, книги. Громада знаний могла как-то подавить и растворить в своем потоке. Легко было бы поплыть по этому течению, но меня собственное малознание мобилизовало на работу. В МГУ научился трудиться так, что у меня стирались грани между ночью и днем. Так что, если говорить о качествах, полученных в «alma mater», то, выделю, пожалуй, одно из главных — стремление к широкому, универсальному знанию. Необходимость постоянно работать над собой, чтобы хоть как-то немножко приблизиться к тем высотам науки, которые ощущаешь, едва переступая порог университета.

— Сейчас проходит реформа средней школы. Неизбежно за ней последует реформа высшей. Каким вам видится будущее университета в подготовке научных кадров?

— Ученый не только сегодняшнего дня, но и грядущего — это человек широких взглядов и, я бы сказал, решительных, масштабных действий. Университет — идеальное заведение для развития этих качеств. Он в силу своей универсальности как бы уравновешивает наблюдающуюся тенденцию узкой специализации в науке, заставляет специалиста шире и увереннее смотреть на проблемы. Ведь, работая в биологии, нельзя не вникать в вопросы современной физики, химии и математики. Поэтому будущее за такой широкой формой подготовки специалистов.

В стенах вуза студент должен получать научную информацию от ее создателей. Если в лекционных курсах это сделать проблематично, то для ведения семинарских, практических занятий необходимо привлечение именно исследователей. Думается, подобная форма организации учебы в вузе поможет выпускнику университета не только ориентироваться в современных методах и проблемах науки, но и сразу же браться за дело. Потери времени на раскачку, адаптацию в университетах недопустимы.

— Десять лет назад вы возвратились в «alma mater», но уже в качестве заведующего кафедрой, и наряду с научной и общественной деятельностью занялись преподаванием. По нескольку раз в неделю встречаетесь со студентами...

— Скажу честно, я бегу, лечу на лекции. Получаю такой свежий заряд мысли, который может быть лишь в студенческой среде. Нередко непредсказуемые суждения или вопросы ребят помогают увидеть по-новому уже достаточно глубоко исследованную проблему.

Общение со студентами заставляет более критично относиться к аксиомам в науке, трезво оценивать собственные поиски.

...Сколько таких поисков, переключений, когда надо учиться заново, было в биографии ученого.

В кратчайшие сроки коллективу химиков, где он работал, удалось синтезировать антибиотик — тетрациклин, ныне всем известное лекарство. Работа мирового класса. Казалось, дальнейший поиск ясен. Антибиотики необходимы. Они так загадочно-фантастически устроены. Захватывающая перспектива для молодого исследователя.

Но все вышло по-иному. Вызвал М. М. Шемякин и отрезал: «Тетрациклин бросить. Заниматься будете пептидами — «маленькими» белками».

Снова перестройка, учеба. Практически заново. И опять-таки меньше чем за год были получены результаты мирового уровня. Оказалось, что по принципу депсипептидов построены многие активные вещества и важнейшие антибиотики. Когда Юрий Анатольевич в 1961 году докладывал на Международном конгрессе в Оксфорде результаты работ советских ученых, председательствующий — профессор Леонидас Зервас назвал этот день «русским».

— В вашей научной биографии больше побед, но ведь случались и поражения. Как вы думаете, что труднее — испытание неудачей или успехом?

— Пережить успех и выйти из него несравненно сложнее, чем перенести неудачу. Мне кажется,

Юрий Анатольевич Овчинников выступает на заседании Президиума АН СССР. **Фото В. Генде-Роте**

испытание успехом иногда преломляет человека в нежелательном направлении. Чтобы справиться с успехом, надо понять его относительность.

— Как вы относитесь к собственной известности, славе?

— С пониманием того, что славу и известность создают мнения людей относительно каких-то твоих заслуг. Если не ценить общественного мнения, то очень легко потерять уважение к людям и к себе. Поэтому дорожу известностью не как неким искусственно принесенным атрибутом, просто хочу оправдать хорошее мнение обо мне людей.

— Юрий Анатольевич, как бы вы оценили тот внутренний стержень, который укрепляет душевную стойкость ученого, дает ему силы переносить разочарования, неизбежные в любом настоящем деле, в частности в науке?

— Если ученому повезло хотя бы раз испытать ни с чем не сравнимую радость впервые познанного, то он крепко становится на ноги. Ту самую радость, заставляющую иногда, оглядываясь на пережитое... улыбаться. Это очень важно — с улыбкой оценивать минувшее.

И второе, не менее ценное,— осознание пользы полученных результатов для общества. Все это окрыляет необычайно и дает силы, когда тебя постигают неудачи, продолжать работу.

— Что вы считаете главной удачей в жизни?

— Прежде всего — людей, с которыми мне повезло встретиться и работать.

— Были ли у вас в жизни, науке, часы, которые можно назвать «звездными»?

— Наверное, такими моментами жизнь баловала меня нередко. Можно было бы сказать о наградах. Но их воспринимаешь как нечто пришедшее на смену того самого «звездного» часа, когда ты работал. Наиболее яркие, памятные моменты связаны с гордостью за советскую науку, которую испытываешь от удачных наших докладов на международных симпозиумах.

Порой трудно объяснить, почему те или иные минуты можно назвать счастливыми. Они, как мне кажется, связаны все-таки со спецификой человеческой натуры. Бывает порой, что внешне неприметный для многих факт вдруг играет колоссальную роль в твоей жизни.

— Ваша постоянная занятость выработала у вас качества, которые помогают справиться с огромным объемом работы. Но, возможно, вы замечали за собой свойства характера, от которых хотелось бы избавиться?

— Пожалуй, сама жизнь заставила меня быть организованным. Поздним вечером и ранним утром привык мысленно «переживать» события предстоящего дня, иногда столь плотные, что приходится рассчитывать все буквально по минутам. Постоянный дефицит времени, возможно, и порождает некоторые из моих недостатков. Признаюсь, их у меня немало. Прежде всего хотел бы избавиться от внешней эмоциональной несдержанности, резкости суждений, которые свойственны мне бывают в запальчивости дискуссии.

— Юрий Анатольевич, чем глубже проникает наука в «святая святых» — жизнь, тем, по-видимому, меньше остается места для домыслов — почвы для суеверий. Как вы, человек науки, относитесь к суевериям, приметам?

— Серьезной связи между, скажем, черной кошкой, перебегающей дорогу, и неприятностями наблюдать не приходилось. И хотя пение петуха и перемена погоды тоже не имеют серьезных взаимосвязей (он кукарекает по другой причине), к подобным приметам отношусь вполне здраво. Ибо они основаны на многолетних наблюдениях, народной мудрости.

Воинственно негативно отношусь к суевериям, приобретающим в последнее время научное обличье типа биополя или экстрасенса. Нельзя, разумеется, отрицать того, что есть люди, выдающиеся по своим способностям, но концепция биополя, экстрасенсов абсолютно порочна. Мне, как биологу, приходилось доказывать это в прямом и честном споре с людьми, верящими в такие «чудеса».

Бороться с этим, скажу вам, непросто, потому что людям, недостаточно глубоко знакомым с научным пониманием биологических и психологических процессов, необходимо во что-то верить. С ними нужно найти правильный язык, умелый подход.

Как ученый, не могу не воевать против лженауки, как человек — понимаю слабости людей и потому отношусь к ним снисходительно. Было бы крайне неправильным отмахиваться от влияния суеверий, надо тщательно продумывать действия, когда мы имеем дело с заблуждающимся человеком.

— Помочь ученым в этом деле могла бы научно-популярная литература, пропаганда. Как вы относитесь к популяризации науки? В чем видите позитивные и негативные ее стороны?

— Современная наука сложна и настоятельно требует разъяснения широким массам ее проблем и трудностей. Ценю журналистов, которые становятся умными союзниками ученых. Избегаю поверхностных популяризаторов, которые могут дать превратное представление о науке, заботясь о «легкости» изложения больше, чем о донесении до читателя увлекательности и глубины проблемы. В диалоге ученого и журналиста должна быть найдена нить общения, при которой наряду с взаимопониманием сохраняется позиция, личностный взгляд каждого из них. Согласитесь, мастерство журналиста проявляется в личностном отражении научных проблем.

Приходилось встречать популяризаторов, у которых не получилось в науке. К слову сказать, и в журналистике поверхностный человек не достигнет многого. Убежден, что рассказ о науке под силу лишь умному, талантливому человеку.

Какой бы ни была сложной область знаний, необходимо дать читателю, зрителю, слушателю хоть немного самому задуматься над теми или иными явлениями. Надо приобщить его к исследовательскому поиску загадочного, не упрощая, не искажая сути дела.

К сожалению, зачастую популяризаторство носит чисто эмоциональный, развлекательный характер воздействия на человека. Стремясь завоевать и удержать интерес читателя, нередко показывают только привлекательную часть науки. Но эта сторона, как правило, не самая существенная. Скажем, в биологии имеются страшные по своим последствиям проблемы — болезни, вирусы, неизлечимые недуги... Не надо бояться их называть. Мне кажется, эти проблемы также должны быть известны читателю. Для популяризации можно сформулировать нечто вроде основной заповеди: чем серьезнее рассматриваемая проблема, тем строже должна быть логика, форма и многосторонность ее рассмотрения.

— Вы уже говорили о своих отношениях со студентами. А есть ли у вас какие-то связи со школьниками, с теми, кому еще предстоит выбрать свой жизненный путь?

— Конечно. Пожалуй, одна из наиболее дорогих для меня реликвий, которые я храню,— письмо учащихся Старобешевской школы под Донецком. Его подписали целых два класса. Ребята пригласили меня в гости. Оказавшись в Киеве по служебным делам, выбрал время — поехал. Нигде не испытывал такой радости от встречи с ребятами и ответственности за их доброе отношение ко мне. На всем четырехкилометровом пути от поезда до самой школы стояли... пионеры. Они салютовали. Конечно, так придумали учителя, и салют этот был не в мою честь, а в честь науки. Но важно, как к этому отнеслись сами ребята. Надо было видеть их лица. Я шел с письмом в руке сквозь живой коридор улыбок, салютов, галстуков, рукопожатий и думал, достоин ли я этого счастья, думал, какие хорошие растут у нас ребята, думал, что из многих из них вырастут, наверное, настоящие ученые, и очень хотел помочь им в этом.

С той памятной встречи обмениваемся письмами, поздравлениями, подарками. Надеюсь, что мои письма, советы некоторым из них помогли найти свой путь в жизни. Отношениями с ребятами, их чувствами очень дорожу.

— Не могли бы вы назвать деятелей науки, являющихся для вас образцом творческой личности, крупным авторитетом или, быть может, кумиром?

— Из множества выдающихся умов по грандиозности содеянного выделяется Дмитрий Иванович Менделеев. Он объединил все превращения химических элементов в единый, математически строгий закон. Он, как никто другой, сделал качественный шаг в науке, преодолев грань возможного.

Беседу вел Е. ДУГИН.

Сперва немного о потребителе. Потребитель — а в нашем случае это обычный покупатель — многолик, требователен и нетерпелив. С ним очень сложно иметь дело. В своей требовательности и нетерпеливости он нередко неоправданно упрям и откровенно капризен. Ему подавай модное, причем немедленно. Как только мода шевельнула указующим перстом — подавай! И убери, как только этот перст нацелился на что-то другое. Давно ли покупатель упрекал торговлю за то, например, что она не предлагает широкого выбора так называемых пальтовых тканей — драпа, ратина?.. Теперь и не берет их. Изменил им. Надоело ли? — вопрос другой. Опять же как распорядится мода.

Промышленность и торговля сосуществуют и сотрудничают с потребителем и, стало быть, не могут не считаться с причудами моды. Да и вообще со всем, чем живет потребитель. Сотрудничество не из легких. Надо хотеть сотрудничать и уметь.

Хотеть и уметь. Как же сделать, чтоб таким умением и хотением жила промышленность? (В противном случае она ведь во всех отношениях неполноценна!) Ответ

— Прежде запуск изделий, что должны были появиться в течение года, растягивался на несколько месяцев — раскачивались, досогласовывали, утрясали... А тут взялись сразу, с первого января. Сумели мобилизовать коллектив, разъяснить, что каждый на своем месте определяет судьбу программы, размеры накоплений, идущих в общий фонд. Воспользовались правом, предоставленным условиями эксперимента, и сами установили цены на восемнадцать новых изделий, чтобы они побыстрее попали на прилавок...

От начальника Главного управления материально-технического снабжения при Совете Министров БССР Евгения Филипповича Негериша:

— В преддверии эксперимента, в конце прошлого года, мы встретились с представителями Министерства легкой промышленности и его предприятий. Выслушали пожелания, претензии. Заявки на первый квартал удовлетворяли прежде, чем все другие. Завели отдельный учет ресурсов для Минлегпрома, даже специальные бланки заявок заказали. Гарантировали комплексное снабжение. И безусловное. Если поставки из других республик почему-то задержатся, отдадим, что положено, чтоб не сбивать ритм работы, из своих резервов. Потом возместим...

От генерального директора обувного производственного объединения «Луч» Бориса Владимировича Позняка:

— Готовиться к работе в новых условиях начали в прошлом году. Ассортимент обновили на 91 процент, взялись за аттестацию рабочих мест и на 190 человек уменьшили коллектив; 65 процентов производственников объединили в хозрасчетные бригады...

процесс воспитания современного человека труда.

Шесть основных цехов перешли на бригадную форму организации и стимулирования труда. Заинтересованность в конечных результатах работы встряхнула людей, заставила думать, предлагать обновление. Естественно, пошли в гору показатели производительности, экономии, уменьшилась себестоимость изделий. 110 человек высвободили без ущерба для плана и укомплектовали другие, нуждавшиеся в людях участки.

Пошли дальше. В швейных цехах выделили премию бригадам, которые выполнят план меньшим, чем предусмотрено штатом, числом производственников. Соревнование приобрело более глубокое нравственное содержание и более творческий характер.

Появилась мысль создать хозрасчетные бригады на складах готовой продукции — ведь от них зависят темпы отгрузки заказов, расчет с потребителями. Для опыта перевели на новую форму организации работы склад чулочно-носочных изделий. Складские операции стали совершаться быстрее, добросовестнее. Фабрика об этом узнала. В кабинет к директору Александре Дмитриевне Севастьяновой пришли представители другого склада — трикотажных изделий: «А мы что — хуже их?! Переводите и наш склад!»

Все эффективнее действует

ЭКСПЕРИМЕНТ СПРАШИВАЕТ И ОТВЕЧАЕТ

пусть не исчерпывающий, но убедительный, основанный на практических поисках, опытах, призван дать экономический эксперимент, проводимый в стране.

Министерство легкой промышленности Белорусской ССР — одно из тех, чьи предприятия стоят, можно сказать, лицом к лицу с потребителем,— тоже участвует в эксперименте. За полгода пища для размышлений уже есть, и обильная.

Положительное воздействие эксперимента сказалось сразу. В первые же месяцы 1984 года в республике сократилось количество предприятий, не справляющихся с планами; увеличилось число хозрасчетных бригад, улучшилось снабжение отрасли сырьем и материалами; за пять месяцев торговля получила на 51,4 миллиона рублей товаров сверх плана; улучшилось их качество — у девяти предприятий, в том числе у Могилевской экспериментальной обувной фабрики, Минского камвольного, Оршанского льнокомбината, Лидской обувной фабрики, торговля принимает продукцию без предварительной проверки — доверяет!

Более конкретно о первых шагах эксперимента я слышал такие мнения.

От генерального директора Оршанского льнокомбината Василия Яковлевича Мельникова:

От директора Минской кожгалантерейной фабрики имени Куйбышева Эдуарда Ивановича Некрашевича:

— На подступах к эксперименту серьезнее, чем прежде, обучали рабочих смежным операциям. Хозрасчет довели до участков. Теперь им дается фонд зарплаты, план по производительности труда, по сортности, по освоению новых изделий. Мастер распоряжается фондом материального поощрения...

Достаточно, полагаю, примеров, чтоб подтвердилась истина: насколько быстро раскрываются потенциальные возможности нашего хозяйства, если прибавить четкости и гибкости в организации дела, если суметь заинтересовать людей, будить их творческие силы. И помочь щедрее расходовать свою энергию, охотнее вкладывать мастерство. И давать — это, пожалуй, главное! — больше самостоятельности и требовать большей ответственности за все, что поручается. На всех уровнях — от рабочего до министра.

Это, как суть эксперимента, поняли на витебской чулочно-трикотажной фабрике «КИМ». Поняли и претворяют в жизнь. На фабрике и раньше охотно и смело экспериментировали. Нынешний год заметно умножил возможности, а с ними и желание совершенствовать все процессы производства и параллельно (непременно!)

принцип материальной заинтересованности. Кимовцы учитывают это на каждом этапе эксперимента. Поэтому без колебаний (конечно, предварительно все рассчитав) ввели доплату к тарифным ставкам за профессиональное мастерство девяноста одному высококвалифицированному рабочему, а за совмещение профессий — девяноста шести...

На заседании Президиума Совета Министров БССР, когда обсуждались первые итоги экономического эксперимента, требование к Министерству легкой промышленности совершенствовать стиль руководства формулировалось так: то, что чувствует предприятие, должен сразу чувствовать и аппарат министерства и министр; чувствовать и незамедлительно реагировать. Если же нет, если все будет идти через канцелярские баррикады и бумажные сугробы, тогда, как правило, происходит лишь фиксация совершившегося, а меры — чаще всего запоздалые, оттого малополезные, а то и вовсе уже не нужные.

Надо сказать, что эксперимент уже наткнулся на препятствия, которые возникли либо в результате неповоротливости каких-то инстанций, либо в результате несогласованности их действий, либо из-за недальновидности тех, кто должен был обеспечить эксперименту «зеленую улицу».

На предприятиях в один голос сетуют: чересчур скуден паек, на котором их держат заводы, конструкторские бюро, научно-исследовательские институты, призванные обеспечивать легкую промышленность новой техникой. В иных отраслях приживаются, помогают роботы-манипуляторы, а здесь сплошь и рядом, как и десятки лет назад, только иголка с ниткой да пальцы работницы. Очень мало выпускается комплексного оборудования для вязального, красильно-отделочного производства, устройств для печатания этикеток. Торговля пока только мечтает об электронном оборудовании, скажем, приставках к кассовым аппаратам, которые дадут каждодневную информацию о движении товаров и помогут тем самым полнее и оперативнее изучать спрос покупателей, динамику и емкость рынка. Поневоле создается впечатление: одни-то готовились к экономическому эксперименту продуманно и серьезно, а вот другие, не получив «лобовых» директив, и думать не собирались, что в их двери эксперимент тоже постучится.

Таких других, как ни прискорбно, на пальцах не пересчитаешь. Они и в планирующих органах, и в строительстве, и в экономических подразделениях...

Возвращаясь к проблеме покупательских потребностей, непременно задаешься вопросом: хватает ли у нашей легкой промышленности возможностей для маневра оборудованием, хватает ли резервных площадей, чтобы быстро, как только изменилась конъюнктура рынка, отреагировать, дать торговле то, что у нее спрашивают? Нет, не хватает. Больше того, экономические конструкции эксперимента не везде, как показывает практика, тщательно продуманы. Это проявляется, например, в том, что фонд развития у некоторых предприятий не вырос, как следовало бы ожидать, по ходу эксперимента, а уменьшился. Но как в таком случае обеспечить стыковку с техническим прогрессом?

Хоть бегло, но стоит напомнить о том, что значит для эксперимента меньше, чем, допустим, новая техника в цехах, но значит не мало, а посему мелочью называться не имеет права. Я имею в виду добротный картон для упаковки обуви; специально оборудованные автомашины для перевозки товаров — контейнеры, по поводу которых не затихают тяжбы, не прекращается нудная переписка.

Тут опять дело в ответственности. Ответственности за глубину и надежность планов; за психологическую «переналадку» коллективов и людей, так или иначе к эксперименту причастных; за слово, наконец, которое должно стать гарантией профессиональной весомости, социалистической деловитости и человеческой честности.

...Много проблем. А времени мало. К началу двенадцатой пятилетки новые экономические структуры надо проверить, отладить и подготовить почву для более широкого их внедрения. Вот почему так важно изучение, продуманное и тщательное, всех вопросов, какие эксперимент задает, и всех ответов, какие предлагает.

Александр **ЩЕРБАКОВ,**
собкор «Огонька».

Белорусская ССР.

ТАК ГОТОВИЛОСЬ 22 июня 1941 ГОДА

ЗАПИСКИ НЕМЕЦКОГО АНТИФАШИСТА

Герхард КЕГЕЛЬ

Уже после войны мне удалось разыскать официальный дневник германского посольства в Москве за период с 22 июня по 24 июля 1941 года. Он озаглавлен: «От начала германо-советской войны до возвращения в Германию». Авторами его были наряду с Шуленбургом прежде всего Хильгер и частично военный атташе. Хильгер, когда я посетил его в 1943 году, подарил мне на память о совместном возвращении гектографированный экземпляр. Этот дневник довольно объективно рассказывает о конкретных условиях интернирования и отправки нацистских дипломатов в Германию. Вместе с тем он рисует ту атмосферу, в которой мне приходилось действовать. Приведу отдельные выдержки из этого до сих пор не публиковавшегося документа, сохранив фашистскую терминологию и выражения.

«ПРОЩАНИЕ С МОСКВОЙ»

«**22 июня, 3 часа ночи.** Поступила телеграмма, поручающая послу посетить народного комиссара Молотова и сообщить ему о начале военных действий. Одновременно приказано уничтожить оставшиеся материалы и назвать болгарского посланника в качестве лица, представляющего интересы германского рейха. Германское посольство в Москве больше не существует. В здании посольства собрались посол, советник посольства Хильгер, посланник (фон Типпельскирх.— **Г. К.**) и генерал [Кёстринг]. Советник Хильгер звонит в секретариат Молотова, который готов немедленно принять посла.

5 часов 25 минут. Граф фон дер Шуленбург вместе с Хильгером отправляется в Кремль, чтобы выполнить это последнее поручение... Тем временем советник-посланник фон Вальтер будит болгарского посланника Станенова, чтобы просить его приехать в посольство.

6 часов 10 минут. Посол возвратился. Молотов извещен. О начале военных действий ему, естественно, уже было известно... Появляется болгарский посланник, которого подробно информируют об обязанностях, вытекающих из принятия им на себя представительства германских интересов. Информируются также итальянский посол и румынский посланник, так как сами они пока еще никаких известий не имеют. Затем вызывают комендантов принадлежащих посольству зданий, чтобы обсудить с ними положение и дать им важнейшие указания насчет проживающего в их домах персонала: упаковать по два чемодана, временно оставаться на месте и т. п. Живущих в отеле или в отдельных квартирах вызывают в посольство.

11 часов. Графа фон дер Шуленбурга посещает японский посол, а вслед за ним — итальянский посол и словацкий посланник. В столице (в Москве.— **Г. К.**) полное спокойствие. В 12 часов дня Молотов наконец сообщает населению по радио о начале войны...

24 июня, 2 часа 30 минут. Вой сирен, стрельба зениток, треск пулеметов, гул моторов. Все в ужасе пробуждаются от глубокого сна. Светает. Некоторые отправляются в подвал, любопытные подходят к окнам, наиболее усталые продолжают спать. На небе видны облачка разрывов зенитных снарядов, но знатоки утверждают, что тревога учебная. На следующий день радио подтверждает это.

19 часов. Появляется майор из Комиссариата внутренних дел, чтобы сообщить послу, что в 20 часов прибудут автобусы для отправки. Повезут в Кострому на Волге.

26 июня, 6 часов. Останавливаемся у импровизированной платформы. Станция, кажется, еще только строится. Несколько больших деревянных домов вдали и красная водонапорная башня из кирпича. Багаж грузится на грузовик... Пять минут ходьбы пешком, потом — первый деревянный забор, за ним — второй, с колючей проволокой.

1 июля, 11 часов. Отъезд в автобусах в направлении Нерехты. Неожиданно наш состав меняет направление, мы должны снова вернуться в Москву.

2 июля, 5 часов. Прибытие в Москву. Курский вокзал.

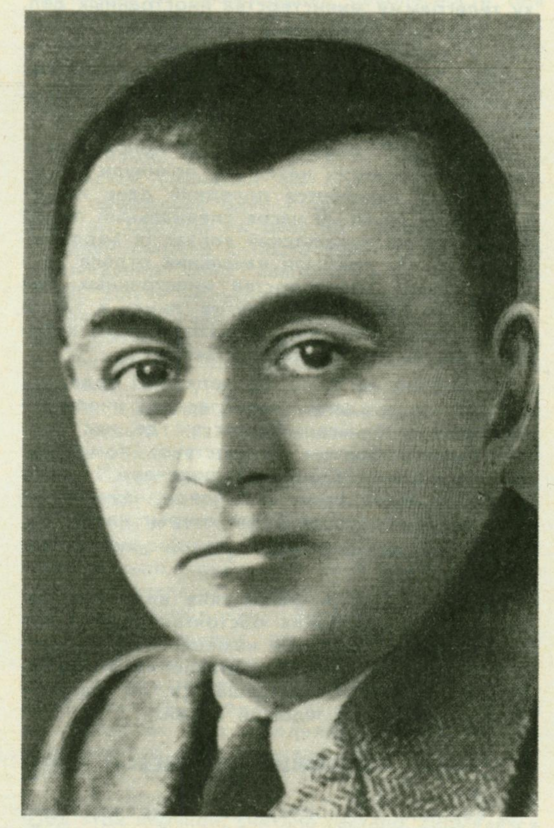
6 часов. Появляется Станенов... С ним Васюков, заведующий отделом Наркоминдела, которому поручено сопровождать нас в поездке... Болгарин сообщает, что мы едем в Ленинакан и там 5 июля в 18 часов будем обменены...

18 часов. Курск. Подвозят хлеб, масло, колбасу, чай, сахар. Обсуждаем проблемы продовольствия и его хранения. С завтрашнего дня станет потеплее, а это значит, что нам надо сохранить продукты на 112 человек. Постепенно темнеет... Переходить из одного вагона в другой строго запрещено»...

Здесь я должен прервать цитирование путевого дневника посольства и кое-что сказать. По официозному дневнику (и читатель это, наверное, уже заметил) просто не скажешь, что речь в нем идет не о дорожной компании, а об интернированной и выдворяемой в условиях начавшейся войны группе лиц, часть которых активно участвовала в подготовке агрессии. Самая ужасная из всех войн во всей мировой истории требовала каждый день тысячи и десятки тысяч жертв. Однако сотрудников посольства и консульств нацистской Германии, казалось, интересовало только одно: хорошо ли их покормят и обеспечат ли постельным бельем. Да они еще к тому же привередничали. Разумеется, между собой они много говорили о войне, но волновало их главным образом одно: как бы, не повредив собственную шкуру, поскорее выбраться из страны, подвергшейся вероломному нападению.

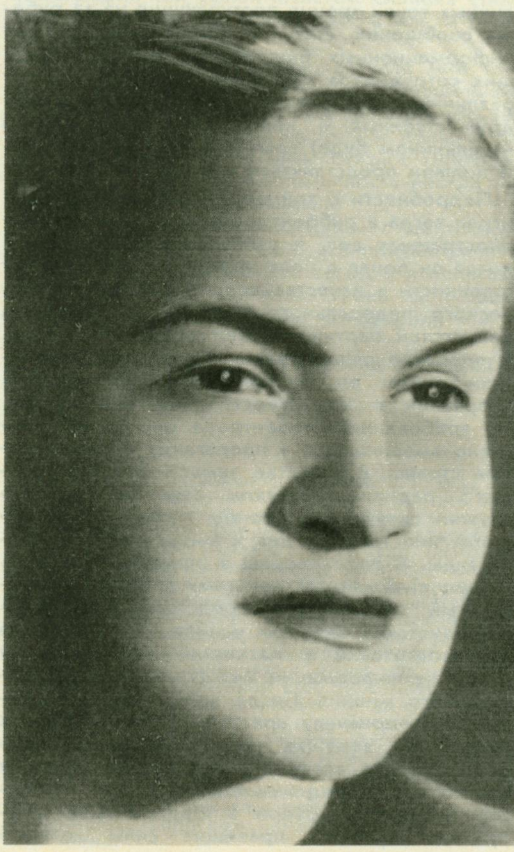
Лично меня волновали совсем другие мысли. Разумеется, я не испытывал ни малейшего удовлетворения от того, что мои предостережения сбылись. Много ли потребуется времени, пока Советский Союз оправится от первых тяжелых внезапных ударов, на которые он явно не рассчитывал? Я с нетерпением ждал, что мой друг Павел Иванович найдет средства и пути, пока я еще нахожусь в поезде на советской территории, дать мне инструкции для нашей дальнейшей совместной работы. Поэтому на каждой остановке я выходил из своего купе и из вагонного прохода глядел на людей, стоящих на перроне, наблюдал за принадлежащей Наркомату внутренних дел охраной поезда, за сменой железнодорожников.

В Курске, где стоянка была продолжительной, я, разумеется, снова был начеку. С некоторым удовольствием я обнаружил на стене вокзала кран с надписью «Кипяток». Из него действительно лилась горячая вода, а это значило, что мы скоро получим чай. И тут рядом с краном я увидел неброско одетого человека в штатском, который внимательно разглядывал окна поезда; он показался мне очень знакомым. Это действительно был Павел Иванович. Он быстро обнаружил меня, но, как и я, не

Радист подпольной антифашистской организации Курт Шульце.

Эрика фон Брокдорф.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 29—31.

подал и виду. Потом вытащил из кармана бумажку, стал внимательно изучать ее и снова сунул в карман. Я понял, что бумажка эта для меня. Продолжая стоять у окна, я наблюдал за его действиями.

Товарищ Петров прошел два раза по перрону вдоль всего состава, а затем поднялся в соседний вагон. Войдя в свой вагон (я как раз оказался в проходе один), я стал с подчеркнутым интересом разглядывать платформу, опустив за спиной правую руку с полуоткрытой ладонью. Повернулся так, чтобы никто не мог пройти мимо меня. Все должно было выглядеть со стороны совершенно естественным. Если даже кто-нибудь и наблюдает эту сцену, ничего подозрительного не увидит. Я сделал вид, будто не замечаю, что кто-то хочет пройти сзади. Павел Иванович попытался сделать это, толкнул меня, пробормотал: «Пардон!» — и я почувствовал в моей полуоткрытой правой ладони (я сразу сжал ее) кусочек бумаги. Сунул руку в карман брюк, оставил там записку, вытащил носовой платок и принялся дальше разглядывать перрон.

Мой друг прошел по нескольким вагонам, вышел, постоял немного на платформе, бросил мне прощальный взгляд и исчез в здании вокзала. Мне показалось маловероятным, что когда-нибудь мы еще увидимся. Но в 1945 году, через несколько недель после Победы, я имел радость снова встретить Павла Ивановича в Москве, а через несколько лет — в освобожденном Берлине. За это время он стал генералом. А я был по горло загружен работой по созданию министерства иностранных дел Германской Демократической Республики. Мы случайно увиделись в первый раз на приеме в советском посольстве в Берлине. С тех пор он исчез из моего поля зрения.

Но вернемся к тому июльскому дню 1941 года, когда я находился в строго охраняемом поезде «вражеских иностранцев», которому — разумеется, не ради меня — пришлось постоять подольше на станции Курск.

Когда поезд тронулся, я в укромном месте спокойно изучил записку. Мне было ясно, что носить ее при себе я не смогу. И поэтому я твердо запомнил ее содержание. По прибытии в Берлин я должен связаться с «Альте» («Старухой».— **Перев.**). Я знал, что это конспиративная кличка Ильзы Штёбе. Указывался ее домашний адрес, который был мне неизвестен. Я должен передать «Альте» фамилию и адрес одного «музыканта» — Курта Шульце [1], проживавшего в берлинском пригороде Каров, а также указания, касающиеся представления донесений. О том, что на профессиональном жаргоне радисты называются «музыкантами», я тогда еще не знал. Под инструкцией без подписи стояли слова: «Всего хорошего!»

«Всего хорошего!», а к этому еще немножко счастья и удачи в опасной борьбе в рядах антифашистского Сопротивления, да, это очень понадобится мне в ближайшие недели, месяцы, а может быть, и годы!

Но вернемся к дневнику посольства.

«6 июля. 3 часа. Ленинакан. Проезжаем мимо бронепоезда. Некоторое время спустя нас переводят на другой путь. На соседнем — еще один бронепоезд. Вокруг часовые с примкнутыми штыками.

8 июля. Васюков заявляет послу, что ситуация полностью изменилась. Германское правительство хочет обменять советское посольство на болгаро-сербской границе. Посольство находится в Белграде, который совершенно разрушен. Советское правительство отклоняет болгаро-сербскую границу как место обмена. Не хватает еще 99 советских граждан. Переговоры пока застопорились. Атмосфера беседы слегка напряженная. Как пойдет дело дальше?..

13 июля. Около полуночи мы переезжаем советско-турецкую границу... Безграничное ликование... Нас приветствует германский консул Йенсен из Трапезунда, который является к послу и будет сопровождать состав до Эрзерума... Консул Йенсен сообщает последние известия об огромных германских успехах на Восточном фронте...

16 июля. В 16 часов 30 минут — прибытие в Анкару: пышный прием. Приветствовать нас прибыл фон Папен (германский посол в Турции.— **Перев.**) с господами из посольства. Его сопровождает также первый секретарь протокольного отдела министерства иностранных дел д-р Петер Пиркхам... Он сопровождал до Турции поезд с советскими дипломатами, на которых нас обменяли. Советник-посланник Кляйбер вручает посланнику фон Типпельскирху телеграмму министерства иностранных дел, которой ему передается руководство эшелоном и одновременно сообщается, что всем едущим в этом составе предоставляется четырехдневный отпуск в Стамбуле на первоклассном румынском теплоходе.

24 июля. В семь часов утра прибываем в Линц. Ровно месяц назад мы покинули Москву. Теперь начинается поледний день нашей поездки... Около 20 часов специальный поезд прибывает на Ангальтский вокзал [в Берлине]. Встретить нас прибыли начальник отдела личного состава министерства иностранных дел посланник Бергман и другие лица, а также «наш» посол граф фон дер Шуленбург, который раньше нас вылетел в Берлин...

На следующий день, 25 июля 1941 года, мы собираемся в здании министерства иностранных дел на Вильгельмштрассе, где нас сердечнейшим образом приветствует помощник статс-секретаря Вёрман. Мы получаем 14 дней отпуска и ждем приказа о новом назначении. Путь на Восток снова будет открыт нам!»

На этом официальный путевой дневник заканчивается.

Не думаю, чтобы нацистские власти когда-нибудь еще при таких обстоятельствах и так торжественно встречали немецкого антифашиста, борца движения Сопротивления гитлеровскому режиму, возвратившегося, по фашистской фразеологии, «домой в рейх».

В БЕРЛИНЕ — СТОЛИЦЕ КОРИЧНЕВОЙ ЧУМЫ

В Берлине, в министерстве иностранных дел, мне объявили, что, учитывая мой опыт в области журналистики, меня предполагается использовать в отделе информации. Там, в частности, изучаются и обрабатываются с различных точек зрения поступающие из-за рубежа сообщения, статьи и комментарии. Кроме информационных бюллетеней для руководящих сотрудников министерства, отдел готовит различные материалы для прессы и радио дружественных и нейтральных стран. Моим начальником будет господин доктор Кизингер. Я должен представиться ему завтра утром.

Подробности о той роли, которую Кизингер играл тогда в риббентроповском министерстве иностранных дел, я узнал уже после войны, когда он попал в поле зрения широкой общественности в качестве христианско-демократического федерального канцлера ФРГ. Членом нацистской партии он стал весной 1933 года. В процессе осуществления фашистской политики войны он, по профессии адвокат, был направлен в министерство иностранных дел. По требованию Риббентропа оно теперь активно вмешивалось в пропаганду на зарубежные страны. В качестве заместителя заведующего радиополитическим отделом Кизингер служил связующим звеном между министерством иностранных дел и министерством пропаганды. В ходе «войны в эфире» его отдел, щедро снабжаемый деньгами и хорошо оснащенный техническими средствами, стал пропагандистским центром нацистского агрессора для подготовки и маскировки его действий и для дезинформации международного общественного мнения. После войны военные власти США поначалу арестовали Кизингера как одного из ведущих нацистских пропагандистов. Отсидев всего 17 месяцев, он очутился на свободе; перед ним открылся путь к быстрой и крутой карьере в Федеративной Республике Германии, правящие силы которой вполне оценили его «заслуги» в «тысячелетнем третьем рейхе».

Но вернемся в год 1941-й. Как мне было предписано, на следующее утро я явился к д-ру Кизингеру. С группой своих сотрудников он размещался на большой, довольно старой вилле на краю Тиргартена, которая принадлежала информационному отделу. Кратко изложив задачи своего отдела, Кизингер познакомил меня с одним коллегой, который должен был показать мне мое рабочее место. К удивлению моему, им оказался легационный советник фон Шелиа! Я весьма хорошо знал его по своему пребыванию в германском посольстве в Варшаве.

Шелиа попросил меня рассказать о Советском Союзе, что я, конечно, с надлежащей сдержанностью и сделал. Затем он уже довольно доверительным тоном сказал: «поход на Россию» явно куда труднее, чем представляют себе у нас многие. Сроки уже сорваны. Потери неожиданно велики. Чтобы войти в курс дела, мне следует прежде всего ознакомиться с сообщениями западной прессы о ситуации на Восточном фронте и подумать о том, как нам реагировать на это в дружественных и нейтральных странах. Потом Шелиа дал мне кипу сообщений и статей из международной прессы, а также познакомил меня с неким доктором Шаффарциком, с которым мне пришлось сидеть в одной комнате. Затем он представил мне фройляйн Ильзу Штёбе, которую я, сказал он, наверно, еще помню по варшавским временам.

В тот же день я посетил Ильзу Штёбе у нее дома. Мы обменялись впечатлениями, поговорили о нашей совместной работе. У нас состоялся долгий и серьезный разговор о политическом и военном положении, а также о тех опасностях, которые нам предстоит преодолевать.

В инструкции, которую я получил на вокзале в Курске, было сказано, что я должен встретиться с «музыкантом» — проживающим в Берлин-Карове товарищем Куртом Шульце. Ильза показалась мне обескураженной и неуверенной, по-прежнему ли работает этот радист. Если он еще и работает, в чем она, учитывая многочисленные аресты, произведенные гестапо, не уверена, то наверняка сочтет меня провокатором и наделает каких-нибудь глупостей. А если Шульце арестован, меня в его квартире наверняка будет поджидать гестапо. Она сама выяснит, как обстоит дело с ним... Судя по положению вещей (таково было наше общее мнение), в случае ареста гестаповцами шансов уцелеть у нас обоих очень мало. Надо быть готовыми даже к тому, что гестапо подвергнет нас пыткам, чтобы выжать из нас признания, узнать имена других товарищей. Никто, не переживший этого сам, не может с уверенностью сказать заранее, вынесет ли он все это.

В конце концов мы договорились: говорить или подтверждать только то, что гестапо может неопровержимо доказать, и то, что касается лишь каждого из нас лично, если спасти себя уже невозможно. Даже под пытками отрицать участие других товарищей в антифашистском Сопротивлении. Если назовешь хоть одно имя, это только продлит мучения: гестапо сочтет, что дальнейшими пытками добьется и других имен, пусть даже истязаемый уже сказал все, что знал. Решительный отказ давать показания обо всем, кроме себя самого, поможет сократить мучения. Несмотря на все мрачные перспективы нашего положения, мы были полны решимости продолжать борьбу против фашизма и его преступной войны. А пока, решили мы, ограничим наши встречи вне службы до минимума. Договорились также, что Ильза постарается восстановить связь с Центром. Если это не удастся, я приглашу в Берлин одного известного нам обоим товарища, у которого, как мы считали, есть с Центром постоянный контакт.

В конце нашего разговора Ильза Штёбе сообщила мне, что помолвлена с д-ром Х. Он не коммунист, но на все готовый противник нацистского режима и человек абсолютно надежный, помогает ей в подпольной работе. О моем месте службы и политической активности она ему пока ничего не говорила. Но теперь, когда я в Берлине и мы, наверно, будем часто встречаться, не должна ли она сказать ему, что я тоже принимаю участие в борьбе про-

[1] Курт Шульце (род. в 1894 г.) — во время второй мировой войны через своего товарища по партии Вальтера Хуземана установил контакт с подпольной антифашистской организацией Шульце-Бозейна-Харнака, был ее радистом. Имперский военный суд приговорил его к смерти, и 22 декабря 1942 года он был казнен. Посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

тив гитлеровского режима? Это упростит нашу работу. Я выразил сомнение, стоит ли посвящать д-ра X., которого я вообще не знаю, в мои политические дела. Я не видел в этом никакой необходимости. Тогда мы договорились о такой «легенде», которая объяснила бы отношения его невесты Ильзы со мной. Будто бы я — ее старый знакомый по Варшаве (что, кстати, можно было легко проверить), приятный собеседник и всегда готовый помочь лояльный коллега. К нацистскому режиму отношусь критически, даже, пожалуй, враждебно, но глубоко укоренившаяся мелкобуржуазная психология, да и, верно, просто недостаток мужества удерживают меня от какого-либо участия в борьбе против фашизма. Однако от меня наверняка можно получать интересную информацию.

Не успели мы договориться об этой «легенде», как в дверь постучали и вошел д-р X. Ильза познакомила нас. Затем мне пришлось рассказать о Москве и возвращении в Берлин. А д-р X., который, как я узнал, был журналистом и тоже служил в информационном отделе министерства иностранных дел, сообщил мне самые последние известия с фронта — об огромных потерях фашистских войск и о международной ситуации.

Забегая вперед, скажу, что д-р X. был арестован осенью 1942 года вместе с Ильзой Штёбе, которая в значительной мере сняла с него обвинения и все взяла на себя. Его отправили в Маутхаузен, где вместе с другими товарищами он принимал участие в деятельности подпольного лагерного комитета. На его личном деле имелась пометка гестапо: «Возвращение нежелательно». Я встретил его вновь в конце лета 1945 года в Берлине. Он был крайне удивлен, узнав, что я активный борец против нацистского режима и член той же самой группы Сопротивления, к которой принадлежала и Ильза Штёбе. На допросах и истязаниях в гестапо, рассказал мне д-р X., он отрицал свое активное участие в действиях против Гитлера, а также утверждал, что об антифашистской деятельности своей невесты ничего не знал. Для него, говорил он мне, это было единственным шансом уцелеть. Даже когда Ильза за несколько дней до своей казни через тюремного священника передала ему последнюю память о себе — серебряную цепочку, когда-то подаренную им, он счел это провокацией гестапо и отказался принять. Благодаря великолепной выдержке Ильзы Штёбе, которая твердо стояла на том, что он ничего о ее подпольной работе не знал, ему удалось избежать казни.

На многих допросах в гестапо, рассказал он мне, его спрашивали о моих отношениях с Ильзой Штёбе, о моих политических взглядах, поведении и т. п. Будучи совершенно убежден в истинности того, что он говорил обо мне, д-р X. характеризовал меня гестаповцам как мелкого буржуа без всяких политических взглядов, не способного ни на какое дело, требующее мужества, не говоря уж о какой-либо активной деятельности против властей. Он подчеркивал, что именно так обо мне отзывалась и Ильза Штёбе. Я так и не сказал д-ру X. (в конце 50-х годов он переехал в ФРГ и там умер), сколь хорошо известна была мне эта оценка. Значит, и на допросах в гестапо Ильза держалась так, как мы договорились. Правда, поскольку я все же принадлежал к кругу знакомых Ильзы, после ее ареста гестапо, как положено, на две-три недели установило за мной слежку. Но, вовремя ее заметив, я вел себя так, что результаты слежки полностью совпали с этой «легендой».

Возвращаясь в своих воспоминаниях назад, хочу сказать, что в середине сентября 1941 года (Красная Армия как раз оставила Киев) мой начальник д-р Кизингер направил меня как владеющего польским и русским языками в служебную командировку во Львов и Киев. Во время этой поездки я собственными глазами увидел, что творили нацистские преступники на временно оккупированной советской земле... «Выпьем за нашу победу!» — провозгласил один из моих спутников по поездке после заявления Гитлера 4 октября 1941 года, что Советский Союз уже сломлен и ему больше никогда не подняться. «Выпьем за победу справедливого дела!» — ответил я и чокнулся с ним. Он пил за свою победу, а я — за свою, за победу Советского Союза, за победу социализма...

Это было еще до ареста Ильзы Штёбе. Некоторые признаки говорили о том, что я должен соблюдать максимальную осторожность, чтобы не поставить под угрозу Ильзу и других товарищей. Поэтому, отправляясь на условленную встречу с «Альте», чтобы рассказать ей о впечатлениях о поездке на Украину, я принял ряд дополнительных предосторожностей. Ильза выглядела озабоченной. Она сразу же согласилась со мной, что по возможности каждый из нас должен как можно меньше знать о другом. Ильза сказала, что все прошедшие годы имела контакт с Центром. Из соображений безопасности она не могла поэтому поддерживать контакты с другими группами Сопротивления, действовавшими в Берлине, и знала о них только от своей старинной знакомой и подруги Эрики фон Брокдорф[1].

Ильза Штёбе поделилась со мной своими опасениями. Незадолго до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз с ней произошел один странный случай, который до сих пор не дает ей покоя... При последней встрече с постоянным связником ее неожиданно снял какой-то уличный фотограф. Ильза не успела ему помешать. И он сделал несколько снимков, причем в различных ракурсах. Мнимый уличный фотограф пошел за ней, допытываясь, как ее зовут и где она живет, чтобы прислать ей снимки, и всучил ей свою визитную карточку. Уплатив ему аванс, Ильза обещала зайти через два дня и в конце концов все же отделалась от него. С самого начала она сочла его шпиком и теперь боится, что гестапо смогло пойти по следам и этого товарища. Нет сомнения, ее фото теперь находится в справочной картотеке гестапо. Товарищ, с которым она постоянно встречалась, теперь, вероятно, в связи с началом войны покинул Берлин.

Из послевоенных публикаций о «Красной капелле», появившихся в ФРГ, я узнал, что гестапо действительно заполучило фотографию Ильзы Штёбе. Д-р X. рассказал мне, что на допросах ему предъявляли именно эту фотографию. Но поначалу гестапо не смогло ее никак использовать, поскольку оно разыскивало некую «Альте» («Старуху».— **Перев.**). Под этой кличкой, считало гестапо, скрывается какая-то старая женщина. Гестапо и в голову не приходило, что имеющаяся у него фотография интересной молодой женщины и есть фотография той самой «Альте». Ошибка стала ясна гестапо только после ареста Ильзы Штёбе осенью 1942 года.

Из надежных источников, сказала мне тогда Ильза Штёбе, ей известно, что сообщенным мною адресом Курта Шульце пока воспользоваться нельзя. Следовательно, мы должны попытаться сами восстановить связи с Центром, а у нее пока еще есть возможность иногда получать важную информацию...

О других возможностях связи с Центром я Ильзу спрашивать не стал: это противоречило правилам конспирации. Но сегодня я полагаю, что посредницей служила Эрика фон Брокдорф, поскольку Ильза часто говорила мне о ней.

Перевод Г. РУДОГО.

Продолжение следует.

[1] Эрика фон Брокдорф (родилась в 1911 году), дочь почтальона, «Красная графиня» (жена графа Кая фон Брокдорфа, тоже участника антифашистского Сопротивления); служила в Имперском бюро охраны труда, где собирала важные разведывательные данные. Ее квартира неоднократно использовалась для радиосвязи с Москвой. Первоначально вместе с Милдред Харнак (женой одного из руководителей подпольной организации, Арвида Харнака) была приговорена имперским военным судом к 10 годам тюремного заключения, но по личному указанию Гитлера приговор был пересмотрен и их обеих приговорили к смерти. Накануне казни Эрика фон Брокдорф писала в своем последнем письме: «Никто не сможет сказать обо мне, не солгав, что я плакала или цеплялась за жизнь и потому дрожала. Я хочу кончить свою жизнь, смеясь, так же, как, смеясь, я больше всего любила и все еще люблю ее». Посмертно награждена орденом Отечественной войны I степени.

ДАЛЬНИЙ «РОДСТВЕННИК» ЧЕШКОВА...

ТВ

Герой пьесы «Человек со стороны» стал родоначальником образов «неудобных» людей. Битвы и страсти, разгоревшиеся вокруг Чешкова, выступавшего с лозунгами «Ложь не экономична!», «Буду наказывать за неверную информацию!», заставили негодовать не только сценических противников героя, но и многих критиков: Чешкова обвиняли в рационализме! Как в страшнейшем из зол!..

Бурные дискуссии 70-х годов ныне вызывают снисходительную улыбку: о чем спорили?! Жизнь, как всегда, поставила все на свои места. «Деловой» человек — но отнюдь не деляга! — стал в драматургии явлением положительным...

Двухсерийный телеспектакль «Право на выбор» режиссера Василия Давидчука поставлен по пьесе молодого московского драматурга Юрия Маслова. Перед нами — дальний «родственник» Чешкова — инженер Валентин Шахов, но, сыгранный артистом Аристархом Ливановым, он не только не скрывает, а напротив, декларирует свои бойцовские качества. Главным из них и является рационализм, то есть трезвый расчет и умение объединить вокруг себя и своего дела людей. Даже противника сделать единомышленником.

В фильме выбор сделан четко потому, что Шахов сознает право на него; А. Ливанов показывает своего героя намеренно жестким и твердым человеком, уверенным в себе и правоте своих действий.

Что же за выбор предстоит герою?

Шахов несколько лет работал на дальнем Севере. Суровые условия определили внешнюю сдержанность, немногословность; на приеме у руководства, куда явился без приглашения Шахов, держится он с достоинством, независимо. Все его рекомендации — собственная трудовая биография. Шахов просит только о том, что положено ему по праву. Просит должность главного инженера автокомбината.

События разворачиваются так, что масштаб деятельности героя, его способность организовать производство оценены верно. Шахову либо стать директором комбината, либо занять высокую управленческую должность... Шахов выбирает автокомбинат. Он считает, что идеи, которые заронил в души людей, должен сам воплотить в жизнь. Воплотить сейчас, здесь, вместе с коллективом! А вместе с Шаховым и каждый работник комбината тоже должен сделать выбор: объявить или нет беспощадный бой очковтирательству, бесхозяйственности, лени, разгильдяйству, стяжательству...

Мы видим, что Шахов сумеет повести за собой людей, пробудить творческое сознание. Это уже много. А вместе с тем это только начало.

Что же сделает, как поведет себя герой? Добьется ли намеченной цели? Ответит на эти вопросы сама жизнь.

Р. БЕЗРУКИХ

А. Ливанов в роли Шахова.

Фото Н. Агеева

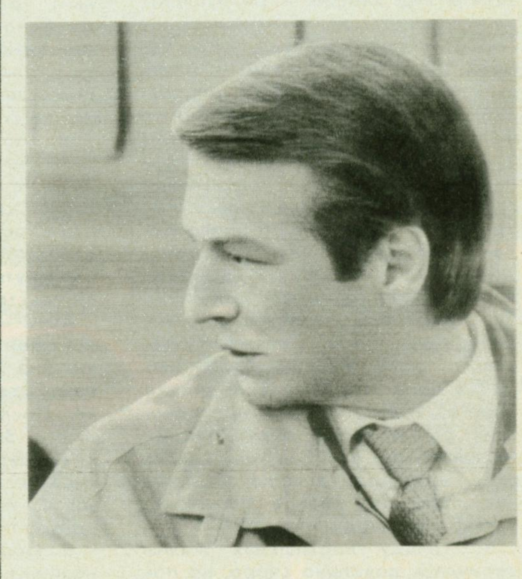

Фото автора

Боль и надежда Мозамбика

Алексей **ВАСИЛЬЕВ**

Мозамбику трудно. Это не холодная констатация факта, а жгучая реальность дружественной нам страны.

Мы в детстве узнали и полюбили ее по милым стихам Чуковского, где слово Лимпопо звучало таинственно, экзотично, жарко. (Слово врезалось в память, и приходится пересиливать себя, приучаясь к правильному произношению, ударению на втором слоге — Лимпопо.)

Мы ближе узнали и сильнее полюбили ее по газетным и телевизионным сообщениям в годы, когда по лесам и саваннам шли сражаться и умирать за правое дело молодые мозамбикцы.

Мы помним, как с географических карт исчез Лоренсу-Маркиш, ставший Мапуту, а улицы в столице молодого государства зазвучали такими новыми для мозамбикцев названиями—Маркса, Энгельса, Ленина. Были первые годы независимости, было опьянение победой и свободой, лица людей светились надеждой. Но одновременно все беспощаднее становились удары, которые наносили по Мозамбику враги. Да и природа последние три года обернулась к Мозамбику лицом озлобленной мачехи.

...На берег Лимпопо мы не смогли выехать. Вернее, мы добрались на автомашине до желто-красной, мутной воды, куда проваливался размытый асфальт. Лимпопо лежала где-то в десятках километров от нас. С вертолета открывалась залитая водой от горизонта до горизонта равнина, высокие деревья, увешанные гроздьями людей, кое-где армейские бронетранспортеры-амфибии, спасавшие их, плывущие соломенные хижины, трупы животных. Равнодушное жалящее солнце стояло в зените над хаосом и разрушениями.

Ураган свирепствовал накануне. Воздух, ставший осязаемым, плотным и упругим, сбивал с ног людей, выворачивал с корнями могучие деревья, сносил кровли домов, рвал широкие лопухи бананов. Потом стала собираться гроза, сердце в груди билось, как загнанный зайчишка, и ухало куда-то в ноги, гудела голова, наэлектризованный воздух натягивал нервы. Наконец, разверзлись хляби небесные, с моря надвинулась стена воды, и пошла гулять тропическая гроза. Маленькие ложбинки (за одну ночь!) превратились в овраги в полтора-два человеческих роста. Ливни обрушились и на соседнюю ЮАР, и там, спасая себя, открывали шлюзы в плотинах, сбрасывая воду в Мозамбик, усугубляя наводнение.

В столицу нормальная жизнь вернулась довольно скоро, но погибли десятки тысяч гектаров полей. Наводнение пришло после самой жестокой за полстолетия засухи, что охватила весь район Южной Африки, но больше всего поразила несколько провинций Мозамбика. Засуха продолжалась три года. Земля отвердела и растрескалась, урожаи риса и кукурузы погибли. Начался массовый падеж скота.

В хижины пришла беда: правительство, ЦК партии ФРЕЛИМО приняли чрезвычайные меры. Валюту, которой и без того мало, тратили на закупки муки и зерна. В деревни и на хутора были направлены грузовики с продовольствием. Но многие грузы не попали по назначению, были разграблены по дороге бандитами. От голода погибли тысячи и тысячи людей.

Слово «бандит» говорит о многом и о многом умалчивает. Оно говорит о хищничестве, жестокости, садизме, но скрывает политическую физиономию.

«...Они учинили допрос, и три человека признались в своей принадлежности к партии ФРЕЛИМО. Секретарь местной партячейки Жоао Куно, его помощник Себастиао Матсинхе и еще трое родственников Матсинхе были выведены из толпы. Их начали бить молотками, а затем зарубили топорами, нанося удары по тыльной стороне шеи. Мятежники обезглавили троих из своих жертв и насадили их головы на колья перед входом в деревню. Они предупредили, что тот, кто осмелится их похоронить, поплатится за это жизнью...» Эти слова взяты из январского сообщения «респектабельного» агентства Франс Пресс, хозяева которого отнюдь не обуреваемы симпатией к мозамбикской революции.

Я видел ополченца со страшным, трагическим оскалом. «Когда бандиты отрезали мне губы, они сказали: «Теперь можешь идти и улыбаться Саморе Машелу». Вчерашний мирный крестьянин взял в руки винтовку.

Но, повторяю, само слово «бандит» не говорит о политической окраске отрядов мятежников, которые называют себя «мозамбикским национальным сопротивлением» (МНС) и кричат, что хотят свергнуть «коммунистическое правительство» ФРЕЛИМО.

МНС — выкормыш Претории, а в момент создания — также режима Яна Смита в тогдашней Южной Родезии, нынешней Зимбабве. После завоевания независимости Зимбабве Южная Африка снабжает его оружием, боеприпасами, продовольствием, деньгами, обучает главарей банд, контролирует их действия.

В прошлом году и в начале нынешнего внимание средств массовой информации было сконцентрировано на Атлантическом побережье африканского континента, где шла открытая война между ангольцами и вторгнувшимися в страну южноафриканцами. «Молчаливая», но не менее жестокая война, развязанная ЮАР, заливала кровью Мозамбик.

Мятежники из МНС совершили нападения на один из крупнейших в Африке гидрокомплексов Кабора Басса, уничтожали опорные столбы линий электропередачи, взрывали поезда, мосты и склады горючего. Удары по коммуникациям стали нарастать с лета 1980 года, когда Мозамбик пережил первую засуху. Претория решила сбросить независимый Мозамбик в пучину хозяйственной разрухи. «В 1981—1982 годах,— писал итальянский журнал «Панорама»,— отборные южноафриканские подразделения, которые сражаются вместе с мятежниками (несмотря на опровержения Претории, непосредственное участие ЮАР в боевых действиях не вызывает сомнений), взорвали мост на реке Пунгве, уничтожили некоторые портовые сооружения и в декабре 1982 года взорвали в Бейре (важнейший порт центрального Мозамбика.— **А. В.**) 34 цистерны с горючим».

Одним Мозамбиком замыслы Претории не ограничивались. Руками бандитов она била сразу по нескольким целям. Девять независимых государств Юга Африки — Ангола, Ботсвана, Лесото, Малави, Мозамбик, Свазиленд, Танзания, Замбия и Зимбабве — объединились в экономический союз — Конференцию по координации и развитию стран Юга Африки. Общими усилиями они стремятся уменьшить свою экономическую зависимость от ЮАР. Шесть из них не имеют выхода к морю, поэтому ключевую роль в их усилиях играют железные дороги и порты Мозамбика. Саботаж должен был принудить такие страны, как Зимбабве, пользоваться только транспортной сетью ЮАР и склониться перед экономическим диктатом Претории.

Летом прошлого года мозамбикская армия перешла в наступление на формирования и базы МНС. Тысячи бандитов были уничтожены или взяты в плен. Но остальные рассеялись, как саранча, по всей стране. Мне не удалось посетить захваченные правительственными войсками базы бандитов. Поэтому ограничусь здесь описанием эпизода, взятого из парижского журнала «Африк-Ази».

Командование МНС, пишет журнал, осуществлялось из своеобразного бункера — замаскированного растительностью грота. Именно в этом «бункере», о котором знали лишь немногие марионеточные руководители, южноафриканские военные специалисты готовили проведение операций в южном Мозамбике. Грот был обнаружен, когда мозамбикская армия окружила 23 августа 1983 года базу в Томе. После того, как были очищены менее крупные базы, охранявшие подступы к Томе, на рассвете был начат заключительный штурм, продолжавшийся около пяти часов. Десятки членов МНС были убиты или взяты в плен, но основной части банды мятежников удалось бежать на юг. Снабжение базы осуществлялось по ночам с помощью самолетов ЮАР.

Наступление мозамбикских вооруженных сил в провинции Иньямбане началось в июне. За четыре месяца были заняты не только база в Томе, но и ряд других менее крупных баз.

Власти стараются предоставить крестьянам сельскохозяйственные орудия для того, чтобы возродить сельское хозяйство, пишет «Африк-Ази». В то же время может случиться, что как только армия уйдет, бандиты из МНС попытаются вернуться. По всей провинции тысячи добровольцев вступают в народную милицию и проходят военную подготовку под руководством армейских инструкторов.

Природные катастрофы и действия бандитов тяжело сказались на экономике. Третий год продолжается падение промышленного и сельскохозяйственного производства, экспорта. Товары, импортируемые с капиталистического рынка, все дорожают.

Хозяйство колониального Мозамбика базировалось на денежных переводах мозамбикских рабочих из ЮАР, на транспортном обслуживании грузов из ЮАР и тогдашней Родезии, на доходах от юаровских и родезийских туристов, приезжавших на чудесные океанские пляжи этой страны. Все три источника дохода в несколько раз уменьшились. Экономическая война ЮАР против соседнего государства началась в год провозглашения независимости. Она была дополнена ползучей агрессией через бандитов из МНС.

В год получения независимости девяносто три взрослых мозамбикца из ста не знали грамоты. В школы ходило лишь полмиллиона детей. Учителя-португальцы уехали. Но сейчас учатся два миллиона. В университете вместо нескольких десятков темнокожих студентов (на три тысячи португальцев) сейчас больше трех тысяч мозамбикцев. Если говорить об успехах независимого Мозамбика — в образовании они самые ощутимые.

Мозамбик с первых дней своего независимого существования

Бойцы Народной армии. Привал * Индийский океан—кормилец для многих тысяч людей * Вокзал в провинциальном центре Бейра * А этот городской вокзал в Мапуту построен в начале века * На одной из столичных улиц.

стремился к миру в регионе. Но его курс наталкивался на противодействие ЮАР. Претория делала ставку преимущественно на агрессию и диверсии с помощью банд МНС. Однако расистскому режиму не удалось вооруженным путем опрокинуть народное правительство Мозамбика. В марте этого года в Нкомате на юаровско-мозамбикской границе было заключено соглашение между Преторией и Мапуту. В Мозамбике отмечают, что если ЮАР будет выполнять свои обязательства, то удастся прервать снабжение банд и быстро с ними справиться.

Стране крайне необходим мир. Время покажет, как будет выполняться это соглашение. Пока что приходят сообщения о новых боях между правительственными войсками и бандами МНС.

Масштабы и характер угрозы, нависшей над страной, в Мозамбике понимают. «Отстоим независимость!» «Преодолеем отсталость!» «Построим социализм!» Эти лозунги, как и красное партийное знамя с характерным символом — молотом и мотыгой,— встречаешь повсюду. Когда я смотрел на одухотворенные, умные лица мозамбикцев, беседовал с ними, то верилось: эти лозунги для них не просто слова.

Партия ФРЕЛИМО провозгласила своей целью «разрушение капиталистической системы и построение в Мозамбике общества, свободного от всякой эксплуатации...». Но здесь убеждаешься, что поиски новых форм общественной и экономической жизни — необходимый для будущего, но мучительный, долгий процесс. О его трудностях говорили много и откровенно на IV съезде партии ФРЕЛИМО, состоявшемся в апреле прошлого года. Делегаты съезда отмечали, что крестьянство в стране крайне отсталое, значительная часть его еще ведет земледелие подсечно-огневым способом, даже переход от мотыги к плугу и буйволу означал бы прыжок в развитии производства. Мозамбик составлен из мозаики народностей и племен (государственный язык — португальский — понимает едва лишь пятая часть жителей).

Говорили на съезде и о проблемах другого рода.

Почему, спросил, например, секретарь ячейки партии ФРЕЛИМО на транспортном предприятии «Кометал-Мометал», зарплата мелкого служащего заводоуправления остается, как и в колониальные времена, в десять раз больше зарплаты квалифицированного рабочего? Почему сохраняется уравниловка в оплате труда тех, кто выполняет производственное задание, и бездельников? Делегаты съезда резко осудили коррупцию, расцвет «черного рынка», паразитизм спекулятивной прослойки.

Мне рассказывали, что одним из самых эмоциональных моментов съезда было посещение зала заседаний ветеранами борьбы за освобождение. Они пришли под старыми боевыми знаменами и с песнями времен партизанской войны. Но они не только приветствовали собравшихся, но и предупреждали их. Один из ветеранов сказал: «Мы наблюдаем за проникновением в аппарат государства буржуазных элементов, которые пытаются блокировать проведение в жизнь политики нашей партии. Они подавляют инициативу масс. Они отказываются работать с народом».

Самора Машел, лидер партии ФРЕЛИМО и глава государства, заявил тогда: «Наше государство не столь инфильтровано врагами, сколько коррумпировано. Это проблема комфорта. Руководители, которые вышли из саванны и сейчас попали в города, сталкиваются с риском стать пленниками своих кресел».

«Во время войны,— говорил Самора Машел по другому поводу,— меньшинство должно было приносить жертвы ради большинства. Существует ли сейчас этот дух жертвенности руководителей? Не разрушен ли он жизнью в Мапуту? Готовы ли квалифицированные работники покинуть свои комфортабельные кабинеты? Свои белые автомашины «Вольво»?»

В открытом признании недостатков и трудностей — залог самоочищения и движения вперед.

Мозамбик потенциально очень богатая страна. Его земли плодородны. На них могут произрастать хлопок и кокосовые пальмы, дерево ореха кешью и сахарный тростник, ананасы и сизаль. Но используются эти земли лишь незначительно. Их нужно освоить. Могучие реки протекают через его территорию. Их нужно обуздать. Его недра богаты танталом, ниобием, бериллием, бокситами, железной рудой, углем. В лесах — эбеновые, розовые, «железные» деревья...

Мозамбику нужны мир, труд, капиталы, сотрудничество друзей. В трудный час рядом с ним стоит Советский Союз, другие страны социалистического содружества. «В ходе встреч и бесед их участники единодушно констатировали, что отношения между Советским Союзом и Народной Республикой Мозамбик постоянно развиваются и укрепляются на основе Договора о дружбе и сотрудничестве от 31 марта 1977 года в интересах обеих стран...» Эти слова взяты из совместного советско-мозамбикского коммюнике, опубликованного после визита в СССР Председателя партии ФРЕЛИМО, Президента Мозамбика, маршала республики Саморы Мойзеса Машела.

...Многое в Мозамбике для гостя из Москвы кажется непривычным и незнакомым. И солнце, идущее не слева направо, а справа налево, на север. И вода, что закручивается в воронках не в ту сторону, что у нас. И ветер с юга, который здесь приносит прохладу. И такие домашние для нас фикусы, которые вымахивают в высокие деревья с толстым — не обхватить — стволом. И цветы с кулак, а то и с голову размером. И их запахи, душные, пряные, дурманящие. И эти ураганы и ливни... Но бродишь по улицам и базарам городов, ездишь по стране или летаешь в отдаленные провинции, беседуешь с крестьянами и активистами ФРЕЛИМО, учителями и солдатами, и тебя охватывает чувство, будто ты знаешь этих людей или встречал их в других странах или на других континентах. Что ты как бы прикоснулся к их боли и надеждам, понял и разделил их мечты и чаяния.

ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ!

Казалось бы, мог ли малоизвестный театр из небольшого азербайджанского города с пятидесятитысячным населением конкурировать на равных с именитыми коллективами?.. А между тем, когда Шекинский драматический театр имени С. Рахмана в преддверии своего десятилетия приехал в Москву, мы увидели театр яркий, запоминающийся, безусловно, обладающий «лица необщим выраженьем», порою, может быть, несколько экстравагантным, но всегда глубоко индивидуальным и живым. Смелая репертуарная политика, изобретательность художественных решений, молодой задор шекинцев обрели симпатию зрителей столицы.

Шекинцы привезли спектакли, поставленные за пять театральных сезонов: с 1980-го по нынешний 1984 год. Но об этом было бы трудно догадаться, если бы не даты премьер, указанные на программках. Казалось, что все семь постановок только-только увидели свет. В работах Шекинского театра нельзя было заметить следов некой театральной усталости, заигранности, которая накладывает печать привычного на актерскую игру, обедняет мизансцены, а затем безвозвратно портит удачные поначалу премьеры... Удивительным образом все спектакли шекинцев сохранили свежесть и обаяние театрального празднества. Это значит, что театр работает крепко и уверенно, живет полнокровно и радостно, а главное, любит, по завету Станиславского, «искусство в себе, а не себя в искусстве».

Выбор гастрольного репертуара свидетельствует не только о хорошем театральном вкусе. Но еще и о том, что театр не боится сложностей и творческого риска, не ставит кассовые интересы выше художественных и не заискивает перед «трудным» зрителем. А ведь часто ссылкой на вкусы публики оправдывают постановки легковесные и бессодержательные. Режиссерам, тяготеющим к «шлягерам» вместо глубоких и серьезных пьес, спектакли Шекинского театра служат живым укором.

Гости из Азербайджана показали театральной Москве пьесы, которых она раньше не видела. И это не только классика национальной драматургии — «Визирь Ленкоранского ханства» Мирзы Фатали Ахундова (дата первой постановки этой живой и легкой комедии — 10 марта 1873 года — празднуется ныне как День азербайджанского театра). Это и документальная драма Анара «С думой о Вас...», посвященная замечательному писателю-сатирику, просветителю и демократу Джалилю Мамедкулизаде, а также лирическая комедия Рахмана Ализаде «Гранаты нашего села» (кстати, этого молодого писателя в буквальном смысле слова открыл театр имени Рахмана). Шекинцы привезли и другие пьесы: горькую интеллектуальную комедию Дюрренматта «Метеор», эпическую трагедию «Тамерлан» Кристофера Марло, прямого предшественника Шекспира, человека, «дерзко стремящегося изгнать бога с небес руками Тамерлана».

Интересно, с действенной режиссерской выдумкой решен антифашистский трагифарс Бертольта Брехта «Карьера Артуро Уи», где заглавную роль чрезвычайно талантливо, экспрессивно сыграл Ибрагим Алиев. О богатейших сценических возможностях этого актера говорит хотя бы уже то, что наряду с омерзительно-карикатурным персонажем брехтовской пьесы Алиев играет роль Ромео в шекспировской «Ромео и Джульетте», седьмом по счету гастрольном спектакле шекинцев. В роли Ромео я видел и Айшада Мамедова — актера работоспособного и, несомненно, одаренного, но обладающего меньшей театральной выразительностью. Во всяком случае, дерзкая и оригинальная режиссерская концепция Г. Атакишиева, который объясняет гибель шекспировских героев не жестокостью, но трусливой низостью, малодушием окружающего мира, делая распрю Монтекки и Капулетти жалкой грызней, прозвучала не так остро, как могла. Кстати, в городе Шеки этот спектакль идет под открытым небом, на бывшем постоялом дворе...

Артистам из Азербайджана было чем удивить, привлечь и порадовать московских театралов. Богатая фантазия и юное талантливое озорство главного режиссера театра Гусейнаги Атакишиева сказываются во многих работах. Постановщик мыслит резко, нестандартно и прихотливо использует самые неожиданные эффекты, предлагает затейливые интерпретации. Но при всем этом строит театральное действие с жесткой, вполне зрелой логикой.

Запоминаются легкие, динамичные конструкции художника Гудрата Мамедова, как и яркая театральная живопись Сохраба Арабова, вызывающая в памяти искусство древних мастеров. Яркое впечатление оставляют актерские работы Гюльшад Бахшиевой, самого Гусейнаги Атакишиева, умно и глубоко сыгравшего единственную роль на московских гастролях — Вольфганга Швиттера в «Метеоре». Заразительно смешны клоунады в том же «Метеоре» и в «Карьере Артуро Уи», где «проходной» эпизод с участием Джахангира Коврузова становится едва ли не центральным событием спектакля. И, конечно, мощная, яростная игра Фармана Абдуллаева — Раджаб («Гранаты нашего села»), Визирь («Визирь Ленкоранского ханства»), Меркуцио, Тамерлан... Мужественное обаяние, незаурядные сценические данные сочетаются у этого актера с живым театральным мышлением, тонкостью психологических разработок, что особенно ценно для Шекинского театра — яркого и зрелищного, но склонного заменять порою глубину переживания хлесткой эмоцией.

Разумеется, Шекинский театр не свободен и от других замечаний, но о них говорить не хочется. Напротив, прощаясь с азербайджанскими гостями, хочется пожелать им дальнейших удач и новых счастливых встреч с Москвой.

Александр СОКОЛЯНСКИЙ

На фото: сцена из спектакля «Карьера Артуро Уи».
Фото С. Герасимова

Скульптурная группа в сквере Бейры * В детском саду животноводческого кооператива.

Юрий НАГИБИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Князь Юрка Голицын

Под влиянием выпавших ему на долю ударов (настоящим ударом был роспуск хора, все остальные — щелчки) князь очень «полевел», проникся страданиями народа, гневом на дурную, продажную администрацию и весь изгнивший отечественный порядок. Свои критические мысли о современной действительности, проиллюстрированные примерами неправд и злоупотреблений, он изложил в нескольких заметках, предназначенных герценовскому «Колоколу». Подобные материалы шли без подписи, так что крайнего риска не было, но Голицын с присущей ему беспечностью дал перебелить их мальчишке-кантонисту, обладавшему хорошим почерком и некоторой грамотностью. Леность и политическая незрелость флегматичного отрока заставили его промедлить с доносом, и это позволило князю отправиться в новое заграничное путешествие.

С той же великолепной широтой, что была явлена в сношениях с лондонским изгнанником, Голицын отнесся к другому делу, чреватому еще бо́льшими опасностями.

Отец князя Николай Борисович с годами все обострялся умом и характером; не оставляя музыкальных занятий, он, естественно, утратил вкус к светской жизни, галантным похождениям и освободившееся время стал посвящать религиозным раздумьям. Воспитанник иезуитов, он был католиком в душе, но, пока мог сам грешить, не слишком обременял себя вопросами веры. Это распространенное явление: люди, хорошо покуролесившие в молодости, угасая, становятся ханжами. Николай Борисович ханжой не стал, но религия завладела его помыслами, и он окончательно убедился в преимуществе католицизма перед православием. Свои взгляды он изложил в остро и едко написанном памфлете. Будучи столь же осмотрителен, как и его сын, он дал прочесть рукопись своему другу Андрею Николаевичу Муравьеву, видному религиозному писателю, родному брату знаменитого Муравьева-вешателя. Сам Андрей Николаевич никого не вешал, предпочитая действовать пером. И вот этому ревнителю православия, синодальному наушнику и доверенному лицу мракобеса Филарета задорный князь представил свое сочинение.

Муравьев пришел в ужас.

— Писать вам, князь, никто запретить не может, но если вы напечатаете эту статью, я вас выдам.

Предательство, доносы существуют повсеместно, но лишь в России человек из общества мог открыто признаться в осведомительских намерениях и ничего не потерять в глазах окружающих.

Николай Борисович, хорошо знавший характер Муравьева, был уверен, что свою угрозу тот выполнит, тем не менее он со спокойной совестью вручил статью сыну с просьбой напечатать ее в Лейпциге. Он знал о трудных обстоятельствах Юрки, но хладнокровно поставил его под удар: уж слишком хотелось досадить Муравьеву.

Состязаясь с отцом в беспечности, Юрка за весь долгий путь до Лейпцига не удосужился заглянуть в крамольную рукопись — сочинения благонамеренные печатают на родине. Если бы он знал ее содержание, то скорей всего отклонил бы отцовскую просьбу: не из страха перед властями, а из страха божьего. Юрка был чистой православной веры. Пропитанный духовной музыкой, он и не мог быть другим; в середине прошлого века едва ли возможна была та раздвоенность или свобода, что позволяла атеисту Рахманинову создавать дивную церковную музыку.

Юрка добросовестно выполнил поручение отца и направил свои стопы в Лондон, предварительно списавшись с Герценом.

Отношение великого революционера Герцена к Голицыну всегда оставалось двойственным. Писал Герцен о князе-музыканте порой сочувственно и добродушно, порой зло, неизменной оставалась восторженная оценка его как музыканта. Но в первое знакомство, видимо, довольно поверхностное, князь очаровал его как своей наружностью, так и внутренним размахом. «Обломком всея России» прозвал его Герцен. Узнать друг друга ближе они не успели. Нетерпеливая душа князя погнала его за океан, а по возвращении в Европу он получил строжайший приказ немедленно ехать в Петербург.

Безымянная брошюра с хулой на православную церковь успела выйти и произвести крайне тягостное впечатление и на духовные и на светские власти. Радетельный Муравьев немедленно донес в Святейший синод об авторстве Николая Борисовича Голицына. Со старого князя взятки гладки... чего было взять, и весь гнев обратился против его сына. В России всегда строго спрашивали с «почтальонов». Стремянный Шибанов, выполняя повеление своего господина князя Курбского, передал его хулительное послание Грозному, царю, и был подвергнут мучительной казни. В отличие от преданного Шибанова Юрка понятия не имел, что содержится в доверенном ему конверте. Не исключено, что он отвел бы удар, но тут раскачался неспорый кантонист. По совокупности провинностей Юрий Голицын был лишен камергерского звания, уволен со службы по ведомству императрицы Марии Александровны и сослан в Козлов под надзор полиции.

И в Козлове люди живут. Хотя и скучно. Но скучно Юрке было лишь до тех пор, пока не удалось собрать небольшой хоришко. Жизнь снова заговорила в князе, и проснулось его дремавшее сердце.

Он затребовал к себе семью, тихо, но стойко теплившую свою свечу в далеком Огареве. Его старшая дочь Елена, влюбленная в грешного, многострадального и блистательного отца, с замирающим восторгом ждала, что изгнанник ищет соединения с семьей. Она не могла понять, отчего так печальна разом постаревшая мать, почему не снимает старушечьего чепчика. То ли Екатерина Николаевна располагала какими-то сведениями, то ли, изучив характер мужа, поняла, откуда внезапная тоска по семье, но ее нисколько не удивило, когда, оросив слезами головки своих ангелочков, князь попросил дать ему развод. Сердце князя ожило не для нее. Козловская девица К., воспользовавшись одиночеством и заброшенностью опального князя, навела на него змеиные чары. Холодно и расчетливо овладела она доверчивой и необузданной душой. Так представляется дело дочери князя Елене, которой тогда было девять лет. О К. мало что известно. Герцен упоминает ее вскользь в «Былом и думах», называет гувернанткой. В символической части воспоминаний Голицына, где князь выступает под личиной разорившегося английского аристократа, эта девушка повышена в ранге—дочь бедных, но благородных родителей. Была ли она гувернанткой или дворянкой, К. оказалась верной, преданной спутницей князя, мужественно пройдя с ним сквозь тяжкие испытания, нищету, родив ему сына, и выкормив голодным молоком, и заслужив самоотверженной своей любовью ответную верность Голицына.

Девочка Лена, ставшая Еленой Юрьевной Хвощинской, совершенно серьезно объясняет подготовленность матери к последнему удару, нанесенному мужем, вещим сном, приснившимся ей, когда по пути в Козлов они остановились переночевать в доме Рахманинова. Мать «видела себя мертвою, слуга-старик Василий Кузьмич одел ее в белое платье и поставил в угол; в другом углу стоял грустный ее муж, а около него наша соседка девица К., смеясь, указывала на ее труп пальцем и говорила: «Умерла». Мать сразу разгадала, что сулит ей этот сон, и уже на пути в Козлов приняла решение». Не обманул страшный сон, но князь обманулся в своих матримониальных планах. Он все еще верил, что обладает неограниченной властью над душой бывшей харьковской барышни, дрожащими пальчиками высвободившей записку из-под ошейника белой козочки. Музыка и вечно кипевшие в нем страсти сделали князя слепым к тем переменам, что исподволь, но неуклонно свершались в душе его жены. Он еще видел любовь там, где оставалось лишь чувство долга, домостроевскую покорность принимал за очарованность, недоброе отчуждение — за глубоко запрятанную нежность. Впервые он понял, что утратил всякую власть над Екатериной Николаевной и решение ее непоколебимо. Ему оставалась последняя горькая отрада: еще раз омыть слезами головки своих дочерей, что он не преминул сделать.

Семья уехала, а Голицын грустно приник к своей последней душевной опоре. «Коварная разлучница», «гувернантка-втируша», милая, преданная русская девушка напряглась своим юным существом и приняла тяжкий груз. Рухнули надежды князя на создание новой семьи, вместе с ними испарились эфемерные мечты о мирной, спокойной жизни, кротком, неспешном угасании в провинциальной глуши под сладко замирающую музыку. Но кануло в вечность минутное уныние, деятельная натура князя встрепенулась и захотела вновь на простор. Ему отказали в смиренном доживании дней, он вновь окунется в житейское море, теперь его судьба — странствующий музыкант. Ну, а полицейский надзор?..

От этого не отмахнешься. Помимо жандармских чинов, батюшки приходской церкви, соседей, прислуги и дворника, наблюдение за ним имело некоторое число темных личностей в штатском, постоянно шнырявших вокруг дома, то и дело попадавшихся ему на глаза во время прогулок, торчащих в подъездах и подворотнях, когда он бывал в гостях. Князь запомнил несколько небритых физиономий с насморочными носами. Он дал им клички, исходя из внешности, повадок и пороков. Был длинный, тощий, похожий на попа-расстригу дон Базилио. Свой большой пористый красный нос он то и дело потчевал понюшками табаку. Голицын иногда подзывал его и давал «на табак». Секретный агент живо отзывался на кличку дон Базилио, будто уже некогда посетил мир в обличье этого проходимца, он сразу отделялся от водосточной трубы, выныривал из подворотни и умильно смотрел на князя, ожидая подачки. Были Ерофеич и Еремеич — два пьяницы, от которых разило перегаром и луком. Князь не обходил их своим вниманием. Он приказывал им становиться против ветра, чтобы не чувствовать смрад сивушного дыхания, и давал на водку. Был хромой карлик лорд Байрон, или просто Лорд,— прозвище возникло из-за хромоты и контраста ничтожных черт недомерка гордой красоте поэта. Чижик-пыжик любил хорониться в кустах, в космах дикого винограда или хмеля; с ним иг-

---

Продолжение. См. «Огонек» № 31.

ралась такая игра. «Чижик-пыжик, где ты был?» «На Фонтанке водку пил»,— следовал радостный ответ. «А еще хочешь?» «Кто не хочет!» — пищал Чижик и получал на утоление жажды. По праздничным дням эта вшивая команда являлась к Голицыну с поздравлениями следом за квартальным, прислугой, кучером, дворником — тоже стукачами — и получала презенты. Дон Базилио всегда пытался чмокнуть князя в руку, он знал обхождение и просил: «Дозвольте, ваше сиятельство, ручку померсикать». Но, несмотря на всю свою жалкость, глупость, низость и постоянную нетрезвость, службу они исполняли с примерным тщанием и терпением. Князь чувствовал, что слезящиеся, мутные, воспаленные глаза как бы передают его друг дружке, как только он выходит за порог дома. Неужели, удивлялся Голицын, он такой важный государственный преступник, что необходима постоянная слежка? Ведь если ему захочется послать что-либо в «Колокол», он все равно это сделает, только уж не будет прибегать к помощи кантониста-доносчика; православие уцелело, даже не дрогнуло после брошюры его отца, к тому же он был просто почтальоном, понятия не имеющим о содержании своей сумки. Знакомство с Герценом и Огаревым? Но ведь каждый приличный человек, отправляясь в Европу, непременно повидается с ними, однако никого за это не ссылают. В конце концов он музыкант, а не политический деятель. Покойный император называл дело сыска «святым», ныне здравствующий обходится без афоризмов, возносящих Третье отделение, но, похоже, не меньше отца чтит службу слежки, надзора и пресечения. Это какая-то слежка ради слежки, преследование ради преследования, и, по чести, Голицыну надоело, что вся его жизнь идет как бы на виду. Еще немного, и они проберутся к нему в спальню, в туалет. Ходишь, как голый. С этим пора кончать, тем более что из местных путного хора не соберешь, а по губернии ему ездить запрещено. И на какие средства мог бы он содержать сколь-нибудь стоящий хор? С музыкой не получается, но остается любовь. Будем откровенны с собой: тихой незаконной любви не бывает. К. нигде не принимают, она этим мучается из-за него, ей-то самой никто не нужен. К себе они могут пригласить разве что дона Базилио или Чижика-пыжика. Простые радости провинциального бытия не для них. Стало быть, надо взорвать тишину. Он часто бормотал про себя стихи Лермонтова, на которые позже создаст свой лучший романс:

> Что без страданий жизнь поэта?
> И что без бури океан?

Так пусть забушует океан, это лучше, чем гнить в тухлой заводи. Склонный к самообольщению, Голицын тем не менее понимал, что в Козлове он как-то проживет на оставшиеся скудные доходы, а в широком мире, если удастся вырваться, что при неотступной слежке казалось маловероятным (впрочем, маловероятное было стихией Юрки Голицына), на него обрушатся каторжный труд и заботы многие. Но он верил в себя как в артиста, верил, что выдюжит, а главное — верил в душевную силу той, что стала его спутницей. Все же он не имел права принимать решение единолично. Он поделился своими мыслями с К. «Я проживу и тут, а ты — нет. Значит, надо бежать». И Голицын осуществил побег с присущим ему размахом, прихватив с собой не только гражданскую жену, но и служанку, лакея и обученного им регента хора. Уже в дороге он подцепил какого-то мелкого авантюриста, поверив в его толмаческие способности,— нельзя без приживала...

Как же ему это удалось? План был прост, как все истинно великое. Уйти от слежки он не мог, поэтому Голицын решил максимально привлечь внимание к своей персоне и тем ослабить бдительность козловской полиции. Человек, который выставляет себя напоказ, вряд ли вынашивает преступные замыслы. Голицын решил дать городу, прежде всего молодежи, прекрасную зимнюю забаву: горку для катания на санках. Да что там горку — горищу: от своего дома до базарной площади и дальше до самой реки Воронеж, чтоб выносило отважных саночников аж на другой берег. Это встанет в копеечку, ведь надо проложить трассу, ровно залить водой и соорудить снеговые борта для безопасности катающихся, но игра стоит свеч.

Такого увеселения сроду не знали в скучном Козлове, и городничий, и почтенные обыватели, и простонародье — все восхищались выдумкой и тороватостью князя. Конечно, власти не препятствовали Голицыну посетить Тамбов для свидания с губернатором перед самым открытием горки. Они ждали от этой встречи новых приятных неожиданностей для Козлова.

И неожиданности не замедлили. Сооружение было завершено, опробовано, и городничий телеграфировал князю в Тамбов, что гору сгородили и его ждут для торжественного открытия увеселения.

«Городите дальше»,— лаконично ответил князь и, плотно поужинав у губернатора, спев несколько романсов Варламова и Булахова, восхитив мужчин, очаровав дам, той же ночью пустился в бега с женой и всем штатом.

С Перекопа он телеграфировал князю Василию Андреевичу Долгорукову, ленивому, бездарному военному министру севастопольских дней, а ныне куда более деятельному, но столь же бездарному шефу жандармов: «Благодаря исправности вашей тайной полиции я благополучно достиг границы». Долгоруков был безутешен. Он жаловался Екатерине Николаевне, случившейся в Петербурге: «Посмотрите, что делает Юрка. Ведь он меня срамит на всю Европу».

Фанфаронство могло дорого обойтись Голицыну. Ведь он все еще находился в пределах Российской империи. Смекнув это, он на время расстался со своим чересчур приметным кортежем. Жена со слугами отплыла в Константинополь, а он, опасаясь, что его возьмут на борту парохода, решил добираться в Царьград через Молдавию посуху.

Путь его лежал из Кишинева в Галац. Для человека, не желающего привлекать к себе внимание, князь выглядел несколько экзотично. Вот как он описывает свой наряд: «...я еще в Козлове заказал себе шубу, но так как мои размеры требовали непременно два меха, то я для легкости шубы выбрал желтую лисицу и покрыл ее темно-зеленым люстрином, чрез что шуба моя походила на поповскую, тем более что я всегда ношу верхнее платье с широкими висячими рукавами. Кроме того, я носил в дороге черную ермолку, а так как день был жаркий, то я распахнулся, и молдаванин, угостивший меня вином, увидел на груди моей необыкновенного размера золотой крест на такой же цепи и, разумеется, принял меня за духовное лицо». Молдаванин попросил благословения и поцеловал у лжесвященника руку.

Дальше пошла настоящая хлестаковщина. Оказывается, в одном городке ожидали приезда какого-то архиерея, направляющегося на восток, и обогнавший Голицына по дороге всадник — реставратор икон, наблюдавший сцену с молдаванином и сам испросивший благословения, растрезвонил о приближении князя церкви.

Не подозревая о волнении, вызванном его приездом, Голицын в распахнутой лисьей шубе, ермолке на седоватых кудрях и с златоблещущим крестом на груди подъехал к гостинице и попытался взять номер на одну ночь. Жизнь — очень грубый драматург, она любит устраивать те нарочитые совпадения, что не прощают сочинителям пьес. В городке происходили выборы, и гостиница — единственная — оказалась переполненной. И тут снова вынырнул шустрый богомаз и, низко кланяясь, сказал, что его преосвященству отведена квартира у благочинного.

Это никак не устраивало Голицына, боявшегося разоблачения, он отговорился тем, что не хочет стеснять батюшку, и попросил найти ему другое жилье.

Расторопный богомаз отвел его в дом предводителя, который как раз праздновал свое переизбрание на высокий пост. Увидев архиерея, все присутствующие дворяне, числом более сорока, поочередно подошли под благословение и облобызали ему руку. Голицын рассвирепел и сам стал совать руку — довольно грубо — к устам богобоязненных и нетрезвых дворян. Одному он шатнул зуб, другому разбил губу. По счастью, он сумел внушить гостеприимному хозяину, что шум, теснота и вакхическое веселье, царящие в доме, мешают ему сосредоточиться перед воскресной службой. Ему нужны тишина и уединение. Тут кто-то вспомнил о вдовце-дьячке, у которого был чистый покойчик. Туда и отвели архиерея.

Дьячок уже спал и поначалу никак не мог понять, чего от него хотят. Когда же понял, то онемел от громадности обрушившейся на него чести. Говорят, что именно с этого дня он запил вмертвую.

Не успел утомленный князь забыться сном на мягком пуховике, как услышал шепоток в соседней комнате. Мгновенно пробудившееся чувство опасности как ветром сдуло его с постели. Оказывается, благочинному донесли о приезде высокой особы, и тот пришел просить архиерея освятить иконостас и осчастливить прихожан торжественным служением.

Все шло строго по «Ревизору», но Голицыну захотелось скорее добраться до конца спектакля — благополучного убытия Ивана Александровича из слишком гостеприимного города. Спровадив кое-как попа, Голицын решил признаться во всем дьячку. Десять желтеньких новых золотых помогли служителю божьему перенести разочарование и даже быстренько раздобыть «купцу Малькову», спешащему по торговым делам, шестерку лошадей.

«Когда в пятом часу ударил благовестный колокол — вспоминал Голицын,— меня в... уже не было. Тогда только, перекрестившись, я свободно вздохнул...»

О бегстве Голицына в Англию, превратившемся в большое авантюрное путешествие, достойное вдохновенного и чуждого мелочному правдоподобию пера Марко Поло, известно не так уж много. Но и того, что есть, достаточно, чтобы сказать: оно было достойно Юрки Голицына — порох не отсырел. В его незаконченных, вернее, едва начатых воспоминаниях содержится перечень эпизодов-главок, посвященных этому путешествию. Вот он (сокращенно):

«Исправляю должность миллионера.— Покупаю сало и шерсть.— Русский консул.— Агент пароходства...— Отказ принять на пароход.— Встреча славянина на набережной.— Австрийский пароход компании Лойд. Беседа за обедом.— Я заподозрен.— Решительное объяснение в каюте.— Сильная качка под Варной.— Шквал.— Туман.— Еще таких пять минут, и мы оба погибли.— Крушение и гибель английского парохода.— Меня чуть не выбросило за борт.— Восход солнца.— Тишь и вход в Босфор.— Константинополь, таможня и покупка фиц-гармонии.— Русский генерал.— Оказывается, в Константинополе много знакомых при посольстве.— Гонят с парохода.— Нигде не принимают.— Отчаянное положение.— Греческий пароход «София» под английским флагом и капитан парохода англичанин.— Наконец успокоился.— Оставляю Босфор.— Буря в Босфоре.— Карамболь нашего парохода с другими, сорвавшимися с якоря судами.— Решились было не морем ехать, а через Турцию на Вену и так далее.— Неожиданно опять плывем.— Мраморное море...— Смирна — Александрия...— Обезображивают Каир.— Султан le roi s'amuse. Египетская железная дорога.— Как наши инженеры далеко отстали от французских по части наживания.— Сам господин Лессепс.— Особый поезд для завтрака в champagne frappé Г. Лессепса.— Река Нил.— Рамазан в Каире...— Арабские бегуны. Суэц...— Недостаток в то время в воде. — Ирригационная система орошения полей. — Пирамиды. — Встреча с Орлеанским принцем comte de Paris et duc de Chartres.— Крокодил.— Американец мистер Пэдж.— Обжорливость и докучность его. — Мальта. — Китоловы... Француз, хотя и капитан,— невежда, отыскивающий на карте Польшу по соседству с Иркутском.— Страстная суббота. Чудная ночь на палубе.— Пропел с аккомпанементом на фиц-гармонике Христос Воскрес и всю заутреню... — Приезд в Ливерпуль. — Почему в Ливерпуле принимают меня за высочайшую особу, и как это дорого мне обошлось. — Народ приветствует...»

От одного этого перечня начинается легкое головокружение. Нечто подобное испытал Герцен, когда услышал одиссею Голицына. Он писал в «Былом и думах»:

«Он мне сразу рассказал какую-то неправдоподобную историю, которая вся оказалась справедливой...

— Дорого у вас здесь в Англии б-берут на таможне,— сказал он, слегка заикаясь, окончив курс своей всеобщей истории.

— За товары, может,— заметил я,— а к путешественникам custom-house очень снисходителен.

— Не скажу — я заплатил шиллингов 15 за крок-кодила.

— Да это что такое?

— Как что? Да просто крок-кодил.

Я сделал большие глаза и спросил его:

— Да вы, князь, что же это: возите с собой крокодила вместо паспорта — стращать жандармов на границах?

— Такой случай. Я в Александрии гулял, а тут какой-то арабчонок продает крокодила. Понравился, я и купил.

— Ну, а арабчонка купили?

— Ха, ха! Нет».

Еще до появления Голицына в Лондоне Герцен оказал ему дружескую услугу. Весь княжеский штат: регент, слуги и приживал — явился в Лондон раньше князя. Следуя его наказу, они взяли дешевые номера в гостинице и стали ждать приезда своего сюзерена. А тот, как мы знаем, не торопился: разъезжал по Африке, завтракал и пил шампанское с Лессепсом, обедал с герцогами Орлеанского дома, наблюдал обычаи и нравы Египта, осматривал пирамиды и Суэцкий канал, пел под фиц-гармонию, покупал крокодилов и вообще наслаждался жизнью после козловского заточения. Люди князя вконец зажились, им нечем было платить за гостиницу, и хозяин грозил отдать их под суд. А пока что подверг домашнему аресту, забрав для верности у мужчин сапоги. Имя Герцена как заступника севших на мель русских было известно этим бедным людям, регент выбрался из узилища и без сапог притопал к Герцену с мольбой о спасении. Герцен хорошо знал хозяина гостиницы и поручился за своих земляков. Минуло какое-то время, и к его дому подкатил роскошный выезд, серые в яблоках рысаки лихо осадили у подъезда. Из экипажа вышел «огромный мужчина, толстый, с красивым лицом ассирийского бога-вола» и заключил Герцена в объятия, благодаря со слезами за помощь, оказанную его слугам.

Странные отношения сложились у этих таких русских и во всем разных людей. Голицын откровенно и шумно преклонялся перед Герценом, а тот, стоило ему расположиться к Голицыну, тут же сталкивался с очередным фанфаронством, хвастовством, «гигантизмом», чего на дух не переносил, и симпатия (порой восхищение) сменялась довольно злой иронией. Голицын это чувствовал, но был не из тех, кто приспосабливается к другим людям, даже высокочтимым. А поводов к раздражению он давал предостаточно. Так было, когда у герценовского подъезда заржали серые в яблоках жеребцы, так было, когда Герцен обнаружил, что на афишах Голицын поименован «Его королевское высочество». В последнем Юрка был не виноват. У англичан титул князя соответствует принцу, а принцами были лишь особы королевской крови. Поэтому и стал Юрка «королевским высочеством». После тщетных попыток убедить детей Альбиона, что он не принадлежит к царствующему дому, Голицын махнул рукой, предоставив англичанам величать его как заблагорассудится. Понятно, что каждому импресарио хотелось иметь на афише «королевское высочество», что сулило хорошие сборы. А Герцену это представлялось дурного тона рекламой, самозванством и низкопоклонничеством перед царской фамилией.

Голицын во многом повторял судьбу Герцена: был в ссылке, бежал, ладил новую жизнь на чужбине, но требовательный и непримиримый Искандер был чужд снисходительности. Все менялось, когда наступала музыка. «Концерт был великолепный. Как Голицын успел так подготовить хор и оркестр — это его тайна, но концерт был совершенно из ряду вон. Русские песни и молитвы, «Камаринская» и обедня, отрывки из оперы Глинки и из евангелья («Отче наш») — все шло прекрасно». Но и тут Герцен не удерживается от насмешки: «Дамы не могли налюбоваться колоссальными мясами красивого ассирийского бога, величественно и грациозно поднимавшего и опускавшего свой скипетр из слоновой кости».

И скупая на похвалы Тучкова-Огарева, с мнением которой он очень считался, восторженно отзывалась о голицынских концертах. И все-таки предубеждение осталось. Но если у князя случались неприятности, а наживать их Голицын был великий мастак, Герцен приходил на помощь. Так было, когда «взбунтовался» вывезенный из России регент, личность весьма противная. Герцен удивительно точно разобрался в запутанной истории и, хотя по наклонностям своим всегда брал сторону слабого против сильного, бедного против богатого, был покорен простодушной, даже наивной манерой князя, явившего сквозь все громы и молнии совершенное беззлобие, неожиданный демократизм и чисто русскую широту. Сочувственно рассказав об очередной незадаче князя — сквозь насмешливую интонацию пробивается больше чем симпатия, любование игрой богатого характера,—он дальше сообщает, что Голицын «...все-таки наконец попал, как и следовало ожидать, в тюрьму за долги... Полисмен привозил его ежедневно в Cremorn garden, часу в восьмом; там он дирижировал, для удовольствия лоретох всего Лондона, концерт, и с последним взмахом скипетра из слоновой кости незаметный полицейский вырастал из-под земли и не покидал князя до кеба, который вез узника в черном фраке и белых перчатках в тюрьму». И чего Герцен так расшалился? Он же пишет о человеке, находящемся в отчаянном положении. Любопытно, что Герцен вторично упоминает «скипетр из слоновой кости». У кого другого это могло быть признаком художественной скупости,—цепляние за раз найденную выразительную подробность,— но только не у Герцена: дирижерская палочка из слоновой кости крайне досаждает ему.

В последней части незавершенных мемуаров князь скрывается за псевдонимом «сэр Вильямс», но идет так близко к своей подлинной биографии, что поселяет вернувшегося в Англию героя в городе, обозначенном буквой «Я». В английском алфавите такой буквы не существует, стало быть, не может быть и города на «Я». Но есть Ярославль, где поселился по возвращении на родину Голицын. Достаточно пробежать начало, чтобы убедиться, насколько живой Голицын совпадает с придуманным сэром Вильямсом. «Я, как вы знаете, англичанин. По рождению принадлежу к высшей английской аристократии. К несчастью, я лишился моей матери в первый период моего детства, а мой отец, служивший в военной службе и находившийся постоянно в походах, не имев возможности следить за моим воспитанием, вынужден был оставить меня у родных покойной матери, которые, не сумев справиться с природной необузданностью моего нрава, нашли необходимым отдать меня в учебное заведение, в котором, однако, я не учился».

Спокойный, даже несколько ироничный к самому себе тон повести ломается, когда речь заходит об «ангеле», украсившем горестное бытие Вильямса и даже принесшем ему сына (чего с ангелами не бывает по причине их бесполости), едва не оплатив собственной жизнью появление плода любви, не освященной узами законного брака. Не менее пафосно переданы злоключения сэра Вильямса, художника, чье искусство не находит применения в ростовщическом мире. И хотя все это написано в приподнятой и неестественной манере Авдотьи Панаевой, в бедствиях сэра Вильямса отразилась горестная жизнь самого Голицына в Англии.

Ему катастрофически не везло. Впрочем, это невезение провоцировалось безжалостными лондонскими дельцами, в чьи руки попал доверчивый и неопытный в практической жизни князь. Он был смел и находчив в романтических обстоятельствах жизни, когда звенела кровь в жилах, а не деньги. Его громкое имя, пышный титул, репутация первоклассного музыканта, быстро укрепившаяся в Лондоне, принесли ему выгоднейший, как поначалу казалось, контракт. Правда, до заключения этого контракта быстро промотавшийся на серых в яблоках князь успел побывать в «крепостной зависимости» у выжиги антрепренера, которого он называет «хозяин», отказывая ему в имени на страницах своих воспоминаний. За три шиллинга в день хозяин получал князя в свою собственность. Трижды в день Голицын должен был дирижировать оркестром, где прикажут: в саду для гуляний, в концерте или на низкопробном бале. Конечно, это было унизительно для такого большого музыканта, как Голицын, но в грубой поденщине таилось и хорошее: он отучался от своих барских замашек, от дорогих экипажей, нанятых в кредит, роскошных ужинов в долг, услуг многочисленной челяди и прочего баловства.

Но вот ему удалось вырваться из кабалы и подписать выгодный контракт с г. Кардуэлем, содержателем одного из лучших увеселительных садов Лондона — Серей-Гардена.

Если отечественные похождения Юрки Голицына зачастую просились в лесковские сказы, то лондонская пора достойна пера Диккенса, выпустившего в свет таких чудищ, как Урия Гип, Сквирс, Ральф Никльби, старикашка Феджин. Сановитый Кардуэль, денежный мешок и «настоящий джентльмен», как мнилось простодушному Юрке, подписал с ним соглашение от собственного лица и от лица своих незримых компаньонов на сорок концертов; сбор делился поровну между антрепренерами и Голицыным, который из своей доли оплачивал оркестрантов. В контракте была одна маленькая оговорка — Голицын не придал ей никакого значения: за первое выступление весь сбор идет Кардуэлю и К°.

Концерт происходил в огромном зале, построенном предшественником Голицына по Серей-Гардену французским капельмейстером Жульеном, который сам держал антрепризу. Голицыну довелось дирижировать в этом зале, вмещавшем восемь тысяч человек, вскоре по приезде в Англию. Он имел огромный успех, позволивший забыть о печальной судьбе Жульена. А князь был суеверен! Бедного Жульена довели до сумасшествия и гибели облагодетельствованные им музыканты: таких ставок, как у Жульена, нигде не платили. Но стоило Жульену чуть оступиться, и разбалованные, неблагодарные оркестранты ополчились на него и вогнали в гроб. Голицыну подобный казус не грозил: со смертью Жульена кончились сверхгонорары, платить стали куда меньше прежнего, музыканты цеплялись за любую работу, и ничего не стоило с ходу набрать полный оркестр. Кардуэль, по профессии пивовар, явил щедрость и вкус, пригласив солистами двух виртуозов-гастролеров: скрипача Олебуля и пианиста Альбани. Меньше вкуса, но достаточно коммерческой сметки он обнаружил, украсив весь Лондон «двуспальными» афишами, извещавшими о грандиозном концерте под управлением Его королевского высочества принца Георгия Николаевича Голицына. «Сам бог послал мне вас, мой принц, взамен бедного Жульена,— едва удерживая слезы, говорил накануне концерта мистер Кардуэль.— Покойный был замечательным человеком, но как музыкант не годился вам в подметки». Зато как дельцы несчастный Жульен и сиятельный принц Георгий Голицын находились на одном уровне, который был неизмеримо ниже уровня «настоящего джентльмена» Кардуэля и его мифических компаньонов.

Концерт имел сумасшедший успех, билетов было продано вдвое больше, чем мест, люди забили проходы, стояли в дверях. Следующий концерт не состоялся. Вскоре после утренней репетиции над кронами старых дубов и молодых кленов Серей-Гардена повалил густой черный дым. Концертный зал горел, и мистер Кардуэль, брезгливо понюхав белые перчатки, пахнущие огнепальной смесью, не спеша отправился в страховую контору, где по счастливой случайности недавно застраховал свое увеселительное заведение на сумму, значительно превосходящую его стоимость. Поразительно, что в номере газеты «Экспресс», выходящем в три часа дня, появилось сообщение с места пожара, еще только набиравшего силу: «Пока мы пишем эти строки, Серейгарденская зала, в которой вчера был концерт под управлением принца Голицына, наполовину уже сгорела». Голицын прочел заметку, снял шляпу, перекрестился и сказал: «Да будет воля твоя».

Кардуэль и К° без труда отстроили заново свой театр, но контракта прежнего с Голицыным не возобновили. А заключили новый, согласно которому он получал уже не половину, а сорок процентов валового сбора. Игра началась сначала. Первый концерт при переполненном зале дал акционерам более 1700 фунтов стерлингов, а второй концерт не принес ни пенни. На этот раз обошлось без пожара, причина была в прямо противоположном: слишком взыграла стихия, обратная огню. Разверзлись лондонские небесные хляби. Надолго.

Сад опустел, на концерты собиралось не более полутора-двухсот человек, настолько преданных музыке, что их нельзя было отвадить никаким ливнем. Конечно, случались и хорошие, солнечные дни, но приходились неизменно на воскресенья, когда человек отдыхает от трудов праведных и все увеселения закрыты. В понедельник снова принимался дождь. И так на протяжении всех шести недель. Никакой энтузиазм, никакие надежды, никакая художественная общность не устоят перед таким испытанием, и в исходе серейгарденских концертов оркестранты глядеть не могли ни друг на друга, ни на своего незадачливого вожа, платившего им той же монетой.

Князь не успел впасть в бурное отчаяние, что стало его специальностью в эмиграции, как получил блестящее предложение от мистера Смита, купившего Креморн-Гарденс и ничего на него не жалевшего. Жулик и проходимец, Кардуэль пользовался в Сити репутацией почтенного, кристально честного делового человека, слава мистера Смита была иного толка. В Сити, а затем по всему Лондону распространялся слух, что разорившийся м-р Смит бежал со всей семьей в Австралию, на другой день он как ни в чем не бывало раскатывал по Пикадилли или Риджент-сквер в блестящем ландо, сверкая рубинами и солитерами, украшавшими его перстни, булавки и запонки. «Допрыгался Смит — угодил за решетку»,— хихикая, сообщали друг другу лондонские дельцы, любившие ближнего значительно меньше, чем самого себя, и пропускали на радостях по стаканчику портвейна, а Смит появлялся на ближайших скачках, и его кровные скакуны брали главные призы. Он содержал Королевский театр и не без успеха соперничал с Ковентгарденским театром, приглашал самых знаменитых гастролеров и платил им невиданные гонорары, и вдруг весь Лондон узнавал, что Смит наконец-то объявил себя банкротом. В дни, когда слухи превратились в уверенность и в Сити смаковали подробности позорного крушения этого выскочки-авантюриста, он приобрел за 26 000 фунтов Креморн-Гарденс.

В каждое дело загадочный Смит вносил невиданный размах. Сад на глазах потрясенных лондонцев стал превращаться в восьмое чудо света, оркестр был собран самый большой в Англии, а для управления им потребовался, конечно, принц крови. Смит предложил Его королевскому высочеству контракт воистину королевский: на шесть лет по 3000 фунтов в год, квартиру, полное содержание и бенефис в середине сезона. К тому же работать надо всего восемь месяцев в году. Смит готов был подписать контракт сразу после открытия Креморн-Гарденса под его фирмой. Ни о чем подобном даже мечтать не смел злосчастный сэр Вильямс.

Всевышний сжалился над муками его семьи, увеличившейся на одного человека, и послал мистера Смита с проектом наищедрейшего контракта в руке вместо оливковой ветви. Конец тяжким испытаниям, конец нужде, конец печали.

Что из всего этого вышло, пусть расскажет сам князь Голицын, хочется, чтобы читатель услышал его собственный голос. Началось все на репетиции. Мистер Смит потребовал, чтобы каждое отделение начиналось увертюрой из опер: «Цампа», «Фенелла», «Бронзовый конь» и «Фра-Дьяволо». Кое-как справились с тремя увертюрами — музыканты играли нехотя, переговаривались, смеялись, и князь подозревал, что объектом их остроумия была его особа. В другое время он наверняка бы вспылил, но жизнь обкатала нетерпивца, пообломала ему рога, и он сделал вид, будто не замечает дерзкого поведения оркестра. Но и не насторожился, за что был страшно наказан.

«Оставалось исполнить увертюру «Фра-Дьяволо». Всем известно, что эта увертюра начинается барабанным соло. Я подал знак барабанщику-солисту начинать увертюру; но он был занят разговором с литавристом и по назначению моему не начал; я постучал палочкой по пюпитру и дал знак повторительный. Барабанщик-француз продолжал свою болтовню и вторично не начал. Тогда, обратясь к нему, сказал avec le ton, qui fait la musique: «Je ne suis pas venu, monsieur, pour ecouter vos balivernes, je vous engage d'être à votre affaire» — «on y est, monsieur, et on y sera» [1],— ответил нахальный француз. Что этим француз, petit tambour [2], хотел сказать, я в то время не понял или, правильнее, внимания на это не обратил. Вечером, к семи часам, я в полной парадной форме, т. е. в белом галстухе и палевых перчатках, был на эстраде... Наконец в половине осьмого дано было приказание начать концерт. По программе стояла первым нумером увертюра «Цампы». Махнул я капельмейстерским жезлом, и разразился гром. С первого аккорда послышался страшнейший, небывалый в мире диссонанс: один оркестр начал «Цампу», другой — «Бронзового коня», третий — «Фенеллу», а четвертый — «Фра-Дьяволо», причем француз, petit tambour, стоя на стуле, здорово бил дробь на барабане и прикрикивал: «On y est, monsieur, on y est! [3]». На публику этот новый музыкальный эффект различно подействовал: одни хохотали, другие свистели, третьи шикали. Я же, видя, что это было не что иное, как общий заговор всех музыкантов против меня, и что тут уже ничего не поделаешь, увлекся постоянной моей нетерпимостью и, пустив метко моим капельмейстерским жезлом в грудь француза petit tambour, сошел с эстрады. Смит, которому об этом скандале немедленно доложили, бежал уже к месту сражения и, встретив меня на дороге, сказал мне: «Может быть, у вашего королевского высочества много таланта, но вы не обладаете одним, и самым главным,— это уменьем уживаться с теми, от кого вы зависите, и потому, не находя возможным иметь с вами серьезное дело, от предложений моих отказываюсь и контракта не подпишу. Доброй ночи». И с этими словами он пошел дальше. Долго стоял я на одном месте, но в первый раз не выдержал я силы удара... и горько заплакал».

Последнее не соответствует истине: князь плакал не впервые, давно уже вошло у него в привычку омывать горючими слезами удары судьбы. А в негостеприимной Англии князь то и дело исходил влагой из своих красивых воловьих глаз. И это неизменно приносило ему облегчение.

[1] «...тоном, не терпящим возражения: «Я здесь, сударь, не для того, чтобы слушать вашу болтовню, я вас нанял для того, чтобы вы занимались своим делом» — «я занимаюсь своим делом, господин, и буду им заниматься...»

[2] Маленький барабанщик.

[3] «Я занимаюсь своим делом, господин, я занимаюсь своим делом!»

Окончание следует.

ВМЕСТЕ С ГИТАРОЙ

В жизни Виктора Луферова 1978 год оказался одним из самых счастливых. На него пришлось окончание Гнесинского училища и победа в представительном песенном конкурсе, где написанная Виктором баллада обеспечила ему первое место. На заключительном концерте фестиваля произошла его встреча с известной певицей Еленой Камбуровой, предложившей работать вместе.

Столь лестное приглашение было далеко не случайным. В. Луферова знали как гитариста, удачно сочетавшего профессионализм исполнения с пониманием специфики авторской песни — жанра, широко представленного в репертуаре вокалистки.

Идея показать возможности авторской песни путем ее слияния с другими эстрадными жанрами давно занимала Луферова. В 1967 году, пытаясь ее осуществить, он создал студенческий ансамбль, исполнявший песни, которые, как тогда считалось, могли звучать только под гитару. Когда слушатели обнаружили, что скрипки, виолончели, кларнет и ударные потеснили монопольную владычицу жанра, удивлению их не было предела.

Короче, многие слушатели не приняли тогда ансамблевого прочтения известных произведений. Что ж, решил Виктор, он предоставит им гитарное, но уж заставит свой инструмент звучать так же широко и разнообразно, как ансамбль. Виктор задумал покончить с традицией, которая предписывала гитаре лишь ритмически поддерживать солиста. Теперь она должна стать полноправным его союзником. Тогда-то и начала оттачиваться манера музыканта, которую не назовешь пением под гитару. Точнее будет — вместе с гитарой.

Успех, наконец пришедший к исполнителю, объясняется еще и тем, что в его концертах наряду с песнями маститых авторов все чаще стали звучать и свои собственные.

О чем его песни? «В придорожном камне прячется алмаз...» Но требуется немало сил, как узнаем мы из «Баллады о музыканте», чтобы подняться над будничностью, в повседневном разглядеть новую красоту, высокую поэзию бытия. А песня Луферова «Друзьям» убеждает нас, что достичь этого невозможно без интереса к окружающим, без постоянной готовности окунуться в их заботы, распахнуть друг другу сердца...

Самобытность отличала уже первые его песни — и стихи и музыку. Во многом этому способствовало разнообразие интересов Виктора, хотя тут музыкант снова отказывался признавать «неоспоримые» истины. Считалось бесспорным, что влияние на авторскую песню других музыкальных жанров ничего, кроме вреда, принести не может. А Луферов заявил, что артист, замыкающийся на одной манере, едва ли сможет добиться цельности, полнокровности образа. Увлечение фольклором — еще понятно. Но Виктор начал заниматься и в экспериментальной джазовой студии Дома культуры «Замоскворечье». И результат сказался довольно быстро: исполнительский стиль артиста сделался глубже, разноплановее.

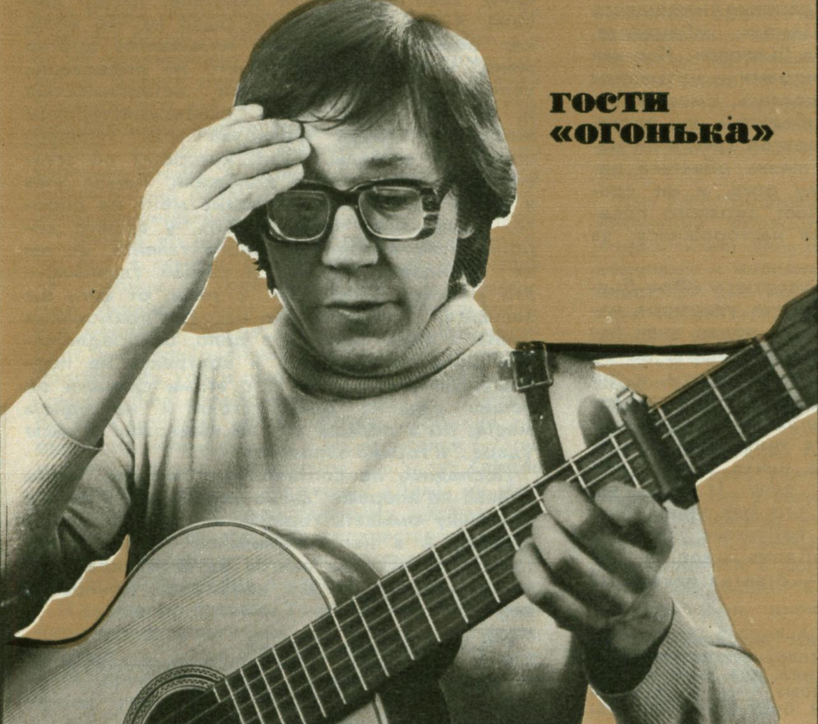
Случалось, исполнители авторской песни прощались с ней ради работы на профессиональной эстраде. Но поступить наоборот до Луферова никому в голову не приходило. Однако он сделал это, как только осознал, что занятость в Москонцерте оставляет слишком мало времени для сочинения собственных песен. И дал зарок не возвращаться на профессиональную сцену, пока не напишет столько произведений, что можно будет в течение нескольких лет менять свой репертуар. Тем не менее он продолжает выступать — теперь уже во дворцах культуры и клубах, так сказать, на самодеятельной сцене. Исполнитель уверен, что только постоянная концертная деятельность сможет переубедить тех, кто до сих пор отказывается всерьез относиться к авторской песне, считая, что она сводится лишь к паре плохо выученных аккордов и куплетов.

Меж тем авторская песня завоевывает все большую популярность в нашей стране. (Министерством культуры СССР было принято специальное постановление об этом жанре, которое, в частности, предусматривает и выпуск целой серии пластинок с записями лучших исполнителей.) Но, как и в любом деле, рядом с людьми по-настоящему талантливыми работают и такие, чьи опусы далеки от совершенства. Виктор Луферов относится к числу музыкантов, убежденно и непримиримо борющихся с халтурой и безвкусицей. Всегда отличавшийся требовательностью к себе, он уверен, что вправе предъявить свои требования к товарищам по искусству. За ним давно утвердилась слава человека принципиального, ставящего выше всего интересы любимого дела. Думается, это сыграло не последнюю роль в решении организаторов Общетрассового песенного фестиваля на БАМе, проходившего в прошлом году, пригласить Виктора в качестве почетного гостя и члена жюри.

Когда-то росту популярности «гитарной» песни сильно способствовало появление среди ее авторов профессиональных поэтов. Что ж, говорили, однако, скептики, стихи хороши, но вот мелодия... Думается, что с приходом на эстраду таких многоплановых музыкантов, как Виктор Луферов, это «но» уже не будет произноситься.

Н. КАЛУГИН

Фото Г. Розова

О. Петриченко

ФЕЛЬЕТОН

РОДИТЕЛ

Было торжество. Герой его, довольно щуплый на вид пионер, имя которого не назову из педагогических соображений, стал победителем месячника по сбору макулатуры, внеся в общешкольный котел сразу 300 (!) килограммов бумаги.

— А ведь это,— восклицала вожатая,— почти роща — минимум пять сбереженных от вырубки зрелых деревьев! Вы только представьте!

Представить рощицу было нетрудно. Куда сложнее вообразить жилу, откуда усердный отрок извлек такую прорву дефицитнейшего сырья.

— С ума сойти! — завистливо охнул кто-то в родительской толпе.— Да за эти деревья можно было столько книжных абонементов получить!

— Не в книгах счастье,— чистосердечно признался мне после линейки победитель, запихивая в спортивную сумку врученные ему награды — почетную грамоту и футбольный мяч. Но на главный вопрос — о происхождении материала, из которого ковалась столь впечатляющая победа,— отвечал уклончиво: «Места знать надо». На чем и поспешил завершить наше знакомство.

Дома я старательно взвесил «Вечерку», и, перемножив полученные 25 граммов на число дней в месяце, пришел к выводу, что почтовый ящик обычной семьи, выписывающей, согласно статистике, в среднем четыре издания, источником макулатурного благосостояния быть никак не может. Полученных трех килограммов не хватало даже на удовлетворение обязательного ежемесячного школьного взноса, составляющего, опять-таки в среднем, четыре килограмма. А ведь существуют еще и соблазны книжного абонемента, «гарантирующего приобретение указанной в нем книги после сдачи 20 кг макулатуры». Одним словом, 300 кг явно попахивали криминалом, равно как и 60 кг второго призера.

Увы, нескромный вопрос о первоисточнике рекорда в церемониале торжественного мероприятия не значился. «Тайна сия велика есть»,— не без игривости ответила мне пожилая пионервожатая. И, пожав плечами, доверительно добавила: «Мальчишки, они народ находчивый, если надо — из-под земли достанут. Впрочем, тут скорее всего родители помогли».

Мы, родители, люди сознательные.

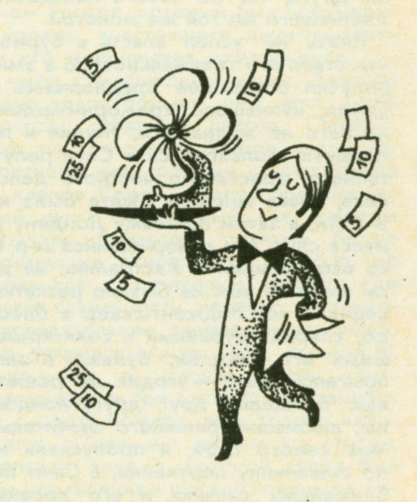
Любопытнейшие картины приходится наблюдать, когда в школах объявляются месячники пионерского энтузиазма. Требуется металлолом? Пожалуйста! И, глядишь, в означенный день, гремя авоськами, стекаются к железной куче чадолюбивые старушки, жертвуя во имя «Вторчермета» старинной выделки утюгами и чугунными гантелями — свидетелями еще дедушкиных молодецких забав.

Впрочем, старушки с их скромным вкладом в настоящем соревновании погоды не делают. Здесь, как и положено, побеждает сильнейший. Не класс, нет, ибо и объединенными усилиями двух-трех параллельных классов невозможно не то что принести — просто сдвинуть с места иные невероятные по весу и габаритам металлоизделия, каким-то образом попадающие в пришкольные кучи. Встретив там однажды ферму железнодорожного моста, я подумал, что это предел родительского участия в пионерских делах. Оказалось, нет. Как-то к школе доставили приличный участок трансъевропейского, а возможно, и межконтинентального трубопровода. Если бы к этой трубе кто-нибудь догадался принести еще и станцию, город получил бы новый участок метрополитена. Но на станцию у родителей пороха не хватило.

Макулатурные кампании проходят с меньшим размахом. Оно и понятно. Призрак личной библиотеки, возникшей из старых газет или выполнивших свой медицинский долг горчичников и прочей бумажной рухляди, возвел эту рухлядь в ранг дефицита, оказавшегося более стойким, нежели мимолетные увлечения коврами, хрусталем и т. п. предметами роскоши. Во имя Дюма-отца, сына и святого книжного духа в семьях экономится каждый фантик.

Это, наверное, хорошо. Воспита-

ФРАЗЫ

В бытовом обслуживании населения не было никакой системы, кроме нервной.

Тот, кто бросает деньги на ветер, тоже загрязняет окружающую среду.

Г. РЮМКО

Гомель.

В чужое положение входят без стука.

Благоразумие — это умение ограничиваться благами в разумном количестве.

Умывая руки, пачкаешь совесть.

Анатолий БРЕЙТЕР

«Мы с Царь-Пушкой родственницы»,— любила повторять хлопушка.

Потому Елку и приглашают на новогодний праздник, что она одета с иголочки.

А. АНИСЕНКО

Кузнецк.

Вывеска: «Узловая инстанция».

И НЕ ПОДВЕДУТ

ние разумной экономии, бережного отношения к народному добру, безусловно, важнейшая задача, решать которую в первую очередь призвана школа. Она вроде и решает. Посредством лекций, бесед и всевозможных кампаний по сбору.

Однако вспомните, когда в последний раз в вашу квартиру стучался розовощекий пионер и, вскинув руку в салюте, вежливо интересовался наличием в доме ненужных книг, журналов и газет.

Вспомнили? Совершенно верно, двадцать или тридцать лет назад. Была такая жизнерадостная страница в моей, вашей, нашей биографии. Ходили, стучали, звонили, и двери коммуналок гостеприимно распахивались для нас, и благодарные за услугу жильцы охотно избавлялись от пыльных комплектов «Нивы», потрепанных жизнью томов Брокгауза и Ефрона, да еще норовили угостить чаем с пирогами да вареньями.

Наверное, мы перестарались. И, выметя коммуналки подчистую, ничего не оставили своим наследникам. Во всяком случае, они по чужим квартирам за бумагой, как правило, уже не ходят. А и чего ходить, если в каждой есть либо свои обложенные такой же данью дети, либо охочие до абонементов книжники.

Непонятно другое: почему и в собственной квартире дети об этой самой экономии вспоминают лишь в то утро, когда им надо являться в школу с обязательным макулатурным взносом? И очень обижаются, если родители не постарались и не наскребли должного количества килограммов.

Родители обычно не подводят. Суетятся, шустрят, добывают. И частенько даже привозят — на личном ли, казенном транспорте — прямо в школу. А как же иначе 300 килограммов притащишь — не на спине ведь!

Одним словом, какая-то неправда закралась в это, безусловно, большое и нужное дело. Когда-то оно было сугубо добровольным. Но лет десять назад, объяснили мне в тресте «Ленвторсырье», по инициативе комсомольских и пионерских организаций страны началась всесоюзная операция «Миллион Родине». Задумана была с размахом, цели ставила самые высокие, и подхватили ее ребята с радостью. Естественно, появился и план — ежегодный, подробно расписанный по городам и весям. Где план, там, конечно, и денежная премия — наиболее отличившимся директорам, пионервожатым, заготовителям и прочим непосредственно причастным к сбору макулатуры лицам. Школьников отмечают книгами. Сданную бумагу — квитанциями.

Предусмотрено, казалось, все. Однако, как вскоре выяснилось, плановые и сверхплановые тонны явно задавили благородную первоначальную идею. И весь «воспитательный» эффект в итоге свелся к нездоровому ажиотажу вокруг количества набранных ребятней квитанций, фиксирующих сданные килограммы. Чем их больше, тем выше считается «общественная активность» школьника. И никого, собственно, уже не интересует главное — где и как эти килограммы собраны. А ведь неравная, явно неравная цена у тощей, но самостоятельно собранной пачки старых тетрадей (бывает и такое) и огромного тюка ежеквартальных отчетов курируемой папашей организации.

На той же торжественной линейке, где славили неохочего до книг пионера, скромные почести были возданы и двум мальчишкам, занявшим призовые места на районном конкурсе юных токарей, группе девочек, сшивших больше всех наволочек на швейной фабрике, где они проходили практику. Это были первые в их жизни грамоты за трудовые успехи, и, право, не сфальшивил вручавший награды ветеран, сказав, что запомнятся они на всю жизнь, потому что получены за честную работу.

Сбор макулатуры в большинстве случаев таковой не назовешь. Прекрасная инициатива превратилась, по сути, в ежемесячный урок неправды, в котором в равно незавидных ролях участвуют родители и педагоги. А дети?

Даже десять миллионов сэкономленных тонн не стоят доброго здравия одной детской души.

Тезис к докладу: «Думаю, что я не ошибусь, если ничего не скажу».

Г. ЯБЛОНСКИЙ

Одесса.

Голова дана не для того, чтобы то и дело хвататься за нее.

Камни преткновения лучше всего перебрасывать в чужой огород.

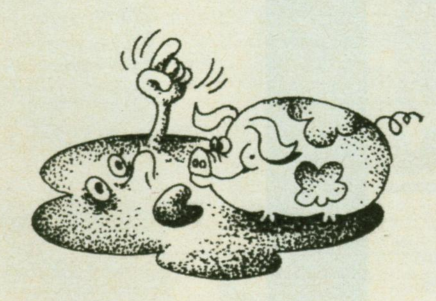

Не бей кулаком по столу! Пробьешь брешь в кадрах.

Тренеры отличаются от футболистов тем, что все матчи проигрывают мысленно.

Вл. ЛЕБЕДЕВ

ЮМОРИНКИ

Заки НУРИ

ЗАБЛУЖДЕНИЕ

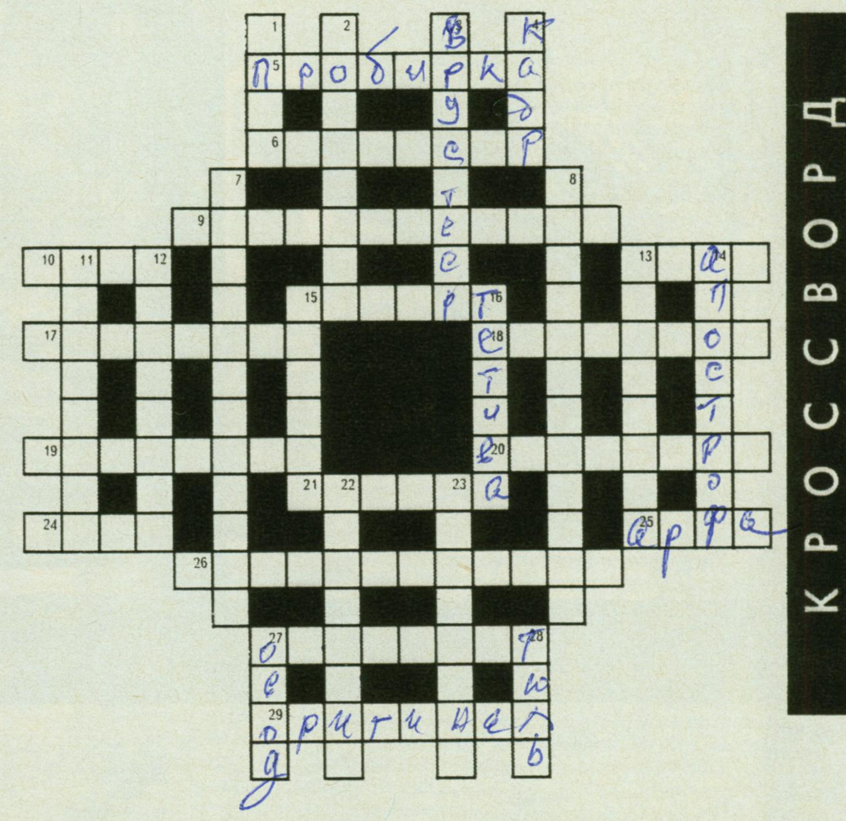
Лужа мутная одна
утверждала убежденно:
— Раз во мне не видно дна,
значит, я бездонна!..

ДАЛ МАХУ

— А где ж брюнетка Амина?
По ней три года ты вздыхал.
— Э, вышла замуж.. маху дал!
— А за кого?
— Да за меня!

Перевел с татарского
Иван Законов.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Стеклянная трубочка, употребляемая в лабораториях. 6. Минерал, разновидность гипса. 9. Роман Л. М. Леонова. 10. Звездное скопление в созвездии Рака. 13. Перелетная птица. 15. Австрийский композитор XVIII века. 17. Народная артистка СССР, выступавшая во МХАТе. 18. Экваториальное созвездие. 19. Академик, один из основоположников аэродинамики, Герой Социалистического Труда. 20. Город в Латвии. 21. Действующее лицо оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 24. Водоплавающая птица. 25. Многострунный музыкальный инструмент. 26. Физик, академик, лауреат Ленинской премии. 27. Горный воск. 29. Подлинник.

По вертикали: 1. Столица государства Западное Самоа. 2. Умеренный темп в музыке. 3. Насыпь у окопа. 4. Снимок на пленке. 7. Народный артист СССР, сыгравший заглавные роли в фильмах «Пирогов», «Пугачев». 8. Часть речи. 11. Образец, эталон. 12. Сорт винограда. 13. Декоративное растение, цветок. 14. Надстрочная запятая. 15. Композитор, автор оперы «Манон». 16. Бечева, стягивающая концы лука. 22. Украинский живописец XVII века. 23. Картина Т. Г. Шевченко. 27. Роман Э. Л. Войнич. 28. Прозрачная узорчатая ткань.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

По горизонтали: 7. Бурение. 9. Реактив. 10. Давыдов. 11. Клюз. 12. Блинников. 15. Бизе. 18. «Арарат». 19. Дюкер. 20. Родари. 21. Кольчуга. 22. Квадрант. 26. Персей. 28. Рыбак. 29. Ксенон. 31. Туба. 32. Крапивник. 35. Трир. 36. Ленский. 37. «Тропики». 38. Куратор.

По вертикали: 1. Гравюра. 2. «Обвал». 3. Вероника. 4. Ведро. 5. Роднина. 6. Трактат. 8. Явление. 13. Индигирка. 14. Кировакан. 16. Мальцев. 17. Домрист. 23. Шпатель. 24. Обсидиан. 25. Инерция. 27. Рубанок. 30. Нарцисс. 33. Рейка. 34. Истра.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Светлана Савицкая во время выхода в открытый космос. (Снимки сделаны в Центре управления полетом с экрана телекосмической связи).

Фото Дм. Бальтерманца

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Пионерский лагерь «Дзержинец» Днепровского металлургического комбината имени Дзержинского расположен на живописном берегу реки Ориль. Веселые игры на воде. * Пионерский костер.

Фото А. Награльяна

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

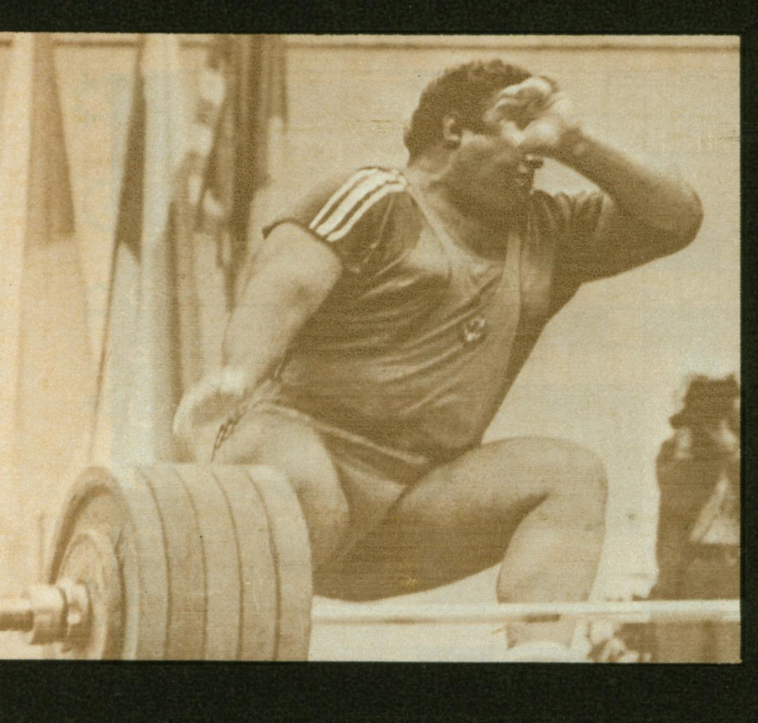
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 16.07.84. Подписано к печати 31.07.84. А 00394. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 719 000 экз. Изд. № 1722. Заказ № 3074.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЕМОЦИИ, ЕМОЦИИ…

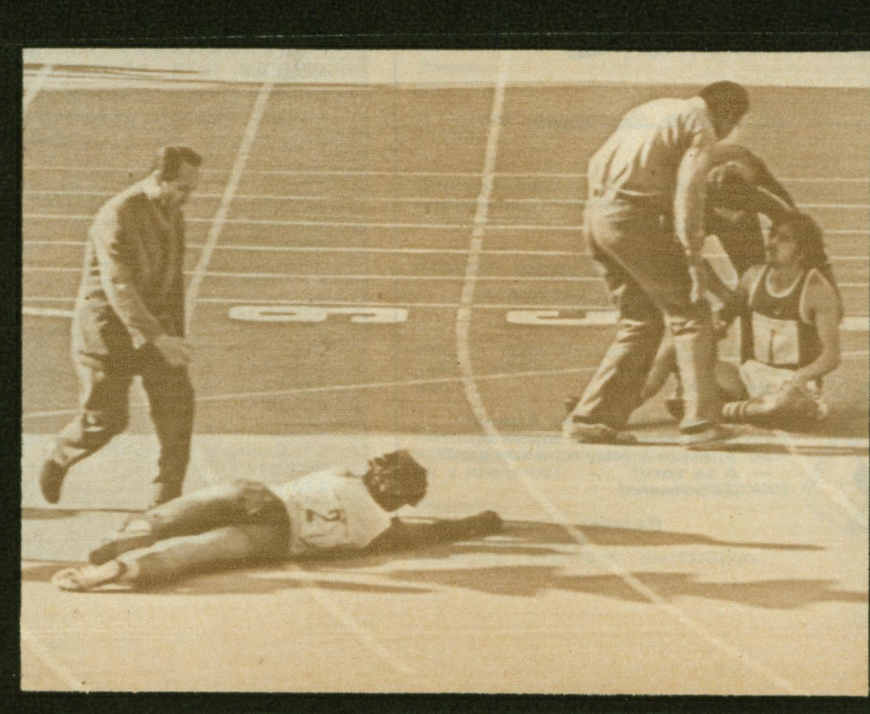

Фото А. БОЧИНИНА

Без эмоций нет спорта. Без восторга победы так же, как и без горечи поражения, не существует спортивное зрелище. Разве может родиться высокое достижение, рекорд из спокойствия, из равнодушия!

Вот перед вами всего несколько кадров на эту вечно новую тему. Сколько за этими снимками таится чувств, и радостных и печальных, но так или иначе рождающих горячий отклик зрителей! Если бы спортивная борьба не вызывала к жизни тончайшую гамму эмоций, вряд ли заполнялись бы трибуны. Доказательством этому — нынешний футбол. Равнодушие, невозмутимость игроков рождают скуку зрителей. А кому же хочется идти скучать на стадион!

Нет, спорт требует от спортсменов полнейшей отдачи, не только физической, но и духовной... Лишь это взрывчатое сочетание рождает незабываемое зрелище спортивной борьбы. А такая отдача происходит лишь тогда, когда на арене сходятся равноценные высококлассные соперники. Вот почему никогда шахматная партия, в которой за доской встречаются человек и кибернетическая машина, не вызовет эмоционального отклика у любителей этой прекрасной игры. Или представьте себе электронно-вычислительную машину, в которой запрограммирован не искусственный интеллект, а искусственный атлетизм. Сможет ли победа киберспортсмена вызвать к жизни бурю чувств! Вряд ли. Но, может быть, во время подготовки к высоким результатам, когда эмоции излишни, кибертренер окажется полезным, и рождение такого электронного тренера — совсем не утопия. Ученые Ленинграда уже близки к тому, чтобы создать электронный робот, который поможет тренерам воспитывать характер их учеников. Испытания таких электронных тренажеров уже проходят в Ленинградском институте физкультуры. А пока — пока эмоциональный взрыв в спорте неудержим. И, может быть, его и не надо сдерживать!

В. ВИКТОРОВ

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663